

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

6
1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

6
1976

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г. В. Гавриков.</i> О международной деятельности Болгарского земледельческого народного союза . . .	3
<i>Войтех Матерский</i> (ПНР). Из истории польско-советских отношений в межвоенный период (Миссия Л. Даровского в Москве)	11
<i>Р. П. Гришина.</i> «Лекции о фашизме» П. Тольятти и некоторые вопросы изучения фашизма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы	17
<i>Мартин Каспер</i> (ГДР). Борьба лужицких сербов за национальное равноправие в 1919—1932 годах	24
<i>Л. П. Роцевская.</i> Члены польской партии «Пролетарнат» в западносибирской ссылке	31
<i>В. Д. Королюк.</i> Перемещение славян в Подунавье и на Балканы (славяне и волохи в VI — середине VII в.)	43
<i>В. Тюрин.</i> ЮНЕСКО и проект изучения славянских культур	55
<i>Л. Софронова.</i> Польский театр эпохи Просвещения и народная театральная культура	62
<i>Л. А. Гиндин, И. А. Калужская.</i> К вопросу о лексических карпатизмах субстратного происхождения	72
<i>З. М. Волоцкая.</i> Некоторые наблюдения над структурой толкования мотивированных слов (на материале словарных статей в «Словаре польского языка» под ред. В. Дорошевского)	77

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>С. М. Гаврилова, Т. И. Комкова, Э. Г. Лаврик.</i> Глашатай чехословацко-советской дружбы и сотрудничества	87
<i>Т. Григорьянц.</i> «Dokumenta Occupationis», t. IX	90

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Т. Е. Зюзюкина.</i> Ј. Дубовац. Штампарство и графички радници у Србији 1831—1941 гг.	91
<i>Л. С. Кишкин.</i> Вопросы сравнительного изучения литератур в «Словаре литературоведческих терминов»	93

Б и б л и о г р а ф и я

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1976 г. (продолжение)	97
Содержание иностранных журналов	101

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Л. Б. Валев.</i> V заседание Комиссии историков СССР и НРБ	103
<i>Н. К. Жакова.</i> Роль славянских матиц в развитии культуры и национального самосознания славянских народов (К 150-летию Матицы сербской)	106
<i>Б. Ю. Норман.</i> Симпозиум языковедов в Минске	109
<i>В. Д. Королюк.</i> <u>Петр Николаевич Третьяков</u>	111
<i>С. Б. Бернштейн.</i> <u>Витольд Дорошевский</u>	113
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1976 году . .	116

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора),
Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШИМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.

Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *И. И. Ковловская*

Г. В. ГАВРИКОВ

О МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БОЛГАРСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО НАРОДНОГО СОЮЗА

Болгарский земледельческий народный союз — старейшая крестьянская партия Европы, известная давними традициями борьбы против сил реакции и войны, за утверждение власти рабочих и крестьян, имеет богатый многолетний опыт тесного сотрудничества с партией рабочего класса своей страны — Болгарской коммунистической партией.

Созданный на рубеже XIX—XX вв. БЗНС по своему составу был неоднородной организацией и развивался в борьбе прогрессивного и реакционного направлений, отражавших интересы, первое — мелкого и среднего крестьянства, второе — сельской буржуазии. После упорной борьбы верх в Союзе одержало прогрессивное крыло, которое возглавил крестьянский трибун и демократ А. Стамболийский.

Это крыло стояло на позициях мелкобуржуазного реформизма и сословной организации крестьянства, однако решающую роль в дальнейшей эволюции этого крыла, а вместе с ним и в эволюции Союза в целом сыграли теснейшая его связь с трудящимся крестьянством, верность демократическим, прогрессивным и антивоенным традициям, а также благотворное воздействие на все стороны деятельности Союза Болгарской коммунистической партии и лично ее руководителя Георгия Димитрова.

Именно указания Г. Димитрова о необходимости создания единого антифашистского фронта в Болгарии, его высказывания о дальнейшей деятельности БЗНС как самостоятельной организации после победы в Болгарии народной власти, заявления ЦК БКП и его Первого секретаря Т. Живкова о роли и задачах БЗНС на новых этапах строительства социализма в НРБ определили направление работы Союза.

Осуществив после победы народной власти в Болгарии глубокую идейно-политическую перестройку, БЗНС принял активное участие в работе БКП по кооперированию сельского хозяйства, в мобилизации крестьянских масс на борьбу за осуществление социалистических преобразований в стране, а в настоящее время концентрирует внимание на выполнении поставленных БКП социально-экономических и политических задач, прежде всего по постепенному решению проблемы социально-экономического и культурного сближения села и города, по окончательному устранению различий в условиях труда и быта рабочего класса и кооперативного крестьянства в Болгарии, участвует в осуществлении внутренней и внешней политики НРБ.

Историческая роль и значение БЗНС определены в Программе БКП, принятой на X съезде партии: «Болгарскому земледельческому народно-

му союзу принадлежит определенное, исторически сложившееся место в управлении обществом, во всей нашей жизни и на международной арене. Будучи верным союзником партии болгарских коммунистов, активным борцом за счастье народа, Болгарский земледельческий народный союз внес свой вклад в борьбу народа против капитализма и фашизма, за социалистическое переустройство страны. На нынешнем этапе строительства социалистического общества БЗНС играет и впредь будет играть важную роль в мобилизации трудящихся, особенно на селе, в деле социально-экономического и политического сплочения народа во имя процветания социалистической родины. Дальнейшее строительство социализма приведет к еще более тесным связям между Болгарской коммунистической партией и Болгарским земледельческим народным союзом, к обогащению и углублению совместной деятельности обеих организаций, к их постепенному сближению в единой борьбе и работе во имя общих целей, во имя торжества общего идеала»¹.

Роль и место БЗНС на нынешнем этапе развития страны отражены и в принятой в мае 1971 г. Конституции НРБ. Статья I Конституции гласит: «БКП руководит строительством развитого социалистического общества в Народной Республике Болгарии в тесном братском сотрудничестве с Болгарским земледельческим народным союзом»².

Характеристика роли БЗНС в Программе БКП и Конституции НРБ имеет важное значение, поскольку она дает ответ на вопрос об участии крестьянской партии в строительстве развитого социалистического общества.

Опыт более чем полувекового плодотворного сотрудничества Болгарской коммунистической партии с Болгарским земледельческим народным союзом, участие БЗНС в строительстве развитого социалистического общества в Болгарии с полным основанием можно считать ярким примером и образцом творческого применения ленинской идеи союза рабочего класса и крестьянства, достоянием всего коммунистического и рабочего движения, вкладом в теорию и практику социалистического строительства.

В современных условиях особенно большое значение приобретает международная сторона деятельности Болгарского земледельческого народного союза. Она имеет многолетние традиции. В период до победы народной власти в Болгарии эта деятельность в основном характеризовалась связями с некоторыми крестьянскими партиями славянских стран. А. Стамболийский явился инициатором создания в 1921 г. Международного аграрного бюро, известного в истории под названием «зеленого интернационала». Целью его А. Стамболийский провозгласил активную антивоенную деятельность в духе традиций БЗНС, борьбу «за сближение между народами». Вместе с тем деятельность Бюро, в которое входили и представители русских эмигрантских групп, имела известную антисоветскую направленность.

После свержения правительства БЗНС в результате военно-фашистского переворота 1923 г. и вплоть до начала второй мировой войны отдельные группы Союза сохраняли контакты с некоторыми крестьянскими организациями стран Центральной и Восточной Европы.

В период непосредственно после победы народной власти и до апрельского (1956) Пленума ЦК БКП БЗНС не выступал на международной арене: на этапе до 1948 г. это объяснялось объективными причи-

¹ «X съезд Болгарской коммунистической партии». М., 1972, стр. 284.

² «Конституции зарубежных социалистических государств Европы». М., 1973, стр. 97.

нами — отсутствием послевоенного урегулирования в Европе, а также положением дел в самом Союзе, еще не завершившем своей идейно-политической перестройки в условиях народной власти; позднее этому препятствовали некоторые субъективные факторы — в том числе недооценка роли Союза и его слабая активность.

Апрельский Пленум ЦК БКП создал благоприятную обстановку и условия для международной деятельности БЗНС, которая постепенно стала активизироваться. БЗНС, исходя из своих прогрессивных традиций — он и в прошлом выступал за мир и взаимопонимание между народами, оказывает поддержку миролюбивой и конструктивной внешней политике, которую проводит Болгарская коммунистическая партия. Будучи крестьянской партией, БЗНС заявляет о поддержке справедливой борьбы крестьян и их партий и организаций за разрешение современных аграрных проблем в своих странах, за улучшение положения крестьянства.

Принимая меры к дальнейшему расширению своей международной деятельности, БЗНС опирается на следующие факторы общественно-политического развития последнего времени: усиление процесса радикализации крестьянских масс; активизацию деятельности крестьянских партий в политической жизни своих стран; усиление общедемократических и антиимпериалистических тенденций в крестьянском движении; все более активное участие крестьянских партий и организаций в движении за мир, демократию и социальный прогресс; расширение влияния марксистско-ленинской идеологии на крестьянское движение.

Основной формой международной деятельности БЗНС в настоящее время являются ежегодно растущие двусторонние связи с другими крестьянскими партиями и организациями. Если в 1956 г. БЗНС практически не поддерживал таких связей, то в 1962 г. он имел контакты с 17 партиями и организациями, а в 1975 г. — уже почти с 60 демократическими сельскими и близкими к ним организациями. С 1956 г. по 1974 г. БЗНС принял свыше 350 делегаций, в состав которых входило более 4 тыс. деятелей крестьянских партий и организаций других стран, в том числе — председатели и генеральные секретари, премьер-министры, министры, сенаторы, депутаты и т. п. С другой стороны, делегации, включавшие руководителей деятелей, ответственных работников БЗНС, посетили ряд стран Европы, Африки, Азии и Латинской Америки, где нередко участвовали в важных мероприятиях местных крестьянских партий.

До настоящего времени БЗНС уделял главное внимание контактам с крестьянскими партиями и организациями Европы (на этом континенте он поддерживает контакты с 25 такими партиями и организациями). В последние годы придается все большее значение развитию связей с аграрными партиями и организациями Азии, Латинской Америки, а также ряда стран Африки, акцентируется внимание на установлении и развитии личных контактов с их деятелями. Посещающие Болгарию зарубежные крестьянские деятели встречают самый радушный прием, им предоставляют широкие возможности для ознакомления с достижениями Народной Республики Болгарии в социалистическом строительстве, особенно на селе, для встреч и бесед с рядовыми кооператорами, руководителями окружных организаций Союза и Постоянного присутствия БЗНС. Как правило, руководителей зарубежных крестьянских делегаций принимает секретарь БЗНС, а руководителей наиболее авторитетных крестьянских партий нередко принимает Первый секретарь ЦК БКП.

Расширяя и укрепляя свои двусторонние связи, Болгарский земледельческий народный союз в последние годы переходит к практике

подписания с другими крестьянскими партиями официальных соглашений об обменах и сотрудничестве, в которых формулируются цели, задачи и пути осуществления связей.

Так, в подписанной в феврале 1975 г. Декларации о принципах и формах сотрудничества между БЗНС и Объединенной крестьянской партией Польши (ОКПП) говорится, что целью сотрудничества является укрепление дружбы между братскими народами Болгарии и Польши, единства социалистических государств.

На основе ленинских принципов мирного сосуществования, отмечается в этом документе, обе партии будут развивать и расширять свои связи и сотрудничество с прогрессивными демократическими крестьянскими партиями и родственными им организациями в мире. Они будут содействовать уменьшению напряженности, укреплению безопасности и сотрудничества между странами с различным общественным строем, будут продолжать поддерживать справедливую борьбу крестьян за прогрессивные преобразования села и сельского хозяйства, будут работать на благо мира, для торжества дела социализма³.

Руководство БЗНС выражает готовность приглашать видных деятелей крестьянских партий других стран на курсы и семинары, организуемые Министерством земледелия НРБ, Центральным кооперативным союзом и другими организациями.

БЗНС выступает в последние годы и инициатором крупных международных мероприятий, во время которых имеют место встречи и обмен мнениями между деятелями крестьянских партий многих стран. Наряду с БЗНС ведущую роль в организации и проведении подобных мероприятий, а также в работе по объединению усилий крестьянских партий в борьбе за мир и международное сотрудничество играют Объединенная крестьянская партия Польши, Германская демократическая крестьянская партия, Национальный союз итальянских крестьян и финляндская Партия центра.

Первая международная встреча представителей ряда крестьянских партий состоялась в 1962 г. в г. Софии, она показала назревшую необходимость более частого обмена мнениями между крестьянскими деятелями по актуальным вопросам современности. В 1956 г. в Хельсинки была проведена вторая встреча, в которой приняли участие представители 16 аграрных партий и организаций. Участники встречи обратились к крестьянам всех стран с призывом активнее включаться в движение за мир. В 1966 г. в Женеве состоялась третья встреча, на которой представители 24 крестьянских партий и организаций обсудили вопрос о мобилизации крестьянских масс на борьбу против военной опасности. Тогда же была создана инициативная группа, подготовившая проведение широкой международной встречи в Софии в 1967 г., в которой приняли участие представители 35 крестьянских партий и организаций пяти континентов нашей планеты. В октябре 1971 г. в Софии состоялась новая встреча представителей — на этот раз 37 крестьянских партий и организаций, продемонстрировавших свою солидарность с антиимпериалистической борьбой. Наконец, в мае 1972 г. в Софии, при участии представителей 30 партий, организаций и объединений от 19 европейских стран и 4 международных организаций состоялась важная встреча, на которой обсуждался вопрос о скорейшем созыве совещания по вопросам мира, безопасности и сотрудничества в Европе.

Эти контакты дали возможность крестьянским деятелям различных политических убеждений ознакомиться с достижениями, целями и задачами,

³ «Работническо дело», 27 февраля 1975 г., стр. 4.

реализованными в условиях разных социально-экономических систем и различного уровня общественно-экономического развития, проводить дискуссии по проблемам, волнующим крестьянство. Значение этих встреч состояло прежде всего в том, что они способствовали сплочению крестьянского движения и повышению его роли в общедемократическом движении народов за мир, демократию и социальный прогресс.

Известное значение в международной деятельности БЗНС имеет и созданная в июне 1969 г. в Берлине Международная комиссия по координации сил аграрного движения в борьбе за мир, международное сотрудничество и взаимопонимание между народами (так называемая крестьянская комиссия) при Всемирном совете мира. Членами комиссии являются видные деятели крестьянских партий и организаций, а председателем — представитель БЗНС.

Стремясь повысить эффективность своей внешнеполитической деятельности, БЗНС в последнее время начинает внедрять и новые для Союза формы информационно-пропагандистской работы — издание специальной литературы, выпуск фильмов и т. д.

Повысилось внимание к вопросам совершенствования руководства международной деятельностью, к научному исследованию связанных с ней проблем. Международная деятельность БЗНС имеет многогранное значение. Земледельческий союз демонстрирует перед всем миром исторический опыт своего сотрудничества с БКП, являющийся замечательным примером воплощения в жизнь ленинской идеи союза рабочих и крестьян, образцом совместной работы правящей коммунистической и крестьянской партий.

Принимая многочисленных гостей из-за рубежа, БЗНС организует их пребывание в Болгарии таким образом, чтобы они могли обстоятельно ознакомиться с богатой и сложной историей Земледельческого союза, наглядно убедиться в том, что опыт сотрудничества земледельцев с коммунистами действительно выстрадан Союзом и оплачен ценой больших жертв. Во всех уголках страны можно встретить надгробные памятники замученным и расстрелянным военщиной и реакцией членам БЗНС. Показывая их зарубежным гостям, земледельцы с полным основанием говорят: это — памятники нашей «самостоятельной политики», результат нашей разобщенности с коммунистами. Показывая выросшие за годы народной власти прекрасные промышленные, сельскохозяйственные и культурно-бытовые объекты, земледельцы с законной гордостью говорят: вот памятники нашей совместной с коммунистами работы!

Теме единства коммунистов и членов Земледельческого союза, пропаганде единого фронта с коммунистами посвящаются беседы деятелей БЗНС с представителями крестьянского актива других стран, выступления руководителей Союза на собственных, международных и зарубежных форумах. Этой теме уделяется постоянное внимание в издаваемой БЗНС газете «Земледельско знаме», в печатных материалах, публикуемых издательством БЗНС⁴.

Своей деятельностью на международной арене БЗНС демонстрирует собственные успехи, возросший авторитет крестьянской партии, которая в условиях прочного союза рабочего класса и крестьянства, признания

⁴ В последние годы в издательстве БЗНС вышли в свет такие работы на эту тему: Д. Т и ш е в, Й. З а р ч е в. Георги Димитров основоположник на коммунистическо-земледельското единство в България; Й. М и т е в. Девети юни. Фашиският преврат на девети юни 1923 година и юнското антифашистко въстание; П. К о с т о в. Септември 1923 г. В единен фронт за работническо-селска власт; Д. Т и ш е в. Съвместната работа на БКП и БЗНС в строителството на социализма.

руководящей роли коммунистической партии добилась подлинного расцвета, стала полноправным участником социалистического строительства.

Деятели зарубежных аграрных партий при посещении Болгарии получают убедительную информацию и по вопросам участия БЗНС в управлении социалистическим государством. В настоящее время Земледельческий союз широко представлен во всех звеньях руководства страной (членами БЗНС являются первый заместитель председателя Государственного совета НРБ, четверть депутатов Народного собрания, 10 тыс. депутатов окружных и общинных советов), что наглядно демонстрирует роль этой организации в решении государственных вопросов.

Крестьянские партии и движения других стран мира проявляют растущий интерес к опыту сотрудничества земледельцев и коммунистов, дают ему высокую оценку, стремятся извлечь из него уроки для успешного решения задач общественно-экономического и политического развития в своих странах.

«Болгарский пример показывает нам, — отмечал член Исполкома Федерации сельскохозяйственных рабочих Тихоокеанского побережья Эквадора Густаво Кампи, — что лишь рабоче-крестьянский союз является единственной и неоспоримой политической силой, способной достичь прочной победы, освобождения всех народов в мире, которые борются против империализма и за мир на нашей планете»⁵.

«Мы проявляем глубокий интерес к истории вашей борьбы против капитализма и фашизма, — заявил генеральный секретарь Партии свободы Шри Ланка Суриарачи. — Пример Болгарского земледельческого народного союза является источником вдохновенных и ценных идей для партий в других странах, которые все еще борются за свою свободу... Ваш опыт представляет для нас источник неоценимых успехов в нашей собственной борьбе»⁶.

«Для наших молодых наций, перед которыми открывается будущее, — сказал секретарь Координационного комитета профсоюзов Мали Баандиугу Дукере, — 75 лет существования БЗНС полны смысла и значения. Они полны смысла потому, что из сословной крестьянской организации с воспитательными целями БЗНС стал... подлинной политической народной организацией, которая активно и убежденно участвует в осуществлении великих исторических задач нашего времени, организацией, которая с успехом включилась в строительство социализма в Болгарии и вносит свой вклад в дело защиты мира на земле...»⁷.

Болгарский земледельческий народный союз призывает другие крестьянские партии, организации к активному участию в борьбе за мир, против угрозы новой войны.

Тема укрепления единства крестьянского движения в борьбе за мир, против угрозы новой войны явственно звучала на каждой из международных встреч аграрных партий и организаций, проходивших с участием БЗНС, и отражена практически в каждом из двусторонних и многосторонних документов, которые подписывались представителями БЗНС совместно с представителями других крестьянских партий и организаций. В частности, на международной встрече «За мир, сотрудничество и лучшую жизнь трудящихся крестьян» (София, октябрь 1971 г.) было принято «Обращение ко всем демократическим крестьянским партиям и организациям, ко всем крестьянам активизировать совместные действия в борьбе за мир и между-

⁵ «Седемдесет и пет години на Български земеделски народен съюз». София, 1975, стр. 293.

⁶ Там же, стр. 224.

⁷ Там же, стр. 289.

народное сотрудничество», в котором содержался призыв к крестьянским массам и их организациям внести свой вклад в решение спорных вопросов мирным путем, оказывать содействие созыву всемирной конференции по разоружению, а также проведению общеевропейского совещания.

Активно выступая в поддержку выдвинутой XXIV съездом КПСС Программы мира, Болгарский земледельческий народный союз на своем XXXII съезде в октябре 1971 г. провозгласил «укрепление антиимпериалистического фронта, сохранение мира и безопасности во всем мире, утверждение политики мирного сосуществования»⁸ одним из принципов своей деятельности на современном этапе.

Контакты БЗНС с крестьянскими партиями в странах, недавно получивших национальную независимость, помогают разоблачению теорий, в соответствии с которыми не рабочий класс, а крестьянство является главной общественной силой, способной осуществить национальные и социальные революции, теорий, которые на деле ведут к разжиганию вражды к международному рабочему классу и европейским социалистическим странам, и других враждебных ленинизму концепций, представляющих опасность для революционного движения.

БЗНС активно пропагандирует среди мелкобуржуазных, прежде всего крестьянских, кругов развивающихся стран идеи социализма, убедительно показывая, что лишь кооперативный строй, социалистическое переустройство деревни могут избавить трудовые крестьянские массы от нищеты, отсталости и эксплуатации. Тем самым укрепляется тенденция борьбы за некапиталистический путь развития этих стран.

В настоящее время Болгарский земледельческий народный союз установил и успешно развивает связи с аграрными организациями в ряде арабских стран, в том числе Сирии, Алжире, Марокко, Тунисе, с 16 крестьянскими организациями стран Латинской Америки, возникшими в последние годы в результате мощных крестьянских выступлений, с некоторыми крупными аграрными организациями в Азии и с отдельными африканскими крестьянскими движениями.

БЗНС выступает за преодоление тенденций большинства крестьянских организаций в современном аграрном движении, акцентирующих свое внимание на защите прежде всего экономических интересов крестьянства и недооценивающих решение политических проблем. Заявляя, что он полностью поддерживает справедливую борьбу крестьянских партий и организаций за разрешение современных аграрных проблем, за улучшение социального положения крестьян, БЗНС вместе с тем дает пример подлинно классового подхода к деятельности крестьянской партии — он выдвигает в качестве первоочередных такие политические вопросы, как союз с рабочим классом, борьба за мир и мирное сосуществование двух систем.

БЗНС в немалой степени содействует пропаганде национальных успехов своей страны, особенно в области сельского хозяйства. Посещающие Болгарию представители зарубежных аграрных партий единодушно дают высокую оценку достигнутому в стране уровню развития села и сельскохозяйственного производства. «Кооперативный строй в Болгарии является, несомненно, вашим успехом. Создание и развитие аграрно-промышленных комплексов, — заявил секретарь Координационного комитета профсоюзов Мали Бандиугу Дукере, — то, что создала родина Георгия Димитрова и Александра Стамболийского, — живой пример для молодых африканских

⁸ «Доклад на секретаря на БЗНС др. Георги Трайков пред XXXII конгрес на БЗНС». София, 1972, стр. 35.

государств, пример, над которым стоит подумать, чтобы найти конкретные и оправданные жизнью решения наших проблем»⁹.

Своей деятельностью на международной арене БЗНС содействует и развитию межгосударственных отношений Народной Республики Болгарии. Нередко поездки делегаций Земледельческого союза по приглашению влиятельных крестьянских партий других стран приводили к установлению прочных контактов между государственными деятелями этих стран и Болгарии, к расширению торговых, культурных и научно-технических связей между ними.

БЗНС развивает самые тесные связи с крестьянскими партиями и организациями стран социалистического содружества, с которыми строит взаимоотношения, исходя из задачи дальнейшего укрепления единства и сплоченности социалистических стран и развития их взаимного сотрудничества во всех областях.

Важнейшее место в контактах БЗНС с этими партиями занимают вопросы обмена опытом их участия в руководстве политическими и экономическими процессами в своих странах, их вклада в построение развитого социалистического общества, их сотрудничества с коммунистическими партиями, прежде всего в решении назревших задач в области сельского хозяйства.

Наиболее тесные связи БЗНС поддерживает с ОКПП по линии как центральных, так и ряда окружных (воеводских) руководств обеих партий. Принципы и формы этих связей закреплены в подписанных в 1958 и 1972 гг. декларациях о развитии сотрудничества между БЗНС и ОКПП, совместно выступающими инициаторами международных крестьянских встреч.

БЗНС является активным и убежденным борцом за дальнейшее укрепление и развитие болгаро-советской дружбы. «...Нет более высокого долга, более точного критерия преданности любого прогрессивного человека земли делу социализма и мира, — говорилось в докладе недавно скончавшегося секретаря БЗНС Г. Трайкова, — чем долг охранять, укреплять и развивать дружбу своего народа с народами великого Советского Союза!»¹⁰.

Болгарский Земледельческий народный союз неустанно пропагандирует успехи СССР, поддерживает его ленинскую политику, решения XXV съезда КПСС.

Международная деятельность БЗНС получила высокую оценку КПСС и ряда других партий. В своем приветствии Постоянному присутствию БЗНС в связи с 75-летием Земледельческого союза Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза отмечал:

«Последовательно выступая за мир, демократию, социальный прогресс, взаимопонимание народов и государств и разрядку напряженности, Болгарский земледельческий народный союз заслуженно завоевал высокий международный авторитет. Неуклонно расширяются его связи с аграрными организациями других стран.

Советские люди с удовлетворением отмечают активную роль Болгарского земледельческого народного союза в укреплении братской дружбы болгарского и советского народов, в развитии и углублении всестороннего сотрудничества между Народной Республикой Болгарией и Советским Союзом»¹¹.

⁹ «Седемдесет и пет години...», стр. 290.

¹⁰ «70 години на Български земеделски народен съюз». София, 1970, стр. 29.

¹¹ «Правда», 1975, 26 февраля.

ВОЙТЕХ МАТЕРСКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛЬСКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (Миссия Л. Даровского в Москве)

Заключение в марте 1921 г. мирного договора между Польшей, Советской Россией и Советской Украиной создало реальную основу для полной нормализации отношений. Экономические интересы польского государства требовали восстановления хозяйственных связей, существовавших между землями бывшего Королевства Польского и Россией до первой мировой войны, без которых трудно было бы наладить нормальную экономическую жизнь в стране. Этому, однако, противились правящие круги Польши, в особенности представители бельведерского лагеря.

Вскоре после заключения мирного договора отношения между Советскими республиками и Польшей обострились, ибо польская сторона оказывала поддержку белогвардейским бандам. Твердая позиция советской дипломатии заставила польское правительство пойти на уступки. В ноябре 1921 г. Л. М. Караханом и Я. Домбским был подписан протокол, содержащий дополнительные обязательства и уточнения ряда статей Рижского договора; в частности, в протоколе говорилось о немедленном прекращении оказания поддержки белогвардейским организациям и удалении из Польши их руководителей. Это был прогресс в урегулировании спорных вопросов, но польское правительство продолжало относиться с неприязнью к советским предложениям о развитии экономических отношений.

Казалось, положение дел должно было несколько измениться в апреле 1923 г. с приходом к власти кабинета В. Витоса, опиравшегося на Польское стронництво людове — «Пяст» и эндецию. В предварявшем правительство ответственную коалицию соглашении, так называемом Ланцкоронском пакте, обе партии высказывались за установление экономических связей с Советскими республиками. Глубокий экономический кризис и усилившуюся инфляцию в стране можно было приостановить лишь порвав с прежней политикой. Правительство Витоса не только не пошло на это, но поставило нотификацию об образовании СССР в зависимость от ряда далеко идущих предварительных условий¹. Вскоре затем, после раскола депутатского клуба ПСЛ «Пяст», правительство вынуждено было уйти в отставку.

К власти пришел внепарламентский кабинет В. Грабского. Его создание явилось результатом своеобразного перемирия между соперни-

¹ «Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich», t. IV. Warszawa, 1965, dok. 171, 174, 176.

чающими политическими партиями. В обстановке экономических затруднений промышленные и торговые круги Польши проявляли интерес к восстановлению и развитию хозяйственных связей с Советской страной. Часть промышленных предприятий была традиционно связана с экономикой русского государства, и после войны испытывала острый недостаток сырья. В возобновлении контактов с Советской Россией были особенно заинтересованы владельцы текстильных предприятий². В отчете Профсоюзного отдела ЦК Коммунистической партии Польши за январь 1924 г. отмечалось: «...владельцы текстильных предприятий оказывают все более энергичное давление на правительство с целью заключения торгового договора с Советским Союзом, горняки и металлурги Силезии требуют, в свою очередь, создания условий для экспорта в Советскую Украину»³.

К нормализации экономических отношений с Польшей стремилась и советская сторона. Представители Внешторга установили контакты с рядом крупнейших польских фирм. В конце октября 1923 г. в результате переговоров советского торгового представителя К. Мяскова с представителями крупных лодзинских фирм было принято решение о создании смешанного польско-советского общества по экспорту в СССР лодзинских промышленных изделий⁴. В это же время Лодзь посетила советская торговая делегация; был заключен ряд договоров, в том числе о доставке пшеничной муки из СССР⁵. В конце года в Москву прибыла делегация объединения текстильных фабрикантов. Предварительные беседы предвещали выгодные для польской стороны результаты⁶. Были приняты меры для создания Акционерного общества водных путей⁷.

Хотя польское правительство понимало значение для Польши ее торговли с Советской страной, некоторые его действия явно препятствовали развитию сотрудничества в этой области. В январе 1924 г. по его распоряжению ограничивалась торговля в приграничной полосе. Агенты фирм, торговавших в пограничных областях, были обязаны вернуть пропуска, разрешавшие им пребывание в пограничных пунктах. Таможенные учреждения прекратили также прием деклараций на товары, направляемые в Советскую Украину⁸. Кроме того, польское правительство начало реализацию ценностей, предоставленных Советским правительством при подписании Рижского договора в качестве гарантии его платежей⁹.

Однако необходимость нормализации отношений с Советским Союзом была настолько для всех очевидна, что в этом не сомневались даже пилсудчики. Парламент и правительство стремились к тому, чтобы изменения к лучшему во взаимоотношениях произошли только в сфере экономических контактов, не затрагивая вопросов политических.

Эта миссия была поручена Людвигу Даровскому. Он прекрасно знал русские проблемы, с конца 1917 до 1919 гг. находился в Советской России в качестве члена представительства Регентского совета в Москве, как управляющий министерством промышленности и торговли принимал участие в рижских переговорах. Став в апреле 1921 г. министром труда и социального обеспечения, Даровский выполнял эти функции в восьми

² «Robotnik», 12 XII 1923, s. 4.

³ SA KC PZPR, Zespół KPP, mikr. 728, k. 3.

⁴ «Накануне», 1 XI 1923.

⁵ «Экономическая жизнь», 14 XI 1923.

⁶ P. Olszański. Starania rządu radzieckiego o wznowienie handlowo-gospodarczych stosunków z Polską w 1923 r. W: «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały», vol. XI/XII. Warszawa, 1974, s. 173.

⁷ «Przemysł i Handel», № 50/51, 20 XII 1923, s. 1042.

⁸ «Kurier Poranny», 19 II 1924, s. 2.

⁹ AAN, Akta St. Kauzika, t. 22, podt. 2.

кабинетах подряд, что было беспрецедентным фактом в тогдашней польской политической ситуации и свидетельствовало о его высокой компетентности.

Даровский назначался чрезвычайным послом и полномочным министром при правительстве СССР в Москве. Это была самая высокая в практике тогдашних польско-советских отношений степень аккредитации. Был значительно увеличен бюджет посольства в Москве, что, принимая во внимание известные финансовые трудности кабинета, свидетельствовало о большой заинтересованности правительства в результатах его миссии.

В инструкции министерства иностранных дел Даровскому, одобренной сеймовой комиссией по иностранным делам, говорилось, что значительный рост международного престижа СССР является выгодным для Польши, поскольку это гарантирует сохранение Рижского договора. Ряд стран Западной Европы стремится к установлению двусторонних отношений с СССР. Польша рискует, что включение Советского Союза в экономический организм Европы произойдет без ее участия, и поэтому также следует поспешить. «Руководствуясь именно этими намерениями, в инструкциях новому послу Я. Даровскому правительство придает особое значение его задачам в области экономической... Разумеется, основой наших отношений с СССР является Рижский договор, к полнейшему выполнению которого мы будем стремиться»¹⁰.

Таким образом правительство Польши по примеру Западной Европы высказывалось за нормализацию только экономических отношений. Оговорка относительно Рижского договора делала и ее проблематичной, ибо Советское государство рассматривало этот договор как несправедливый, навязанный ему в трудных условиях.

31 января состоялось доверительное совещание по вопросу о выполнении условий Рижского договора СССР. В совещании принимали участие: заведующий Восточным отделом МИД К. Скпыньский, представители Объединенной счетной комиссии Красницкий, Реэвакуационной — А. Ольшевский, специальной — С. Стажиньский и Даровский. По сообщению прессы: «После детального изучения вопроса всеми тремя комиссиями, в основательной дискуссии, продолжавшейся несколько часов, было достигнуто полное единогласие относительно средств и методов дальнейшей деятельности, соответствующих принятому по этому вопросу постановлению сеймовой комиссии по иностранным делам»¹¹.

Перед отъездом в Москву Даровский дал варшавскому корреспонденту РОСТА Ю. Ковальскому интервью. Оно было инспирировано польским МИД, хотя, конечно, высказывания Даровского до его официальной аккредитации не считались выражением мнения правительства. Они, вероятно, должны были заранее ознакомить советскую сторону с той программой, с которой он прибывал в Москву. «Я верю, — сказал Даровский, — что взаимоотношения между Польшей и СССР могут быть не только сносными, но и хорошими в полном смысле этого слова, и они должны быть установлены как можно скорее. Чем быстрее это произойдет, тем лучше для обеих сторон... Отношения, существовавшие после Рижского договора, это серия мелких конфликтов, ненужных мелких столкновений, сопровождаемая забвением наиболее существенных вопросов. Не следует забывать себе голову этими мелочами, но следует заняться основными проблемами — торговым договором, проблемой транзита, консульской конвенцией и ратификацией уже давно заключенной и столь необходимой для обеих сторон почтово-телеграфной конвенции. Урегулирование этих

¹⁰ «Kurier Warszawski», 16 II 1924, s. 1.

¹¹ Ibid., 1 II 1924, s. 9.

вопросов позволит активизировать прочные и естественные экономические связи польских земель и СССР и одновременно станет в глазах Европы показателем роста сил обоих наших государств... Это будет сближение, продиктованное интересами обеих наций». В заключение он добавил, что большое влияние на его оптимистическое настроение оказал тот факт, что он находится в хороших отношениях с советскими экономистами, с которыми работал в комиссии на Рижской конференции¹². В этом и других высказываниях Даровский избегал касаться каких бы то ни было политических проблем, трактуя свою миссию как чисто экономическую. Косвенным ответом на интервью Даровского стала опубликованная на страницах «Экономической жизни» статья Розенблатта «Польша и СССР». В ней содержалось предупреждение в адрес польских экономических кругов, чтобы они не рассчитывали на согласие Советского Союза заключить торговый договор с Польшей без нормализации польско-советских политических отношений. При этом выражалась надежда, что Польша устранил препятствия (т. е. несправедливые условия Рижского договора), мешающие гармоническому сосуществованию обоих государств¹³.

Вручение верительных грамот произошло 8 марта в Кремле. При этом Даровский подчеркнул, что его деятельность будет направлена на создание как можно более благоприятных условий для экономического сотрудничества. Он не преминул сказать, что Польша последовательно придерживается Рижского договора, который «...определил общие границы взаимных отношений». Задачей текущего момента, — отметил он, — является развитие и углубление этих отношений. По мнению польского правительства, это должно было быть сделано на основе экономического сближения. В ответном слове М. И. Калинин уверил посла в своей доброжелательности. Он добавил, что Советское правительство целиком поддерживает стремление польской стороны к экономическому сближению и с удовлетворением принимает ее заверения в желании сохранять мирную атмосферу в отношениях с СССР¹⁴.

Одной из важных экономических проблем являлся вопрос о железнодорожном сообщении между СССР и Польшей. Переговоры по этому вопросу начались еще в 1921 г., однако, вплоть до приезда Даровского не было достигнуто каких-либо результатов. Начать им в середине марта беседы с Советским правительством об установлении железнодорожного сообщения между обеими странами обнаружили сходство точек зрения. Даровский обратился к своему правительству с предложением направить Советскому правительству официальное письмо относительно проведения польско-советской конференции железнодорожных экспертов, задачей которой стала бы выработка проекта железнодорожной конвенции. 20 марта польское правительство обратилось к правительству СССР с просьбой прислать советскую делегацию на конференцию в Варшаву¹⁵.

4 апреля начала работу польско-советская железнодорожная конференция в Варшаве, а 24 апреля была подписана столь важная для обеих сторон конвенция. В ней определялись общие принципы непосредственного товарного и пассажирского сообщения¹⁶. Конвенция являлась прежде всего техническим соглашением, но сам по себе факт достижения соглашения по такому сложному вопросу, к тому же в относительно короткий

¹² CA MSW, WW 37, t. 1, d. 181; «Известия», 12 II 1924.

¹³ «Экономическая жизнь», 10 III 1924.

¹⁴ «Известия», 29 III 1924; «Kurier Polski», 10 III 1924, s. 2.

¹⁵ AAN AMSZ, Nasłuchy..., 20/III—24, Radiogram № 108.

¹⁶ Текст: «Dziennik Ustaw RP», № 50, 20 V 1925, poz. 344; Центральный Государственный архив Октябрьской революции СССР, ф. 5446, д. 246, 79.

срок оптимистически настраивал всех тех, кто был заинтересован в дальнейшей нормализации отношений¹⁷.

К наиболее трудным вопросам относилась консульская проблема. В ее решении особенно была заинтересована Польша, поскольку на территории Советских республик все еще проживало значительное число поляков, а в августе 1924 г. истек срок действия польско-советско-украинской комиссии по репатриации. По поводу консульской конвенции уже велись длительные переговоры. Даровский предложил продолжить их, опираясь на некоторые ранее согласованные положения. Советская сторона выразила согласие на это, и 21 марта в деловой атмосфере в Москве были начаты консульские переговоры¹⁸.

В течение 4 месяцев был выработан окончательный текст консульской конвенции¹⁹ и урегулирован ряд спорных вопросов, поскольку до сих пор польско-советские консульские отношения опирались не на фиксированные в документах нормы. Наряду с Рижским договором это был один из важнейших документов, урегулировавших вопросы, являвшиеся источником многих конфликтов.

Наряду с подготовкой консульской конвенции были решены вопросы репатриации и выбора гражданства. После предварительных бесед Даровского с представителями НКВД 25 марта польское посольство получило ноту НКВД относительно порядка выбора гражданства поляками на территории Закавказской федерации, на которую приняты ранее постановления о репатриации не распространялись²⁰. Выбор гражданства должен был осуществляться на основании статьи 6 Рижского договора с учетом дополнительных предписаний. Предусматривалось завершение репатриации к 1 июля 1924 г. Польское правительство выразило согласие на предложенные условия осуществления выбора гражданства²¹, и репатриация проходила успешно. 25 июня в Варшаве был подписан протокол, констатировавший завершение массовой репатриации поляков из СССР в Польшу²².

В начале апреля Советское правительство дало согласие на предварительные переговоры с Польшей о заключении торгового договора²³ с условием, что польское правительство пойдет на некоторые уступки относительно выполнения экономических условий Рижского договора и даст гарантии, что доведет это до сведения польской общественности. Не отдавая себе отчета в реальном соотношении сил, часть польских политиков и экономистов противилась пересмотру решений, навязанных СССР в Риге, рассматривая их как священные каноны польской восточной политики²⁴. Между тем международное положение СССР в 1924 г. было уже столь прочным, что отношения с Польшей не играли такой большой роли, как раньше. Этого в Варшаве не понимали или старались не замечать. Экономическая позиция СССР также настолько укрепилась, что его торговый договор с небольшим государством, каким, несомненно, была по сравнению с Советскими республиками Польша, не представлял

¹⁷ «Robotnik», 24 IV 1924; «Wyzwolenie Ludu», 11 V 1924 и другие издания.

¹⁸ «Czas», 23 III 1924; «Kurier Poranny», 23 III 1924.

¹⁹ Текст конвенции, подписанной 18 VII 1924 в Москве, см. «Dziennik Ustaw RP», № 35, 21 IV 1934, poz. 210.

²⁰ «Biuletyn Informacyjny Wydziału Wschodniego MSZ» (Na prawach rękopisu), 1 IV 1924, s. 17.

²¹ Ibid., s. 17—18.

²² «Dokumenty i materiały...», t. IV, s. 329.

²³ AAN, Komitet Polityczny Rady Ministrów, 1/4, Protokół z 75 posiedzenia w dniu 7 IV 1924 (pkt. 3).

²⁴ «Gazeta Warszawska», 23 III 1924; «Czas», 23 III 1924; AAN, Nasłuchy..., Radiogramy J. Kowalskiego z okresu marzec-kwiecień 1924 (szczególnie № 521).

интерес сам по себе. Советское правительство связывало заключение торгового договора с улучшением политических отношений. Польское же правительство не хотело этого. Поэтому торговые переговоры протекали медленно и в атмосфере, далекой от атмосферы бесед по железнодорожным или консульским вопросам. Польское правительство стало отказываться от уступок, которые оно предлагало перед началом торговых переговоров. В середине мая стало очевидно, что о соглашении не может быть и речи. Основная задача миссии Даровского оказалась невыполнимой.

Неудачи переговоров о заключении торгового договора продемонстрировали слабость Польши. Это было весьма ощутимое поражение в условиях, когда экономическая ситуация страны продолжала ухудшаться, а старая центристско-правая коалиция усилила борьбу за власть²⁵. Правительство пыталось представить дело таким образом, будто проект урегулирования с СССР экономических вопросов не нашел своего достойного исполнителя. К концу мая в этом духе стало обрабатываться общественное мнение. «В последние дни разошлись слухи об отставке Даровского. Его преемником называют Йодко. Слухи явно инспирированы. В качестве мотива отставки Даровского указывается неблагоприятная ситуация, в которой он оказался в Москве, и медленный ход бесед по поводу торгового договора», — сообщал корреспондент РОСТА из Варшавы²⁶.

Советским официальным кругам отставка Даровского была объяснена необходимостью не терпящего отлагательств его возвращения в министерство труда и социального обеспечения²⁷.

Миссия Л. Даровского могла сыграть более конструктивную роль и завершиться большими успехами, если бы польское правительство согласилось на улучшение политических отношений с СССР. Только план Дауэса и катастрофические для Польши экономические и политические последствия вынудили польское правительство заявить о намерении пересмотра своей политики в этой области²⁸.

Миссия Даровского стала началом преодоления в правящих кругах Польши сомнений в прочности Советской власти и способствовала осознанию ими необходимости установления нормальных отношений с СССР.

²⁵ M. R a t a j. Pamiętniki 1918—1927. Warszawa, 1965, s. 216, 218—219.

²⁶ AAN, Nasłuchy..., 26/V—24, Radiogram № 436.

²⁷ SA KC PZPR, Akta R. Knolla, 261/II, k. 2—3, List prywatny Knolla do Darowskiego, 6 VI 1924.

²⁸ «Документы внешней политики СССР», т. VII. М., 1963, стр. 130.

Р. П. ГРИШИНА

«ЛЕКЦИИ О ФАШИЗМЕ» П. ТОЛЬЯТТИ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ФАШИЗМА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В 1970 г. издательство Итальянской коммунистической партии выпустило в свет лекции П. Тольятти о фашизме, которые этот видный деятель международного коммунистического движения прочел в январе — апреле 1935 г. для итальянских коммунистов-подпольщиков, слушателей Ленинской школы в Москве. В 1974 г. эти лекции появились в русском переводе кандидата исторических наук В. А. Богорада, специалиста по истории Италии и итальянского рабочего и коммунистического движения (М., Политиздат, 200 стр.).

Перед нами небольшая книжка карманного формата, содержащая 8 лекций. В ней П. Тольятти в популярной форме излагает ряд сложных теоретических вопросов, сохранивших свою актуальность и по сей день. Он сосредоточивает свое внимание на раскрытии классового характера фашизма, анализе его социальной базы, на выявлении роли созданных им массовых организаций в механизме диктатуры и других. Издательство снабдило книгу небольшой статьей вводного характера и обширным комментарием, выполняющим функцию гораздо более важную, чем простое пояснение текста. Выполненный очень квалифицированно В. А. Богорадом, он удачно дополняет лекции П. Тольятти и тем самым способствует углубленному восприятию материала широким кругом современных читателей. Знакомясь с комментарием, читатель получает не только четкое марксистское представление о событиях и деятелях, о которых идет речь в лекциях, но и возможность окунуться в атмосферу итальянской общественно-политической жизни 20—30-х годов.

Во введении неслучайно подчеркивается, что чтение лекций П. Тольятти совпало по времени с заключительным этапом подготовки VII конгресса Коминтерна, выработавшего новую стратегическую и тактическую линию коммунистического движения в борьбе против фашизма и войны.

Подготовка к конгрессу, начавшаяся после того, как в мае 1934 г. ИККИ определил его повестку дня, была многогранной и напряженной. Необходим был тщательный анализ обстановки, изменившейся за последние годы, обобщение и развитие того опыта, который накапливали компартии в антифашистской борьбе. Необходимо было выработать новые оценки, новый подход к некоторым явлениям политической жизни. Задача эта была не простой не только из-за обилия материала, который предстояло рассмотреть и переосмыслить, но и из-за определенного сопротивления со стороны ряда деятелей Коминтерна. Выработка политики коммунистического движения была сложным и довольно длительным

процессом. В ходе горячих дискуссий постепенно были сформулированы основные принципы новой стратегической и тактической линии коммунистического движения.

П. Тольятти был в числе тех деятелей Коминтерна, кто принял самое деятельное участие в выработке политики коммунистического движения. По предложению Г. Димитрова П. Тольятти был привлечен к работе в одной из подготовительных комиссий конгресса¹. На самом конгрессе он выступил с докладом «О задачах Коминтерна в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны». Лекции, прочитанные им в январе — апреле 1935 г., были, несомненно, одним из первых опытов творческого применения к конкретной проблеме того нового политического метода, который вырабатывался в Коминтерне, и одновременно они были вкладом в развитие и утверждение новой политики коммунистического движения.

В «Лекциях о фашизме» П. Тольятти рассматривает феномен фашизма главным образом на хорошо ему известном итальянском материале. Но фактически значение «Лекций» гораздо шире, чем анализ только итальянского случая. Впрочем, теоретические выводы, звучавшие во многом по-новому тогда, в преддверии VII конгресса Коминтерна, теперь, уже проверенные годами, приобрели солидность и устойчивость. Поэтому в настоящих заметках хотелось бы обратить внимание на методiku работы П. Тольятти, и не вообще, а применительно к задачам изучения фашизма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Давно подмечено, что режимы межвоенного двадцатилетия в этих странах довольно значительно отличались от так называемого «классического» фашизма. В Центральной и Юго-Восточной Европе, где уровень развития и организации капитала был сравнительно невысок, некоторые характерные для фашизма черты имели стертые, нечетко выраженные формы, либо проявлялась неполнота компонентов, присущих фашистским партиям, организациям и движениям, или, в еще большей степени, фашистскому государству. В последние годы в ряде стран указанного региона прошли дискуссии национального и более широкого масштаба. Их участники стремились теоретически осмыслить природу режимов, существовавших в межвоенный период в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, определить черты и признаки, объединяющие их с законченными фашистскими диктатурами и отличающие их от них. Дискуссии эти сыграли важную роль прежде всего в том отношении, что в ходе их был поставлен ряд принципиальных вопросов, нуждающихся в разрешении, а также намечены направления, на которых должны быть сосредоточены усилия специалистов.

Вместе с тем дискуссии отразили наличие множества подходов к предмету, несовпадение взглядов не только среди ученых разных стран, но и среди специалистов-историков Болгарии, Венгрии, Польши по проблемам собственной истории. Единственно единодушным является мнение о том, что в каждой из стран названного региона проведено недостаточно конкретно-исторических исследований природы режимов межвоенного двадцатилетия². При этом менее всего изучены вопросы о роли масс в системе режимов межвоенного периода, о роли финансового капитала в утверждении фашистских сил у власти, о социально-экономической политике правительств этих режимов, о системе мелких экономических льгот и поощрений и т. п. — вопросы, которые, как показывают «Лекции» П. Тольятти, имеют совсем не второстепенное значение. В свете задач, стоящих

¹ Б. М. Лейбзон, К. К. Шрипя. Поворот в политике Коминтерна. М., 1975, стр. 90.

² «Исторически преглед», 1968, № 1, стр. 95; «Z pola walki», 1972, № 3, s. 328.

перед историками в этой области, «Лекции о фашизме» представляются очень важными, поскольку они являют собой пример в высшей степени удачного исторического исследования.

С точки зрения методики работы П. Тольятти обращают на себя внимание глубоко обособанный выбор им предмета анализа в каждой лекции, глубина и всесторонность изучения вопросов и, главное, изучение их не оторванно друг от друга, а во взаимосвязи и взаимозависимости. Необходимо подчеркнуть, что одна из составляющих успеха П. Тольятти — овладение большим конкретным материалом, на основе которого автор стремится рассмотреть фашизм в Италии как комплекс государственно-политических, социально-экономических и культурно-идеологических факторов в их сложном переплетении. Бесспорно, только такой подход — без искусственного выпячивания одной или нескольких черт из комплекса, а также без произвольного игнорирования некоторых на первый взгляд несущественных черт — следует считать продуктивным.

Уже в первой лекции, посвященной «Основным особенностям фашистской диктатуры», П. Тольятти говорит о неразрывной связи между двумя элементами фашистской диктатуры: диктатурой буржуазии и движением мелкобуржуазных масс. «Если ограничиться лишь рассмотрением первого элемента, — продолжает он, — то теряется из виду главная линия исторической эволюции фашизма и его классовое содержание. Если остановиться только на втором элементе, теряются из виду перспективы» (стр. 7), т. е. теряется представление о том, куда же фашизм может привести.

Значение этого первого аспекта — руководящей и направляющей роли диктатуры буржуазии, П. Тольятти подчеркивает в «Лекциях» неоднократно. «Линия, которой придерживается фашизм, является линией решающих слоев буржуазии», — пишет он (стр. 37), имея в виду под решающими слоями представителей финансового капитала.

Говоря об основных особенностях фашистской диктатуры, П. Тольятти обращает внимание на особое значение правильности анализа экономических показателей. Среди ошибок, которые допускали итальянские коммунисты в прежние годы, он указывает на учет только количественных показателей и игнорирование данных, характеризующих структуру экономики. В результате без внимания оказывались такие важные факторы как степень концентрации промышленности и банковского капитала. Между тем необходимо учитывать, что уровень развития капитализма в стране характеризуется не столько долей сельского хозяйства в экономике, сколько органическим строением капитала, развитием монополий и т. п. (стр. 13).

Данное указание тем более важно, что, по мнению П. Тольятти, «эту ошибку, видимо, можно считать всеобщей» (стр. 13).

В настоящее время советские историки, изучающие фашизм в разных странах Европы, на многочисленных примерах научно доказали самую тесную связь между фашизмом и финансовым капиталом. Исследование разнообразного материала по странам позволило сделать и уточнение, подчеркивающее особую заинтересованность в фашизме и особую связь с ним представителей государственно-монополистического капитализма. Обобщая, крупнейший исследователь этой проблемы А. А. Галкин пишет, что фашизм выступает как политическая надстройка более или менее развитых государственно-монополистических отношений³.

Однако вплоть до последнего времени применительно к режимам межвоенного периода в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, во-

³ А. А. Галкин. Социология неофашизма. М., 1971, стр. 44.

прос, как правило, так не ставился, поскольку государственно-монополистический капитализм в этих странах развит был слабо. Насколько это неправомерно и насколько прав был П. Тольятти, утверждая, что главное — не количественные показатели, а структура капитала, нам пришлось убедиться в ходе конкретного исследования проблемы возникновения фашизма в Болгарии. В отсталой аграрной стране со средним, по принятой оценке, уровнем развития капитализма, появление фашизма, помимо прочих условий, оказалось самым тесным образом связано с существованием и деятельностью Дирекции по снабжению и общественному планированию — государственно-монополистической организации, возникшей в годы первой мировой войны для мобилизации ресурсов страны в военное время⁴.

Этот факт, как и констатации некоторых советских авторов — румынистов, указывающих, хотя и в общей форме, на связь государственно-монополистического капитализма с развитием фашистских тенденций в Румынии⁵, свидетельствует о необходимости тщательного изучения политической роли в жизни страны представителей тех групп финансового капитала, которые выступали за фашистский вариант государственно-монополистического капитализма.

На втором элементе предлагаемой П. Тольятти формулы фашизма также имеет смысл остановиться подробно, поскольку в ряде работ последних лет изучение вопроса о массовой базе режимов применительно к странам Центральной и Юго-Восточной Европы было отодвинуто на задний план и нередко авторы ограничивались лишь констатацией того, что фашистский режим в той или иной стране имел некоторую массовую базу, а чаще — утверждением о незначительности или даже отсутствии поддержки фашистского режима со стороны масс. В свете этого мнение П. Тольятти о том, что главная линия эволюции фашизма связана с движением мелкобуржуазных масс, представляется очень важным.

Характерно, что со вторым элементом — движением мелкобуржуазных масс — П. Тольятти связывал усиление первого — диктатуры буржуазии. Мобилизация мелкой буржуазии, подчеркивал он, таила в себе «элемент усиления буржуазии», поскольку позволяла ей управлять с помощью иных методов, отличающихся от демократических⁶ (стр. 15). И далее: «Фашистская диктатура таким образом стремится опереться на массовое движение, организуя с этой целью крупную и мелкую буржуазию» (стр. 11—12).

Насколько серьезно стоял для фашизма вопрос о массовой базе, о завоевании им на свою сторону мелкой буржуазии, П. Тольятти подчеркивает указанием на то, что, придя к власти, фашизм набрасывается прежде всего на те партии, массовая база которых сходна с первоначальной базой фашизма (мелкая и средняя буржуазия, крестьянство). Так, на Народную партию в Италии фашизм обрушился раньше, чем на реформистскую, а на реформистскую раньше, чем на коммунистическую (стр. 61—62). В результате за отвоевание «этих массовых слоев, за сохранение влияния

⁴ Этот вывод для Болгарии впервые подтверждает болгарский историк Ст. Радулов [см. его недавно вышедшую статью «Народният стговор и генезисът на българския фашизъм (1921—1923)». Известия на Института по история на БКП, т. 33. София, 1975, стр. 376].

⁵ Н. И. Лебедев. Румыния в годы второй мировой войны. М., 1961, стр. 40—41; А. А. Язкова. Румыния накануне второй мировой войны. 1934—1939. М., 1963, стр. 61—62.

⁶ Заслуживает внимания сама постановка вопроса о том, что переход к фашизму означает не только слабость буржуазии, выражающуюся в неспособности управлять прежними методами, но и ее силу, выраженную в способности использовать новые методы и при этом опереться на движение мелкой буржуазии.

на них развернулась острейшая конкуренция, переросшая в исключительно напряженное политическое противоборство» (стр. 62).

Термин «фашизм», пишет П. Тольятти, часто употребляется не совсем точно, главным образом, как синоним реакции и террора. Но фашизм — это реакция особого рода. Термин «фашизм», — подчеркивает автор, — мы должны употреблять «исключительно в тех случаях, когда борьба против рабочего класса развертывается на новой массовой базе мелкобуржуазного характера, как это имеет место в Германии, Италии, Франции, Англии, словом, повсюду, где существует типичный фашизм» (стр. 11). Этот тезис П. Тольятти представляется исключительно верным не только для «классических», законченных «образцов» фашизма; его необходимо иметь в виду и при изучении развития фашистских тенденций и фашистских организаций, а также и самих режимов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы межвоенного периода. Иными словами, одним из критериев типичного фашизма является наличие реакционной массовой базы, в результате чего борьба против организаций рабочего класса приобретает новый характер: она ведется не только сверху, органами государственной власти, но и снизу — с помощью различных фашистских организаций, члены которых являются выходцами из мелкобуржуазных слоев. Впрочем не всегда и не везде эти массы объединены в какие-то организации, важно, что они настроены враждебно по отношению к рабочему классу и рабочему движению.

В свете сказанного становится ясным, почему П. Тольятти так много внимания уделяет вопросу о месте мелкой буржуазии в системе фашистского режима и анализу методов и приемов, используемых фашизмом для привлечения мелкой буржуазии на свою сторону. Его беспокоило, что коммунисты в Италии недооценили важность работы в массах, которые в большой своей части оказались под влиянием фашистов. Через всю книгу красной нитью проходит мысль, что коммунисты не должны упускать из виду настроений мелкой буржуазии, чтобы в каждый данный момент знать, за кем идут массы, что делают фашисты для расширения своего влияния в этих массах, и в зависимости от этого строить свою политику, целью которой является мобилизация масс на антифашистскую борьбу.

Именно эти вопросы находятся в центре внимания П. Тольятти в главах «Дополаворо» и «Политика фашизма в деревне».

«Дополаворо» — фашистская организация, ведавшая вопросами досуга трудящихся. На первый взгляд, она занималась делами отнюдь не первостепенной важности: создание различных кружков досуга по месту жительства и по месту работы, некоторых спортивных обществ и художественных коллективов. И действовали фашисты не только принуждением, ибо «даже мелкие радости вовсе не безразличны рабочим» (стр. 133). А «Дополаворо» предоставляла своим членам различные льготы, скидки на билеты в театр и кино, возможность приобретения в определенных магазинах продовольственных товаров и одежды по сниженным ценам, помощь в организации туристских поездок. В отдельных случаях кружки досуга выполняли функции касс взаимопомощи, оказывали содействие нуждающимся семьям тружеников, получивших увечье, и т. п. В результате «Дополаворо» превратилась в самую массовую фашистскую организацию, находившуюся в постоянном контакте с трудящимися, удовлетворявшую определенные их потребности (стр. 128).

Четко определяет П. Тольятти линию коммунистической партии в сложившихся условиях: наша задача, пишет он, не разлагать организации «Дополаворо», а добиваться завоевания их трудящимися; наш долг — вступать в эти организации и организовать в них борьбу за наши принципы.

Тщательно рассматривая деятельность «Дополаворо», П. Тольятти обращает серьезное внимание на вопрос о том, что ничего нельзя сбрасывать со счетов в фашистской политике, что из незначительного вначале мероприятия может вырасти в конце концов явление важного социального значения. Так, в итальянском случае коммунистам приходилось констатировать, что «различные по своему характеру секции доплаворо проводят больший объем деятельности среди масс, нежели фашистская партия и даже фашистские профсоюзы» (стр. 126).

Столь же пристальное внимание П. Тольятти привлекает социально-экономическая политика фашистских властей. Он категорически возражает против того, чтобы «отделяться смешками по поводу таких проблем, как „битва за хлеб“, „интегральная мелиорация“, „экономическая организация сельского хозяйства“, „ликвидация батрачества“, считает ошибкой, и весьма серьезной, подобный подход к делу. Ибо, подчеркивает П. Тольятти, «во всех этих сферах каждому лозунгу, брошенному фашизмом, соответствуют явления реальной действительности, порой существенные...» (стр. 151). Поскольку те или иные мероприятия социально-экономического характера давали пусть небольшую, но все же какую-то выгоду средним слоям, они служили лучшим способом для привязывания этих слоев к фашистскому режиму. Поэтому автор призывает не закрывать глаза на то, что фашизму удалось осуществить. Коммунисты должны видеть конкретные результаты фашистской политики и изучать их.

П. Тольятти избегает односторонности, не прячется за броскими обвинениями фашизма в демагогии, что отчетливо проявилось и в главе «Корпоративизм». Да, пишет П. Тольятти, корпоративизм не представляет собой ничего иного, кроме потока слов и набора фраз, посредством которых фашизм стремится замаскировать классовый характер диктатуры наиболее реакционных и наиболее шовинистических элементов финансового капитала, да, это — демагогический лозунг, рассчитанный на массы. Но только такой оценки явно недостаточно. «Ограничиться этим означало бы не видеть проблемы в ее полноте, означало бы упустить из виду ее многочисленные аспекты», ибо корпоративизм — это не только пропагандистский трюк, но и реальная действительность (стр. 168—169).

Нельзя не обратить внимания на то, что П. Тольятти говорит не столько о роли социальной демагогии для завоевания масс фашистами, хотя она тоже имела место и оказывала свое влияние, сколько о роли пусть небольших, но непосредственных экономических подачек трудящимся. Этот метод представляется гораздо более продуктивным и для выяснения вопроса о месте масс в системе режимов межвоенного двадцатилетия в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, чем нашедшие широкое применение в литературе приемы, выражающиеся преимущественно в указании на первенствующее значение социальной демагогии и фактическом игнорировании фашистской социально-экономической политики.

Значительная часть «Лекций» посвящена вопросам политико-организационных форм, используемых фашизмом. Этому посвящены главы «Буржуазная „партия нового типа“», «Национальная фашистская партия», «Военно-пропагандистские организации фашизма», «Фашистские профсоюзы». С точки зрения методики исследования фашистского режима в Италии наиболее интересно, на наш взгляд, в этих главах П. Тольятти рассмотрел процесс создания фашистской партии, процесс длительный, завершившийся в 1927 г. В итоге фашистская партия заняла монопольное положение на политической арене Италии, охватив внушительные слои итальянского населения и всю итальянскую буржуазию. Но что она представляла собой? П. Тольятти особо отмечает, что партия перестала быть таковой: в ней нет больше места дискуссии, члены ее не принимают ника-

кого участия в определении ее политики, исчезает всякая форма внутрипартийной демократии, партия организуется по бюрократическому принципу — сверху. Иными словами, фашистская партия — это не партия в обычном понимании, а политическая организация нового типа, приспособленная к условиям открытой диктатуры над трудящимися классами (стр. 72). Смысл такой политической операции, произведенной фашистами, — лишить массы политической активности и, овладев ими в рамках фашистской партии, превратить их в политический пассив, ибо, стань фашистская партия активной, она «представила бы в силу своих особенностей опасность для самого фашизма» (стр. 82).

Более того, поскольку фашистская партия опиралась на широкую сеть других органов и связей, она обеспечила буржуазии, в данном случае итальянской, возможность в любой момент оказать вооруженное давление на трудящиеся массы; в этом отношении велика роль милиции, являвшейся орудием не государства, а непосредственно фашистской партии.

Представляется, что наблюдения П. Тольятти относительно основных, характерных черт фашистской партии имеют значение широкое, выходящее за пределы итальянской специфики.

В целом выход «Лекций о фашизме» П. Тольятти на русском языке — событие большого политического и научного значения, имеющее, как мы старались это показать, непосредственное отношение к изучению режимов межвоенного периода в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

МАРТИН КАСПЕР

БОРЬБА ЛУЖИЦКИХ СЕРБОВ ЗА НАЦИОНАЛЬНОЕ РАВНОПРАВИЕ В 1919—1932 ГОДАХ

После Великой Октябрьской социалистической революции немецкая политика «Дранг нах Остен» приобрела антисоциалистическое направление. Хотя империалистическая Германия потерпела поражение в мировой войне и была ослаблена, эксплуататорские классы сумели сохранить свое господство в период Ноябрьской революции и Веймарской республики. Их политика в значительной мере зависела от целей и интересов империалистических держав-победительниц¹. Великобритания и США, несмотря на некоторые противоречия между ними, стремились к созданию единого фронта капиталистических государств против Советской России. Особое место в создававшемся антисоветском блоке предназначалось Германии. Как правильно указывают К. Герман и Эд. Сладек, германский империализм использовал политику, основанную на общих антикоммунистических интересах, для оживления и интенсификации своего традиционного «Дранг нах Остен»².

Особенно большие усилия для укрепления ослабленной военной системы Германии приложил Г. Штреземанн, будучи министром иностранных дел с 1923 по 1929 г. Он стремился использовать противоречия в империалистическом лагере и развивать отношения Германии с державами-победительницами на основе общих антикоммунистических целей. Ненавидя коммунизм и презирая славян, Штреземанн был готов при определенных условиях принять участие в вооруженной антисоветской интервенции. Вместе с тем он был заинтересован в расширении торговли с Советским Союзом, что обеспечило бы Германии не только экономическую выгоду, но и большую свободу действий на международной арене. В письме бывшему германскому кронпринцу Штреземанн осторожно, но и достаточно четко, раскрывал цели своей политики, важнейшее место в которой занимали коррекция восточных границ и аншлюс Австрии. Он думал о постепенном создании «Великой Германии» путем включения в ее состав тех территорий Восточной и Юго-Восточной Европы, где проживало немецкое национальное меньшинство³. Подписанный в октябре 1925 г. пакт в Локкарно должен был защитить западные государства от германского милитаризма, но не препятствовал его агрессии на восток. Таким образом,

¹ В. К. Волков. Основные этапы развития славяно-германских отношений в XIX—XX вв. в свете германской империалистической политики «Дранг нах Остен». Проблемы и задачи исследования. «Исследования по славяно-германским отношениям». М., 1970, стр. 23—24.

² К. Hermann, Z. Sládek. Německý imperialismus a slovanské národy. V: «Československá přednášky pro VII mezinárodní sjezd slavistů». Varsava, 1973, s. 433.

³ W. R u g e. Stresemann. Ein Lebensbild. Berlin, 1966, S. 153, 176.

восточная экспансия германского империализма была официально санкционирована государствами-победителями. Хотя эта политика была направлена главным образом против Советского Союза, ближайшие соседи Германии — Польша и Чехословакия — первыми почувствовали угрозу германского империализма.

Но в это время германский империализм был еще не в состоянии осуществить свои цели военным путем, поэтому стремление к изменению послевоенных восточных границ особенно проявилось в идейно-политической области. Немецкий великодержавный шовинизм, соединенный с антикоммунизмом и антисоветизмом, стал важнейшим средством для осуществления планов крупной буржуазии. В идеологии германского империализма весьма сильно выделялся антиславянский аспект. С возрождением политики «Дранг нах Остен» усилилась и антиславянская пропаганда. Внутри страны она прежде всего направлялась против польского и серболужицкого национальных меньшинств.

В период кайзеровского рейха серболужицкий народ был обречен на национальную гибель⁴. Правительства Веймарской республики придерживались той же политики. «Усилить политику германизации в областях, населенных вендами»⁵, «способствовать германизации вендов», «разъяснить преступный характер современных национальных устремлений вендов», квалифицировать «всякое национальное самосознание вендов как враждебное „государству“», «воспрепятствовать возможному проникновению радикального социализма в движение вендов» — вот установки, которыми должно было руководствоваться созданное в 1920 г. «Вендское отделение»⁶. Цели антисерболужицкой политики оставались теми же, но изменились средства ее проведения.

Несмотря на поражение Ноябрьской революции, пролетариат все же добился в рамках буржуазно-демократического строя некоторых свобод, которые облегчали лужицким сербам борьбу за сохранение культуры и национальное равноправие. Но рост великодержавного немецкого шовинизма и усиление милитаризма все более ограничивали предусмотренные конституцией права. Избрание в апреле 1925 г. на пост президента бывшего кайзеровского генерал-фельдмаршала П. Гинденбурга свидетельствовало о возрождении немецкого милитаризма и стремлении реакции к уничтожению буржуазно-демократического строя.

Вследствие особых исторических причин в среде лужицких сербов не сформировалась национальная крупная буржуазия. Крупными фабрикантами, банкирами и помещиками в Лужицах были немцы. Серболужицкой была только относительно слабая сельская буржуазия. По своему социальному положению лужицкие сербы относились почти исключительно к трудящимся слоям. Они подвергались эксплуатации и национальному угнетению. Это определяло и социальный состав серболужицкого национального движения. Оно объединяло индустриальных рабочих, проживавших в селах, полупролетариат, прислугу, сельскохозяйственных рабочих, сильно дифференцированное крестьянство, ремесленников, интеллигенцию. Руководство национальным движением находилось уже в XIX в. в руках мелкой буржуазии. Она, как указывал В. И. Ленин, по своему экономическому положению «наиболее патриотична, если сравнить ее с пролетариатом и крупной буржуазией»⁷.

⁴ J. S o l t a, H. Z w a h r. Geschichte der Sorben. B. 2. Von 1789 bis 1917. Bautzen, 1974, S. 157 ff.

⁵ Вендами называли лужицких сербов германские шовинисты.

⁶ F. M ě t š k. Bestandsverzeichnis des Sorbischen Kulturarchivs in Bautzen, T. III. Das Depositum Wendenabteilung. Bautzen, 1967, S. 159.

⁷ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 213.

Серболужицкое национальное движение, опиравшееся на собственные силы, стремилось найти историческое обоснование самобытности лужицан, развить их самосознание, определить атрибуты «серболужицкого» патриотизма, включить культуру их народа в общеславянское достояние, укрепить и расширить его связи с другими славянскими народами.

В отличие от развитых буржуазных наций борьба лужицких сербов за введение родного языка в школах, церкви и общественно-политической жизни не была еще завершена. Проблемы родного языка, сохранения и развития национальной культуры, сыгравшие важную роль в национальном возрождении большинства славянских народов, имели большое значение и для национального развития лужицких сербов. После провозглашения Германии буржуазно-демократической республикой в Лужицах происходит большой культурно-национальный подъем. Лужицкие сербы стремились прежде всего к тому, чтобы преодолеть последствия угнетения в кайзеровском рейхе, восстановить прерванное в период мировой войны культурное развитие и использовать буржуазно-демократические свободы в целях национального прогресса. Опираясь на традиции народного движения, обогащая свои духовные ценности, они стремились к национальной консолидации и обеспечению своего культурного развития.

Известно, что национальное самосознание лужицких сербов развивалось в тесной связи с национальным развитием других славянских народов⁸. Они искали опоры в славянской взаимности, продолжали и развивали традиции в соответствии с нормами общеславянского движения.

Если в возникших после 1918 г. славянских буржуазных государствах идея славянской взаимности была вскоре превращена в инструмент классовой политики буржуазии и в значительной мере утратила прогрессивное значение⁹, то у лужицких сербов она все больше развивалась как противоядие идеологии господствующего класса. Можно полностью согласиться с В. Цайлем, который писал: «Ввиду того что идея славянской взаимности способствовала вовлечению мелкобуржуазно-крестьянского национального движения серболужицкого народа в демократический, антиимпериалистический фронт, она стала важным фактором в борьбе лужицких сербов за равноправие в Германской империи»¹⁰. Это было обусловлено социальным составом серболужицкого национального движения и его руководства, а также особым положением национального меньшинства, которое как автохтонная славянская этническая общность не могло опереться на национальный центр вне государства, в которое она входила. Сохранение и укрепление национальной самобытности лужицких сербов в решающей степени зависело от демократизации Германии, в чем были глубоко заинтересованы руководящие круги национального движения. Борьба против политической реакции, усиливавшей национальное угнетение, сопровождалась укреплением культурных контактов с другими славянскими народами. Эти тенденции были тесно связаны между собой и определили особенности национального развития лужицких сербов¹¹.

⁸ P. Nowotny. Die Bedeutung der slawischen Wechselseitigkeit für die Entwicklung der sorbischen Literatur und Wissenschaft, besonders in der 2. Hälfte des 19. Jahrhunderts. «Zeitschrift für Slawistik», B. VIII, 1963, S. 211—221; W. Zeil. Der nationale Befreiungskampf der slawischen Völker um die Wende des 19. Jahrhunderts zum 20. Jahrhundert und die Sorabistik. «Zeitschrift für Slawistik». B. XVII, 1972, S. 563—579.

⁹ J. Kolečka. Slavjanskje programy i ideja slavjanskoj solidarnosti v XIX i XX vekach. Praga, 1964.

¹⁰ V. Zeil. Ibid., S. 568.

¹¹ M. Kasper. Wo změnach wopříjeća «narodna swoboda» w serbskich stawiznach. «Rozhlad», 1974, № 8, s. 281—287.

Некоторые условия для осуществления мероприятий, направленных на развитие серболужицкой культуры, возникают в послевоенный период. Было основано кредитное учреждение «Сербска людова банка». В издательстве «Смолеръец книги чишчерня а книгарня» печаталось свыше 10 газет и журналов, а также большая часть книг на серболужицком языке. Для серболужицкой послевоенной литературы характерны тесная связь с народом, протест против национального угнетения, а также разнообразие форм. Восстановление основанного в 1899 г. «Рабочего кружка серболужицких писателей» оказало благотворное влияние на творчество многих деятелей культуры. Публикации большинства литературных произведений в ежедневной газете «Сербске новины» или ежемесячном журнале «Лужица» помогли серболужицкой литературе завоевать широкие читательские круги, стимулировали литературное творчество и культурные потребности народа. Особо следует отметить переводы произведений мировой литературы, преимущественно из славянских литератур. В газете «Сербске новины» и журнале «Лужица», а также отдельными изданиями публиковались переводы произведений Безруча, Достоевского, Гоголя, Коллара, Крашевского, Мицкевича, Немцовой, Неруды, Толстого, Сенкевича, Жеромского и др.

Новый этап культурного развития начался в 1920 г. с возобновлением деятельности основанной в 1912 г. организации «Домовина». Она руководила культурной и просветительной работой среди населения. «Домовина» устраивала общеобразовательные лекции, содействовала развитию художественной самодеятельности, театрального дела¹², изобразительного искусства¹³ и музыки¹⁴, распространению серболужицкой литературы и прессы и таким образом противодействовала влиянию немецких реакционных организаций. Особое внимание уделялось народным обычаям, традиционной одежде, введению новых обычаев и праздников, частично сохранившихся до настоящего времени¹⁵.

Примером растущей прогрессивной общественной активности может служить работа научного общества «Мачица Сербска» в области сорабистики (языкознание, история, этнография и культура)¹⁶. Ученые должны были совмещать исследования по сорабистике со своей основной профессией, нередко они вынуждены были работать за пределами Лужиц. «Мачица Сербска» не получала никакой финансовой помощи от государства, не жалевшего в то же время миллионы марок на нужды шовинистического немецкого краеведения и создание немецких библиотек, музеев и театров в области, населенной лужицкими сербами.

Национальное угнетение лужицких сербов, в основе которого лежала особая форма классового угнетения немецким империализмом, и их стремление к социальному и национальному освобождению определяли в основном характер, содержание и формы развития серболужицкого национального самосознания. Культура лужицких сербов была специфическим выражением их национального самоутверждения и национального идеала вообще. Она сыграла особую роль в процессе национальной интеграции. Национальная культура была теснейшим образом связана с народом, что придавало специфические черты общим национальным ценностям и представ-

¹² J. M i y ů k. 100 lět serbskeho džiwadła. 1862—1962. Budyšin, 1962.

¹³ A. K r a u t z. Sorbische bildende Künstler. Bautzen, 1974, S. 52 ff.

¹⁴ J. R a u p p. Sorbische Musik. Bautzen, 1966.

¹⁵ S. M u s i a t. Die Sorben in Gesellschaft und Familie. «Lětopis, Jahresschrift des Instituts für sorbische Volksforschung», Reihe C, № 17, 1974, S. 17—20.

¹⁶ P. H e r r i t y. The Role of the «Matica» and Like Societies in the Development of the Slavonic Literary Languages. «VII Międzynarodowy Kongress Slawistów. Warszawa 21 — 27 VIII 1973. Streszczenia referatów i komunikatów». Warszawa, 1973, s. 319.

лениям. Правдивое отражение жизни трудящихся, их нужд и идеалов в художественных произведениях, влияние народных масс на художественное творчество и восприятие ими культурных ценностей определяли народность культуры и ее глубокое гуманистическое и демократическое содержание.

В условиях обострения социальных антагонизмов национальная интеграция неизбежно вступала в противоречие с идеологией господствующих классов, с их упаднической, проникнутой шовинизмом культурой. В процессе развития серболужицкая демократическая культура все более отмежевывалась от культуры господствующих классов, она выступала в защиту национальных интересов, вместе с тем углублялось ее антиимпериалистическое содержание, происходила ее демократизация, возрастала ее роль в общественной жизни и связь с культурой других славянских народов.

С усилением политической реакции монополистической буржуазии более упорным становилось сопротивление лужицких сербов антиславянскому великодержавному немецкому шовинизму. «Чем сильнее будет угнетение, тем больше мы будем защищаться», — заявляла газета «Сербске новицы» 10 декабря 1926 г. Нападки экстремистских шовинистических кругов на лужицких сербов участились в конце 20-х годов. Антиславянская пропаганда в шовинистической литературе, буржуазных газетах и «народных» объединениях расширялась и усиливалась. Шовинистические организации устраивали провокационные театрализованные сборища. Об одном таком сборище, состоявшемся в славянском городище восточнее Баутцена, сообщал журнал «Гренцгау Остланд»: «Звучали песни о верности, и одаренные мужчины зывали к своему народу, проникновенно говорили о немецких страданиях, о вахте на границе, об объединении всех немцев»¹⁷.

В этих условиях более широкое значение приобрела идея славянской взаимности. До начала XX в. она проявлялась только в области культуры. Теперь она стала играть и политическую роль. У лужицких сербов все больше на первый план выступала, по определению Зд. Сладека и Я. Валенты, «оборонительная идеология»¹⁸. Идея солидарности с другими славянскими народами являлась одним из средств защиты от империалистического гнета. Усиление демократического характера серболужицкого национального движения сопровождалось развитием солидарности со славянскими народами. С другой стороны, эта солидарность, как средство защиты, углубляла демократическое и антиимпериалистическое содержание деятельности серболужицких национальных организаций и объединений.

Развивалось сотрудничество между серболужицким и польским национальными меньшинствами. Неоднократно польские депутаты с трибуны прусского ландтага выступали в защиту прав лужицких сербов. На общегосударственном конгрессе трудящихся, созванном в 1926 г. по инициативе КПГ, представитель «Сербской трудовой страны» требовал национального равноправия не только для лужицких сербов, но и для польского и других национальных меньшинств Германии. При создании культурных и хозяйственных учреждений лужицкие сербы использовали многолетний опыт «Союза поляков в Германии». Справедливая борьба польского национального меньшинства против прусского гнета всегда находила поддержку в серболужицкой прессе. Со своей стороны, польские газеты

¹⁷ «Kulturwehr», 1926, S. 366.

¹⁸ Z. Sládek, J. Valenta. K úloze slovanství ve střední Evropě v letech mezi dvěma světovými válkami. «Československé přednášky pro VI. mezinárodní sjezd slavistů v Praze». Praha, 1968, s. 492.

с симпатией писали о борьбе лужицких сербов за демократические права и свободы. Большим вкладом в развитие серболужицко-польских связей была литературная деятельность Мерчина Новак-Нехороньского¹⁹. Новой, высшей ступени достигло сотрудничество обоих славянских национальных меньшинств в «Союзе национальных меньшинств Германии». Эта организация, включавшая также представителей датского, литовского и фризского национальных меньшинств, внесла большой вклад в борьбу против германского империализма.

Объединение демократических сил в серболужицком национальном движении происходило в период обострения классовой борьбы между рабочим классом и монополистической буржуазией. Борьба КПГ за массы, воздействие ленинской национальной политики, проводимой в Советском Союзе, и растущее влияние демократических сил в организациях серболужицкого национального движения способствовали тому, что идея солидарности с другими славянскими народами получала новое содержание, сближалась с идеями революционного рабочего движения. Господствующие классы, проводившие политику махрового великодержавного шовинизма и антикоммунизма с антиславянской направленностью, сами разрушали мелкобуржуазные иллюзии руководства серболужицкого национального движения и ускоряли его переход на демократические позиции. Действия правых лидеров Социал-демократической партии Германии также вызвали протест сторонников этой партии среди лужицких сербов. Министры — социал-демократы в центральном правительстве, а также в земельном правительстве Саксонии и депутаты — социал-демократы поддержали финансирование поселения немцев на востоке Германии. После дебатов в рейхстаге о выделении средств для «восточной политики» (по предложению социал-демократического правительства Саксонии только для поселения немцев в Лужицах выделялось 4 млн марок) раздались громкие протесты, в особенности в серболужицкой прессе. «Сербске новины» возмущенно писали: «Ну что же, лицемеры сбросили маску. Они ни на волосок не лучше немецких националистов»²⁰.

Исходя из принципов пролетарского интернационализма, КПГ решительно выступала против угнетения лужицких сербов. В 1926 и 1927 гг. она вносила в саксонский ландтаг законопроект об охране прав серболужицкого национального меньшинства. Ее инициатива получила широкое одобрение серболужицкого населения, способствовала преодолению антикоммунистических предубеждений среди мелкобуржуазных слоев и демократизации серболужицкого национального движения²¹.

В это время руководство серболужицкого национального движения обращает внимание на решение национального вопроса в Советском Союзе. «Единственное похвальное исключение в Европе» оставляло глубокое впечатление. Отмечая, что немецкое поселение в СССР имело исключительно широкие национальные права, газета «Сербске новины» с горечью констатировала: «И оглянемся мы, лужицкие сербы, и нигде не найдем мы никакой заботы государства о нашем языке»²². Мелкобуржуазные руководящие круги еще не могли понять классового содержания ленинской национальной политики и сделать соответствующие выводы. Принципиально новое понимание национального вопроса обнаружилось

¹⁹ J. M ł y Ń k. Polska a polske problemy w literarnym tworzeniu M ě r ě i n a Nowaka-Njehorónského. «L ě t o p i s, Jahresschrift des Instituts für sorbische Volksforschung», Reihe A, № 11, 1964, s. 176—223.

²⁰ «Serbske nowiny», 10 XII 1926.

²¹ M. K a s p e r. W o t h ě l ó s k o m u n i s t i s k e h o z a k o ň s k e h a n a ě i s k a z 1. 1927 w serbskim ě i š ě u. «Rozhled», 1967, № 2, s. 41—49.

²² «Serbske nowiny», 24 XII 1928.

у рабочих и мелких крестьян, входивших в руководимую КПГ организацию «Лужицкий крестьянский союз», которая придерживалась социалистических взглядов²³.

Идея солидарности лужицких сербов с другими славянскими народами, являвшаяся одним из важных элементов национального сознания, усиливала интерес к Советскому Союзу, способствовала проникновению и распространению социалистических идей, дружеских чувств к СССР, к советским трудящимся. Представители зажиточного крестьянства и клерикальных кругов в руководстве пытались ограничить национальное движение и идею славянской взаимности культурно-языковыми аспектами, проводили политику национальной изоляции, стремились нейтрализовать критику в адрес господствующих классов, искали компромисса с властями. Даже правительственные органы надзора в своих секретных донесениях констатировали, что политика правых сил в серболужицком национальном движении вызывает протест трудящихся и сужает их собственное влияние.

Мировой экономический кризис, рост революционного рабочего движения и радикализация широких кругов мелкой буржуазии побуждали господствующие классы к ликвидации парламентской формы управления и установлению фашистской диктатуры. Монополистическая буржуазия все больше ориентировалась на гитлеровцев, которые сумели обеспечить себе относительно сильные позиции, особенно в среде мелкой буржуазии. С лета 1930 г. значительная часть средних слоев в Германии оказалась под фашистским влиянием.

Миф о нордической расе и культурном превосходстве немцев, оправдание планируемой империалистической агрессии требованием жизненного пространства и служившие той же цели лозунги об угрозе немцам со стороны славян и защите немецкого востока — все это имело и антисерболужицкую направленность. Серболужицкая мелкая буржуазия опасалась, что выступление реакционных кругов крупной буржуазии против республиканского строя приведет к ликвидации достигнутых в 1918 г. буржуазно-демократических свобод и возможностей культурного развития лужицких сербов. Серболужицкое национальное движение накопило достаточно политического опыта, чтобы увидеть в растущем влиянии фашизма с его необузданным шовинизмом угрозу национальному существованию серболужицкого народа.

С 1929 г. в среде национальной серболужицкой мелкой буржуазии обнаруживаются ярко выраженные антинацистские настроения. Фашистская пресса начинает нападки на серболужицкое национальное движение. Нацистские штурмовики из отрядов СА совершают нападения на руководителей серболужицких организаций.

В таких условиях в серболужицком национальном движении все более проявляются антифашистские черты, а идея славянской взаимности приобретает особое значение в качестве важного мотива антифашистского действия.

²³ М. К а с п е р. Der Lausitzer Bauernbund. Ein Beitrag zur Geschichte der demokratischen Bauernbewegung in der Oberlausitz 1924—1932. Bautzen, 1967, S. 34—87.

Л. П. РОЩЕВСКАЯ

ЧЛЕНЫ ПОЛЬСКОЙ ПАРТИИ «ПРОЛЕТАРИАТ» В ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ

В богатой историографии первой польской рабочей партии «Пролетариат» жизнь и деятельность польских революционеров в Сибири еще не нашла должного отражения. В фундаментальной монографии Л. Баумгартена есть специальный раздел о тюрьмах, ссылке и каторге, но в нем речь идет только о самых общих вопросах (кто был сослан в Восточную, а кто — в Западную Сибирь), и основное внимание уделено пребыванию пролетариатцев в Варшавской цитадели¹.

Материалы о западносибирских ссыльных — членах партии «Пролетариат» имеются в центральных и местных архивах. Они помогают осветить пребывание пролетариатцев в ссылке: их расселение, переезды, занятия, полицейский надзор за ними и т. п. Эти мало известные в исторической литературе документы позволяют восполнить общую картину политической ссылки, выяснить контакты ссыльных, их окружение, отчасти идейную жизнь в тех трудных условиях.

Прокурор Варшавской судебной палаты сообщал 1 марта 1885 г. в министерство юстиции, что всего по делу партии «Пролетариат» привлечено 291 человек, из них 24 предполагалось подвергнуть военному суду, а 126 — административной ссылке, в том числе 25 — в Западную Сибирь (пятнадцать человек на пять лет и десять — на четыре года)². Однако семь человек из этого числа по указанию министерства юстиции отправили в Восточную Сибирь на пять лет (Г. Тшешковский, Б. Онуфрович, Л. Рыдзевский, Ю. Острейко, Я. Выгановский, К. Кеффер и В. Гандельсман), а Ф. Кона подвергли военному суду³.

В 1885 г. в западносибирскую ссылку прибыло 17 членов «Пролетариата»: Г. Бык, З. Дзянковская, Ю. Дрешер, А. Ентыс, П. Зарембо, Ф. Калленбрун, К. Кеффер, Ф. Крохмальский, В. Малиновский, Я. Пашке, К. Подбельский, Н. М. Поля, Я. Пташинский, К. Рехневская, Л. Рудницкий, Л. Савицкий, Л. Ставский⁴. 3 сентября 1885 г. в Тюмени поль-

¹ L. Baumgarten. Dzieje Wielkiego Proletariatu. Warszawa, 1966.

² ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 85, д. 10893, л. 272.

³ Там же, д. 10894, л. 172—186. Л. Баумгартен считает, что Тшешковский и Рыдзевский были сосланы в Западную Сибирь («Kółka socjalistyczne, gminy i Wielki Proletariat. Precesy polityczne 1878—1888. Źródła». Zebrał, opracował i wstępem opatrzył L. Baumgarten. Warszawa, 1966, str. 1114, 1127), но в Западной Сибири их не было. Кеффер в 90-х годах жил под негласным надзором в Томской губернии. См. Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 3, оп. 54, д. 1272, л. 36.

⁴ В Западную Сибирь предполагалось отправить М. Г. Пашковскую. Семипалатинский губернатор в 1885 г. даже просил открыть кредит на выдачу пособия для ожидаемой ссыльной (ЦГА Каз.ССР, ф. 64, оп. 1, д. 5289). Хотя Л. Баумгартен писал, что Пашковская была сослана на три года в Западную Сибирь («Kółka socjalistyczne...», s. 1106), ее фамилии нет в списках политических ссыльных Семипалатинской области и других губерний Западной Сибири (см., например, ЦГА Каз.ССР, ф. 64, оп. 1, д. 5296).

ские революционеры узнали, в каких городах Западной Сибири им предстоит жить. Товарищи, направленные в Восточную Сибирь, те, кто шел с ними в одной партии, выделили из общих денег небольшую сумму на первые потребности. «Мы знали, — вспоминал один из ссыльных, — что во всех городах, куда ехали наши товарищи, есть уже ссыльные, что они помогут им устроиться»⁵.

В Тару сослали А. Ентыс, З. Дзянковскую⁶, Ф. Крохмальского, Ф. Калленбруна, Ю. Дрешера. В то время там жили 11 ссыльных: переведенный из Восточной Сибири народоволец И. М. Немировский с женой, земледелец С. Сомов, пропагандисты — семидесятники О. Ковалик, С. Зарубаев, супруги Аверкиевы и Воронец, народовольцы Тимофеевы. В Туринск отправили Я. Пташицкого с женой, П. Зарембо с многочисленной семьей, Я. Пашке, Л. Рудницкого, русскую, участницу польского освободительного движения, Наталию Михайловну Полль. Вместе с ними приехали ссыльные народовольцы В. Яковлев (Богучарский) и Я. Дибобес. Встречали прибывших семьи пропагандистов С. А. Мальшева, народовольца Н. Н. Подревского и А. С. Буткевича. В Тюкалинск приехали пролетариатцы Г. Бык, В. Малиновский, и К. Подбельский. Здесь находились пермские рабочие А. И. Бахарев, В. И. Першин, пропагандисты Швецовы, Ливановы и Л. Я. Самарская, народовольцы Д. К. Лапко и его жена М. Троицкая. В Ишим, где жили народовольцы А. В. Пчелкина, В. С. Семяновский, С. П. Степанов, И. И. Коновальчик и другие, назначили Л. Савицкого, Л. Ставиского и В. Рехневскую. По делу «Пролетариата» в Кракове арестовали М. Плоскую и Ю. Гостыньского, а в Вене — М. Пеховского. Все они были переданы австрийской полицией царской охранке. В 1886 г. их сослали на пять лет в Западную Сибирь⁷. Пеховского поселили в Тару, Гостыньского — в Туринск.

Осенью 1885 г. партия «Пролетариат» понесла новые потери. Из 47 лиц, привлеченных к новому дознанию, 30 апреля 1887 г. административно выслали в Тобольскую губернию К. Стефановского и К. Яневича на четыре года, В. Мирковского, супругов Добросельских, Ф. Кепельмана, Б. Янковского и Я. Богушевича — на три года. 22 июня 1887 г. все они прибыли в Тюмень. К этому времени первая партия пролетариатцев уже более двух лет находилась в западносибирской ссылке. Стефановского, Яневича и Мирковского поселили в Ялуторовск, в Ишим направили Добросельских, в Тюкалинск — Кепельмана, в Тару — Янковского, в Туринск — Богушевича⁸.

В 1888 г. в Сибирь прибыла новая группа польских рабочих-социалистов. Департамент полиции 31 марта 1888 г. известил степного генерал-губернатора, что по делу «Пролетариата» в его ведение высылаются на пять лет: С. Шмидт, В. Брудневский, Э. Красуский, А. Прохоровский, Б. Ендрушек, Л. Эрхарт, Я. Юзвяк, Ф. Манкевич и А. Пшебыславский и на четыре года — Л. Ковальский и Я. Малеванец⁹. В одной партии с ними приехали в Сибирь Ю. Блимель с семьей, Ф. Шургот, К. Возняковский,

⁵ Б. О[нуфров]ич. В места отдаленные. (Воспоминания административного.) «Голос минувшего», 1903, № 8, стр. 291.

⁶ З. Дзянковскую предполагали отправить в Ишим, но она добилась разрешения жить вместе с А. Ентыс в Таре.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, д. 420, л. 55—59. М. Плоская поехала за мужем на Сахалин. Тобольский филиал Государственного архива Тюменской обл. (ТФГАТО), ф. 152, оп. 12, 1887, д. 23, л. 57.

⁸ ТФГАТО, ф. 330, оп. 1, 1878, д. 20/3, л. 1099; ф. 152, оп. 12, 1887, д. 29, л. 20—21; д. 23, л. 1—3 об.

⁹ ЦГА Каз.ССР, ф. 54, оп. 1, д. 5341, л. 1. В статейном списке Ф. Манкевича указано, что по определению могилевской римско-католической консистории от

К. Матерно с женой и сыном, осужденные на четыре года за участие в революционных кружках Лодзи и Згежа¹⁰.

К делу о кружках «Пролетариата» в Лодзи и Згеже привлекли 26 человек, четверо из них были сосланы в Степной край¹¹. Наиболее активным рабочим был Ю. Блимель, который имел большой опыт подпольной деятельности. Он выполнял функции кассира, на его квартире происходили сходки, где он часто выступал с речами. Дейтельно вели пропаганду среди рабочих К. Матерно и К. Возняковский¹².

В августе 1888 г. ишимские ссыльные Кароль Яневич, Василий Моисеев и Арсений Сиземский встретили за городом партию пересыльных, в которой шло 15 членов «Пролетариата» и участники рабочих стачек в Лодзи и Згеже¹³. За нарушения правил Яневича, Моисеева и Сиземского перевели в глухое село Аджажское (Черное) Тобольского округа, где было только 300 жителей. В 70—80 годах это был второй случай назначения политических ссыльных в деревню. Яневич писал, что не имеет «никаких в селе заработков», просил перевести в город, но губернатор написал резолюцию: «Я могу предложить ему выбор между Березовом и Сургутом». Только 3 сентября 1889 г. Яневич добился перевода в Туринск¹⁴.

В Канске Томской губернии находились в ссылке пролетариатцы из г. Томашева органист Б. Клушинский (VIII 1887—1890), столяр К. Квинткевич (VIII 1887—1892), суконщик А. Тейхман (VIII 1887—1892)¹⁵. В 1887 г. приехал в г. Бийск Томской губернии член «Пролетариата» столяр Т. Новаковский¹⁶. Пятилетнюю ссылку в Нарыме отбывал с семьей С. С. Турлин.

Таким образом, в 1885—1888 г. в Западную Сибирь привезли 47 членов партии «Пролетариат». Помимо этого, двое уже испытали сибирскую ссылку раньше. Э. Графиньский за участие в польском социалистическом движении в 1878 г. был сослан в Тюкалинск Тобольской губернии. Вернувшись на родину в 1884 г., он организовал кружок сапожников; вторично выслан в Восточную Сибирь, где и умер¹⁷. М. Блажеевский был в ссылке в начале 80-х годов, а затем через пролетариатца Доминика Рымкевича, с которым жил в Ишиме Тобольской губернии, вошел в «Пролетариат» и вторично был выслан в Восточную Сибирь.

Польские революционеры по социальному составу были качественно новым явлением в сибирской ссылке. В числе ссыльных пролетариатцев в Западной Сибири было 35 рабочих и мастеровых и только 12 — представителей интеллигенции. По сословной принадлежности среди них указывалось 4 дворян, 5 крестьян и 31 мещанин, но фактически дворяне Пеховский (резчик), Пташиньский (слесарь) представляли собой своеобраз-

31 июля 1889 г. в ссылке он должен быть подвергнут церковной эпитимии за покушение на самоубийство (там же, л. 126; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 87, д. 10219, л. 260). После ссылки его отправили в Омск для этого наказания.

¹⁰ ЦГА Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 5341, л. 6—6об.; ф. 369, оп. 1, д. 505, л. 1; ф. 15, оп. 2, д. 167, л. 1—1об.

¹¹ Там же, оп. 88, д. 10003.

¹² Там же, л. 25, 27, 86.

¹³ ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 12, 1887, д. 23, л. 232.

¹⁴ Там же, л. 266.

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 88, д. 1886, 1094; ГАТО, ф. 3, оп. 36, д. 1780, л. 6об, 10об.

¹⁶ ГАТО, ф. 3, оп. 54, д. 1212, л. 27; оп. 36, д. 1780, л. 10об; оп. 55, д. 48, л. 15об; Государственный архив Краснодарского края (ГАКК), ф. 583, оп. 1, д. 80, т. 2, л. 424. После ссылки переехал с семьей в Барнаул, служил на мельнице. От негласного полицейского надзора освобожден в феврале 1903 г.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 87, д. 10219, л. 64об., 147.

разный тип шляхтичей-пролетариев¹⁸. Как и мещане Я. Пашке (токарь), П. Зарембо и Л. Эрхарт (кузнецы), К. Подбельский (плотник), Ф. Крохмальский (кузнец), Ю. Дрешер (оптик), Ф. Калленбрун, А. Пшебыславский (слесари), Ю. Гостыньский, Ф. Кепельман (столяры), ткачи Ю. Блимель, Т. Шургот, К. Матерно и А. Тейхман, крестьяне Ф. Манкевич (слесарь) и К. Квинткевич (столяр), на родине они были кадровыми фабричными рабочими. Мещане Л. Рудницкий, В. Малиновский, М. Мирковский, К. Яневич, Б. Ендрушек, Я. Юзвяк, Я. Ковальский и Я. Малеванец занимались сапожным делом, З. Дзянковская — шитьем, а К. Кеффер был столярным подмастерьем, А. Проховский — скорняком.

Образовательный уровень ссыльных пролетариатцев был неодинаковым: Ф. Крохмальский и Ю. Добросельская — неграмотные, малограмотными называли себя П. Зарембо, К. Подбельский и Ю. Добросельский, получили домашнее образование 17 человек, учились в начальных школах четверо, в технических училищах — Г. Бык, А. Проховский, Ю. Дрешер и Б. Ендрушек, кончил технико-механическое (железнодорожное) училище и некоторое время находился в кадетском корпусе Я. Пташинский. Ремесленную школу окончил В. Брудневский. Дворяне Н. М. Полль (переводчица) и В. Рехневская кончили высшие женские курсы, Л. Савицкий учился на юридическом факультете Варшавского университета. А. Ентыс окончила институт благородных девиц и затем преподавала математику.

Несмотря на то, что в основном польские революционеры зарабатывали на жизнь физическим трудом, в Сибири они не могли найти подходящих занятий. Ф. Калленбрун в марте 1888 г. писал, что как слесарь-механик по профессии до ареста работал в Варшаве на механическом заводе «Лильпоп и Рау», а в Сибири «за отсутствием спроса на мой труд — по той причине, что здесь не имеется механических заводов, — мне приходится терпеть нужду». Когда тарский купец предложил ему место машиниста на пароходе, совершавшем рейсы в пределах Тобольской губернии, и был готов поручиться за политическую благонадежность Калленбруна, власти ему категорически отказали¹⁹.

Тарский исправник доносил губернатору 22 августа 1887 г., что ссыльные, «не занимая никаких общественных обязанностей, успевают вести знакомство с местными жителями». Когда Б. Янковский, бывший студент 5 курса медицинского факультета Варшавского университета, начал хлопотать о разрешении заниматься лечением на правах фельдшера, то ему отказывали под разными предлогами до окончания ссылки. В мае 1889 г. он поехал в Курган, рассчитывая устроиться там фельдшером в больнице, но безрезультатно²⁰. Учительнице С. Шмидт только в сентябре 1891 г. разрешили служить письмоводителем у частных лиц. Провизор К. Стефановский так и не сумел добиться права работать в аптеке. Еще по дороге в Сибирь он несколько раз просил поселить его в Тобольске или Тюмени, но получал отказы. Ему пришлось поступить счетоводом в контору виноторговца, а затем заведовал его складом; после окончания ссылки некоторое время оставался в Ялуторовске, откуда уехал в мае 1891 г.²¹

Все без исключения польские политические ссыльные по несколько раз просили о переводе в другие города, так как не могли найти работы.

¹⁸ Е. Б. Рашковский. Польские революционные демократы и первые польские социалисты (К вопросу о диалектике революционного процесса 60—80-х годов XIX в.). В кн. Связи революционеров России и Польши XIX — начале XX вв. М., 1968, стр. 316.

¹⁹ ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 11, 1885, л. 66, л. 470, 472.

²⁰ Там же, оп. 12, 1887, л. 23, л. 203.

²¹ Там же, л. 63—113.

Ф. Крохмальский рассчитывал устроиться котельщиком в Тюмени или Тобольске, Я. Пташинский — работать в Таре или Кургане, но им запрещали. Не говоря уже о высококвалифицированных рабочих, вроде оптика Ю. Дрешера, даже сапожники не находили в небольших сибирских городах сбыта своей продукции и ходатайствовали о переездах. 4 мая 1888 г. Я. Богусевич писал, что условия жизни в Туринске стали для него «невносимыми» и просил перевести в Тару, где жил двоюродный брат. На полях его прошения осталась резолюция: «В Таре скопилось слишком большое число и перевод туда признан неудобным»²².

Отказывая ссыльным в переводе, местная администрация в то же время широко практиковала, как меру наказания, переводворение в другие, более дальние северные города. Так, П. Зарембо и Л. Рудницкий в 1887 г. за отлучки из города были выселены из Туринска в Сургут, Ю. Гостыньский и Г. Бык — в Березов, Ф. Кепельман из Тюкалинска — также в Березов²³.

Трагически сложилась в ссылке судьба Я. Пташинского. В Туринске он вначале чинил охотничье оружие обывателей. И хотя исправник в октябре 1885 г. выражал уверенность, что со стороны ссыльных «едва ли можно предполагать вооруженное сопротивление», Пташинскому запретили это занятие. «Никакое лишение прав не может простираться до запрещения человеку снискивать себе средства к существованию собственным трудом», — негодовала А. Ентыс²⁴. Только в апреле 1889 г., когда уже кончался срок ссылки, Пташинский вновь смог вернуться к слесарным работам. Вскоре при починке револьвера нечаянным выстрелом он повредил себе голову. «...С тех пор способности мои и силы стали ослабевать», — писал он²⁵. 22 мая 1891 г. тобольская врачебная управа признала, что Я. Пташинский подает «на выздоровление слабую надежду», и его поместили в тобольский дом умалишенных²⁶.

Все без исключения польские ссыльные испытывали острую нехватку средств. Хотя им выдавали небольшие пособия на одежду, квартирные и так называемые «кормовые», но эти мизерные суммы не спасали положение. Столичный чиновник, захвативший в Ишим, поразился облику Л. Ставиского: «Он явился ко мне одетым в какое-то рубище, без нижнего белья, в обуви, не имеющей подобия сапог»²⁷. Тобольский исправник писал, что В. Малиновский заложил единственное пальто, «питается в течение целых суток одним чаем с черным хлебом, приварка для обеда никогда не имеет, словом, живет самым бедственным положением». «По неимению средств содержать себя на свободе» Малиновский с женой просил посадить их в тюрьму²⁸. При отъезде на родину жена Я. Пташинского решила отправиться этапом, так как не имела «по крайней бедности своей положи-

²² Там же, л. 15, 17. В это время в Туринске жили 11 ссыльных, в том числе пропагандист Подревский, народовольцы Борзяков, Дзбановский, Дибобес, Мельников, Стери, рабочие Бахарев и Першин, пролетариатцы Пташинский и Пашке.

²³ Там же, оп. 12, 1887, д. 58, л. 25, 36, 38; д. 23, л. 44об.; ф. 330, оп. 1, 1878, д. 20/3, л. 1059. Тюкалинский исправник доносил тобольскому губернатору, что Бык 17 октября 1887 г. принят воинским присутствием в строевую службу. На неоднократные просьбы Гостыньского о разрешении жить в более южном месте он получил ответ только в 1889 г., переехал в село Тавдинское Тюменского округа, где вскоре трагически погиб (там же, оп. 11, 1885, д. 23, л. 1—19; оп. 12, 1889, д. 6, л. 443, 761).

²⁴ Там же, ф. 152, оп. 11, 1885, д. 66, л. 208об.

²⁵ Там же, л. 89, 96, 107, 121.

²⁶ Там же, д. 127—151; ф. 330, оп. 1, 1878, д. 20/3, л. 842—853.

²⁷ ЦГАОР, ф. 102, 5 д-во, 1888, д. 7765, л. 204.

²⁸ ТФ ГАТО, ф. 1, оп. 3, д. 7, л. 8, 21об.

тельно никаких средств к существованию»²⁹. Пешком возвращалась в Варшаву в мае 1888 г. жена К. Подбельского³⁰.

Как следствие тяжелой жизни и изнурительного труда, ссыльных преследовали многочисленные болезни. Тяжело заболела в Сибири и умерла после неудачной операции Н. М. Полль (30 апреля 1887)³¹, погиб в тобольском доме умалишенных Я. Пташинский (27 сентября 1894)³², скоропостижно скончались в сибирской неволе М. Пеховский (25 ноября 1889), К. Подбельский (октябрь 1887), утонул Ю. Гостыньский (25 июля 1889), не доехал до родины и умер в Перми П. Зарембо (22 октября 1895)³³.

В 1888 г. Ю. Блимель писал из Атбасар степному генерал-губернатору: «14 октября сын мой Иоан умер буквально от голода с одной стороны, а с другой — вследствие отсутствия какой-бы то ни было медицинской помощи»³⁴. Семипалатинский военный губернатор признавал, что «положение Возпяковского с семьею в Павлодаре, по произведенной проверке, оказалось действительно весьма печальное и беспомощное»³⁵.

Вскоре после приезда в Ишим Ю. Добросельский стал обнаруживать признаки умственного расстройства и пытался бежать, объясняя свой поступок скукой и желанием проведать родину³⁶. Его посадили в тюрьму, где состояние больного ухудшилось. Жена просила освободить Добросельского под поручительство политических ссыльных Левентала, Новикова, Рехневской, С. Руднева, Л. Савицкого, Щербакова и Яновского³⁷. Больного положили в тобольскую городскую больницу. В марте 1889 г. министерство юстиции распорядилось освободить Добросельских из ссылки, но это не улучшило их положение³⁸. В апреле 1890 г. Ю. Добросельская писала губернатору: «Освобождение из-под надзора без моего ходатайства... поставило нас в еще более тяжелые условия существования», так как прекратилась выдача пособия. «Таким образом, — заканчивала Добросельская, — вместо сокращения срока административной ссылки для меня и больного моего мужа получилось продление ее». Только в июне 1890 г., т. е. по истечении первоначально намеченного трехлетнего срока ссылки, Добросельские покинули Сибирь³⁹.

В декабре 1888 г. В. Мирковский обратился к губернатору с заявлением о беспорядках в курганском полицейском управлении в связи с задержкой пособий. Исправник считал это мелочью, но «в этих мелочах, — писал Мирковский, — заключается некоторая, так сказать, беззаконная закономерность, — некоторая система»⁴⁰.

В наиболее сложных условиях оказались революционеры, сосланные в Атбасар Акмолинской области. Маленького пособия, особенно лицам непривилегированного сословия, не хватало на питание и наем квартиры. А. Проховский в январе 1889 г. писал, что «вследствие недостатка средств приходится постоянно голодать»⁴¹.

²⁹ Там же, ф. 330, оп. 1, 1878, д. 20/3, л. 842—853.

³⁰ Там же, ф. 152, оп. 11, 1885, д. 66, л. 301.

³¹ ЦГАОР, ф. 1762, оп. 5, д. 65, л. 3; Г. Л у р ь е. Журнал безвременья. «Каторга и ссылка», 1931, № 6.

³² ТФ ГАТО, ф. 1, оп. 3, д. 1, л. 3.

³³ Там же, ф. 152, оп. 11, 1885, д. 27, л. 78.

³⁴ ЦГА Каз.ССР, ф. 64, оп. 1, д. 5322, л. 22—23об.

³⁵ Там же, л. 27.

³⁶ Его жена в 1889 г. в прошении губернатору утверждала, что помешательство мужа неоднократно бывало засвидетельствовано еще в Х павильоне Варшавской цитадели (ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 12, 1887, д. 23, л. 14; д. 34, л. 1).

³⁷ Там же, л. 18.

³⁸ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 86, д. 10881, л. 150; ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 12, 1887, д. 23, л. 141.

³⁹ ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 12, 1887, д. 23, л. 149об., 157.

⁴⁰ Там же, л. 220.

⁴¹ ЦГА Каз.ССР, ф. 64, оп. 1, д. 5341, л. 62.

Срочные переводы с места на место, придирки исправников, нарушение полицией инструкций и правил о надзоре вызывали возмущение ссыльных. 12 марта 1888 г. А. Ентыс написала резкое заявление тобольскому губернатору: «Позволю выразить мое крайнее удивление, что ваша распорядительность и энергия, беспримерные и беспредельные, когда дело касается каких-либо объяснений или ухудшения положения политических ссыльных, не проявляются совершенно, не то уж для облегчения нашей участи, а просто для исполнения того, в чем нам не отказывают даже законы. Наши прошения, мелкие и крупные, остаются без ответа — у нас отнято право подышать вне города свежим воздухом, словом, стеснения в самых элементарных человеческих правах»⁴². Это заявление было послано в то время, когда в Западной Сибири прокатилась волна подачи заявлений с протестами губернаторам, министру внутренних дел и царю против притеснений и в защиту человеческого достоинства ссыльных. Начали эту борьбу в Сургуте наиболее непримиримые народовольцы, как видим, их поддержала и представительница польской рабочей партии. «Ввиду того, что в последние два месяца местные полицейские власти не считают нужным исполнять свои обязанности..., имею честь заявить вам, что впредь при таком поведении полиции, я не сочту нужным подчиняться каким бы то ни было ее требованиям»⁴³. Этот протест и доказанное следствием содействие побегу М. Пеховского явились поводом для перевода Ентыс из Тары в Тюкалинск. Несколько месяцев спустя, уже из Тюкалинска, она писала: «Наше дело по обвинению в оскорблении полицейского надзирателя передано тарскому прокурору — обвиняются Аверкиева Ел[ена] Ив[ановна]. Перелешин, Бровацкий и я»⁴⁴.

Русские и польские ссыльные делились последними крохами, чтобы по возможности облегчить страдания товарищей. Фамилии нуждающихся поляков указывались в различных списках обществ помощи политическим ссыльным и заключенным. Наличие «круговой поддержки» власти отмечали в Ишиме в 1888 г.⁴⁵ Тюкалинские ссыльные Ливановы кормили Подбельских, на средства Д. А. Перелешина жил В. Малиновский⁴⁶. 5 февраля 1886 г. из Туринска в московскую пересыльную тюрьму пришло письмо от кого-то из ссыльных поляков с просьбой выслать деньги, так как «в настоящее время в колонии страшная беда»⁴⁷. В конце 1890 г. Я. Пташинский горевал, что «состоятельных товарищей, которые могли бы оказать действительную помощь, теперь почти нет в Туринске»⁴⁸.

Почти одновременно в нескольких городах Западной Сибири, в том числе в Туринске, Ишиме, Петропавловске, среди русских и поляков возникла идея организовать кассы взаимопомощи ссыльным.

Выше уже говорилось, что при посредстве В. Рехневской, уехавшей из Ишима 22 сентября 1887 г. к мужу на Кару, но прожившей год в Томске, политические ссыльные Западной Сибири собирали и посылали политкаторжанам в Восточную Сибирь одежду и деньги⁴⁹. Всю корреспонденцию вели через ишимского ссыльного Л. Савицкого, которого Ф. Кон

⁴² ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 11, 1885, д. 66, л. 211.

⁴³ Там же, л. 208. Подчеркнуто А. Ентыс. Она закончила протест обвинением исправника в небрежности при исполнении обязанностей.

⁴⁴ Там же, оп. 12, 1889, д. 5, л. 27. Е. И. Аверкиева осуждена по процессу 193, Перелешин и Бровацкий — народовольцы.

⁴⁵ См. Отдел письменных источников Государственного исторического музея, ф. 282, д. 455, л. 67; ЦГАОР, ф. 102, 5 д-во, 1888, д. 7765, л. 204.

⁴⁶ ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 11, 1885, д. 66, л. 201.

⁴⁷ ЦГА г. Москвы, ф. 131, оп. 40, д. 83, т. VII, л. 160.

⁴⁸ ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 11, 1885, д. 66, л. 121.

⁴⁹ ЦГАОР, ф. 102, 5 д-во, 1888, д. 7765, л. 30.

называл человеком «кристаллической честности»⁵⁰. Кассы взаимопомощи выделяли деньги для покупки Ю. Блимелем и К. Матерно ткацких станков. Оба ткачеством «занимались с малолетства до дня ареста». «По наведенным нами справкам, — писали они, — оказывается, что здесь существует хороший спрос и высокие цены на ковры, шали, салфетки и одеяла и другие тканые товары». Но чтобы производить подобную продукцию, у них не было ни ткацкого станка, ни сырья, ни денег. 28 марта 1889 г. Ю. Блимель из Акмолинска и К. Матерно из Атбасар просили акмолинского губернатора перевести их в Петропавловск и выдать пособие на одежду одновременно, а не по частям, чтобы приобрести ткацкий станок, но получили отказ⁵¹.

У Я. Богусевича летом 1888 г. при обыске нашли «Устав кассы туринского общества политических ссыльных». Еще находясь в X павильоне Варшавской цитадели, он просил поселить его вместе с сестрой М. Богусевич в Восточной Сибири, но категорический отказ нашел его уже в Туринске⁵². Со всей определенностью можно сказать, что при составлении устава кассы Я. Богусевич использовал опыт работы своей сестры в Красном Кресте «Пролетариата». Однако в словаре «Деятели революционного движения в России» даже не указано, что Я. Богусевич отбывал ссылку в Туринске, где у него были устав.

Свободное время в ссылке польские социалисты стремились использовать для самообразования. В августе 1886 г. Ю. Дрешер сдал в Таре экзамен за курс уездного училища⁵³. Бывший ссыльный Г. Борзяков вспоминал, что в Туринске ссыльные создали два своеобразных образовательных центра: в квартире народовольца Н. Н. Подревского «проходила чистая наука», а «местом занятий небольшой группы по литературе и изучению иностранных языков была гостиная г-жи Полль, помещавшей оригинальные и переводные статьи в „Живописном обозрении“ по указаниям и заказам Шеллера-Михайлова, редактировавшего издание. У нее всегда бывало шумно и весело. Здесь получались новые журналы, перечитывалось все, что могло служить материалом для споров»⁵⁴.

«Самой выдающейся женщиной» партии называл Ф. Кон Александру Ентыс⁵⁵. Уже будучи арестованным, Л. Варыньский в 1884 г. сумел передать на волю записку, в которой говорилось о его глубоком чувстве к А. Ентыс и надежде соединить с ней свою судьбу⁵⁶. В свою очередь, А. Ентыс в марте 1886 г. уже из Тары просила министерство внутренних дел разрешить вступить в брак с Л. Варыньским и ехать с ним на каторгу, но получила отказ⁵⁷. Одновременно с Ентыс о желании вступить в брак с Людвигом Яневичем, находившемся на каторге, заявила З. Дзянковская, но и ее просьбу не удовлетворили⁵⁸.

Из Тары А. Ентыс установила переписку с В. Г. Короленко. В 1886 г. он дал согласие перевести на польский язык повесть «Слепой музыкант», однако опубликовать ее не удалось. В 1887 г. редактор польского «Еже-

⁵⁰ Ф. К о н. За пятьдесят лет. М., 1934, стр. 108. В 1889 г. в связи с переводом ссыльных из городов, стоящих на сибирском тракте, Савицкий переехал в Тобольск, где буквально за несколько дней до отъезда приютил А. И. Ливанова, который в июле 1889 г. приезжал в губернский центр и оказался без крова (ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 8, 1878, д. 100, л. 151).

⁵¹ ЦГА Каз.ССР, ф. 369, оп. 1, д. 505, л. 7.

⁵² ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 12, 1887, д. 23, л. 10—13.

⁵³ Там же, оп. 11, 1886, д. 1, л. 215.

⁵⁴ ЦГАЛИ, ф. 1696, оп. 1, д. 196, л. 9.

⁵⁵ Ф. К о н. Там же, стр. 186, 33—34.

⁵⁶ См. L. Baumgarten, Archiwum Bardowskiego, cz. II. «Z pola walki», 1960, № 1(8), str. 120—122.

⁵⁷ ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 11, 1885, д. 66, л. 188—222.

⁵⁸ Там же, л. 246—254.

недельного обозрения» заказал ей перевод рассказа «Лес шумит» или другого сибирского произведения В. Г. Короленко. В связи с этим 13 сентября 1887 г. Ентыс писала ему в Нижний Новгород с просьбой разрешить переводить все его произведения и прислать фельетон «Море», не дошедший из редакции «Волжского вестника». Здесь же она извещала, что в Таре получен том сочинений Короленко, который он отправил ссылкой⁵⁹.

«Из польской колонии, — вспоминал о жизни в Таре Д. А. Перелешин, — наиболее ярким, талантливым и энергичным человеком была Я. А. Ентыс. По происхождению дворянка, кончившая с шифром институт в Варшаве, Я. А. Ентыс была прозвана в „Пролетариате“ „польской Перовской“. Окончить институт с шифром — значит окончить его с отличием, дающим право на привилегии при поступлении на работу». В Таре она проживала «в общей коммунистической квартире поляков и всячески старалась сплотить, сблизить своих товарищей с нами, русскими»⁶⁰. Об отношениях между ссылными народовольцами и пролетариятами рассказывал в неопубликованных мемуарах Г. Борзяков. На квартире Н. М. Полль, — пишет он, — «перечитывалось все, что могло служить материалом для споров. В диспутах затрагивались национальные и политические вопросы»⁶¹. После смерти Н. М. Полль летом 1887 г. принципиальные споры были на время забыты.

5 июня 1887 г. туринские ссылки продемонстрировали свое единство. Проездом в Пельмскую ссылку в городе на сутки остановился К. В. Гамоліцкий, осужденный по делу Александра Ульянова. Туринский исправник рапортовал, что «находящиеся под надзором полиции в городе политические ссылки в числе 14 человек в видах выражения ему сочувствия провожали его по улице до речной переправы и дальше»⁶². В Туринске в эту пору из указанного числа 10 человек были осуждены за сотрудничество с различными народовольческими группами. Они восхищались вторыми первоапрельцами и проводами выразили свою солидарность с их террористическими методами. Польские рабочие (Пташинский, Зарембо, Рудницкий и Пашке), отдав дань уважения геронзму осужденных, не сумели отстоять свои идейные позиции противников террора.

Отсутствие заработков, нищенская полуголодная жизнь, тяжелая моральная атмосфера ссылки толкнули М. Пеховского на мысль бежать из Тары. Не имея карты, не зная местности, он заблудился и через несколько дней, в мае 1888 г., был арестован. Затем его перевели в с. Пелым Туринского округа, где он умер⁶³. Кто-то из поляков горевал: «Товарищ наш Пеховский пробовал бежать из Тары, но, увы, был пойман и отослан в Пелым, г-жа Ентыс за участие в бегстве Пеховского выслана в Тюкалинск»⁶⁴. Из нового места ссылки Я. Ентыс писала Перелешину, что «очень тоскует, с новыми товарищами очень туго сходитя, их всего там 5—6 человек и живут они очень замкнуто». Перелешин добился перевода в Тюкалинск: «Дни тянулись однообразно. Ентыс занималась переводами на польский язык и домашним хозяйством, я — чтением (в то время я изучал „Капитал“ Маркса), охотой и помогал в хозяйстве»⁶⁵.

А. Ентыс жаловалась, что после отъезда Д. А. Перелешина жить в Тюкалинске стало тоскливо. «Теперь я осталась почти одна, говорю

⁵⁹ Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. ф. 135, р. II, к. 23, д. 30.

⁶⁰ Д. А. П е р е л е ш и н. Воспоминания народовольца. «Звезда», 1973, № 11, стр. 129—132.

⁶¹ ЦГАЛИ СССР, ф. 1696, оп. 1, д. 196, л. 9.

⁶² ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 12, д. 7, л. 7об.

⁶³ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 275, л. 1—2.

⁶⁴ ЦГАОР, ф. 1762, оп. 5, д. 86, л. 8об.

⁶⁵ Д. А. П е р е л е ш и н. Там же, стр. 132.

почти, так как еще, кроме меня, есть трое ссыльных, но я менее или более сижу в одиночестве, так как людей совсем по душе нет». Зимой 1888—1889 г. в Тюкалинске жили супруги Малиновские и Ливановы. Однопроцессник Ентис В. Малиновский был совершенно больным человеком, что отмечал чиновник министерства внутренних дел. И по образовательному уровню сапожник Малиповский и его неграмотная жена не очень подходили учительнице и переводчице Ентис. Что касается пропагандиста Ливанова и его жены, осужденной по делу Ковальского, то с ними у Ентис, видимо, были значительные разногласия. А. И. Ливанов был человеком спокойным, уравновешенным, что отмечали даже полицейские⁶⁶, но его супруга (ур. Виттен) обладала, наоборот, довольно трудным характером, была глубоко убеждена в правильности линии народовольцев. В марте 1889 г. Ентис уехала в г. Петропавловск Акмолинской области, где жила в ссылке ее двоюродная сестра С. Шмидт⁶⁷.

В июне 1889 г. департамент полиции разрешил до окончания ссылки уехать в Семипалатинск и Ю. Дрешеру, но только в сентябре он скопил достаточно средств на дорогу⁶⁸.

Ссыльные, жалуясь на дороговизну и отсутствие заработков, часто просили перевести их в другие города. Трудность их положения признавал в январе 1889 г. и акмолинский губернатор⁶⁹. Но перевод не всегда удавался. В некоторых местах расселения они испытывали чрезмерно придирчивое отношение полицейских надзирателей.

Ссыльные, которых отправили в Казахстан, в относительно мягкие климатические условия, весьма дорожили преимуществами своего положения и стремились удержаться в крупных городах. Этим можно объяснить коллективное частное письмо одиннадцати политических ссыльных города Петропавловска, в том числе двух пролетариатцев, С. Шмидт, и К. Матерно, к акмолинскому губернатору от 14 февраля 1889 г. «Наше искреннее желание — мирно и спокойно прожить в ссылке назначенные нам годы, сохранить свое здоровье, свои нервы», — писали ссыльные. И так как официальная бумага могла носить характер коллективного протеста, а ссыльные не хотели переступить пределы дозволенного, то они избрали форму частного письма, тем более, что в беседах с ними губернатор не раз гордился, что в Акмолинской области нет «всякого рода историй», а между ссыльными и администрацией существуют «мирные отношения». Ссыльные просили унять стражника, который «буквально отравляет наше существование». Страх сибирской администрации перед протестами, волнениями и борьбой ссыльных был настолько велик, что акмолинский губернатор распорядился сменить надзирателя⁷⁰. Однако это была небольшая и временная победа.

Сосланным в Западную Сибирь членам партии «Пролетариат» после ссылки продлили наказание, запретив Я. Пташинскому, Л. Ставискому, З. Дзянковской и П. Зарембо в течение двух лет, а Савицкому, Ф. Крохмальскому, Калленбрану, В. Малиновскому, Л. Рудницкому и Пашке в течение трех лет проживать в столицах империи и в пределах Царства Польского⁷¹. Это вызвало их справедливое возмущение.

⁶⁶ ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 8, 1878, д. 100, л. 96.

⁶⁷ ЦГА Каз.ССР, ф. 369, оп. 1, д. 536, л. 6, 50; ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 11, 1885, д. 66, л. 219—223.

⁶⁸ ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 11, 1885, д. 66, л. 229—238; ЦГА Каз.ССР, ф. 64, оп. 1, д. 5354, л. 1, 8.

⁶⁹ ЦГА Каз.ССР, ф. 369, оп. 1, д. 531, л. 1—2.

⁷⁰ Там же, д. 531, л. 5—7; Г. С. Сапаргалиев, В. А. Дьяков. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1971, стр. 217—218.

⁷¹ ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 11, 1885, д. 66, л. 551, 567.

Из 19 ссыльных пролетариатцев погибло в Сибири пятеро, трое навсегда остались жить в Сибири (К. Кеффер — в Томске, Л. Рудницкий — в Тобольске, вернулся из Новороссийска в Тару Ф. Калленбрун), двое — на уральские заводы (в Перми — П. Зарембо, на Верхисетском заводе — Ф. Крохмальский), В. Рехневская и З. Дзяпковская уехали в Восточную Сибирь ⁷².

27 августа 1891 г. министр внутренних дел распорядился перевести Ю. Блимеля и К. Матерно до окончания ссылки в Ригу или в Ревель. В сентябре они уехали в Ригу ⁷³, К. Яневич — в Вильно, Я. Богушевич — в Гродненскую губернию. Богушевичу, Б. Янковскому, В. Мирковскому и Ф. Кешельману в течение трех лет, а К. Стефановскому и К. Ялевичу — двух — запретили жить в обеих столицах и Царстве Польском ⁷⁴.

Ссылка Красуского кончилась в марте 1892 г., но только в мае 1894 г. он накопил средства и выехал через Верный во Владивосток. Известия о нем обрываются сообщением иркутского губернатора от 5 октября 1894 г. о приезде Красуского в Иркутск ⁷⁵.

После окончания ссылки К. Возняковский остался в Семипалатинске. В ведомостях о негласном надзоре за ним в первой половине 1893 г. указывалось, что он ведет знакомство с ссыльными Геркалом и Андреевым, однопроцессниками Малеванцем и Манкевичем. В мае 1893 г. он выехал в Ташкент ⁷⁶.

После ссылки остались в Казахстане Брудневский, Ендрушек, Эрхарт ⁷⁷. В. Брудневский стал активным социал-демократом, руководителем железнодорожных рабочих Читы в 1906 г., по поручению омской партийной организации руководил социал-демократической группой в Семипалатинске ⁷⁸.

Пребывание в западносибирской ссылке членов польской партии «Пролетариат» показывает, что в 80—90-е годы XIX в. происходит не только усиление массовых репрессий царизма против революционного движения вообще, но особенно, когда в борьбу включились представители пролетариата. Малообразованные, подчас малограмотные рабочие, готовые воспринять близкую им и отвечающую их интересам идеологию, пополняют ряды политических ссыльных. Они вносили в ссылку новое, что свойственно развивающемуся рабочему классу.

Русские и польские ссыльные жили в тесном контакте, практически осуществляя революционное братство, совместными усилиями преодолевая материальные и моральные тяготы ссылки. Вместе с тем между русскими политическими ссыльными и пролетариатцами существовало определенное различие. Дело не только в том, что состав последних был более связан с рабочим классом и более компактен, чем разночинная народническая интеллигенция. Нельзя забывать, что царизм, преследуя польских революционеров, хотел воспрепятствовать подъему национально-освободительного движения в Польше. Партия «Пролетариат», развертывая социально-революционную борьбу против царизма, вместе с тем ставила патриотическую задачу освободиться от национального гнета. Некоторые пролетариатцы рассматривали этот вопрос упрощенно и счи-

⁷² Там же, л. 456—494; ГАКК, ф. 583, оп. 1, д. 77, т. 1, л. 128об.; ф. 454, оп. 2, д. 5226, л. 9.

⁷³ ЦГА Каз.ССР, ф. 64, оп. 1, д. 505, л. 136, 139.

⁷⁴ ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 12, 1887, д. 23, л. 25, 28, 100.

⁷⁵ ЦГА Каз.ССР, ф. 369, оп. 1, д. 518а.

⁷⁶ Там же, ф. 15, оп. 2, д. 167.

⁷⁷ Там же, ф. 64, оп. 1, д. 5341, л. 136, 137; ф. 15, оп. 2, л. 259.

⁷⁸ Г. С. Сапаргалов. Карательная политика царизма в Казахстане (1905—1917). Алма-Ата, 1966, стр. 273.

тали, что не все русские ссылки могут понять их патриотические устремления. Это иногда вело к замкнутости. Дух землячества вдали от родины у поляков значительно усиливался.

Пролетариатцы из рабочих и ремесленников в ссылке оказались в чрезвычайно тяжелом положении. Но их упорное, настойчивое стремление преодолеть возникавшие препятствия в общем давали положительные результаты. Часть в этой борьбе преждевременно погибала, но большинство своим трудом и талантом приобретали всеобщее уважение и признание. Среди пролетариатцев в западносибирской ссылке было немало активных деятелей партии. Все они с достоинством продолжали держать поднятое ими знамя борьбы с царизмом.

В. Д. КОРОЛЮК

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ СЛАВЯН В ПОДУНАВЬЕ И НА БАЛКАНЫ (Славяне и волохи в VI — середине VII в.)

Главной, самой важной областью хозяйственной жизни древних славян было земледелие. Не охота, не рыболовство (они были лишь подсобным занятием), не скотоводство, а именно земледелие являлось основным, господствующим типом хозяйства древних славян.

Спор о характере хозяйства древних славян в нашей историографии давно решен. Попытки показать, что славяне не были издавна земледельцами, а занимались главным образом торговлей «продуктами лесных и других промыслов»¹ или что «Кий, Щек и Хорив, по преданию, занесенному в начальную летопись, были звероловами»², оказались безусловно несостоятельными. Компромиссная точка зрения о доминирующей роли земледелия только с XI в. н. э. у славян (приднепровских)³ также была отвергнута.

Письменные источники и археологические материалы славян, анализ их и сопоставление дали возможность восстановить истинную картину хозяйственной жизни древнего славянства. Не гипотетический взгляд, а тезис о решающей роли земледелия, достаточно аргументированный источниками, является исходной точкой для исследования жизни ранних славян.

Издавна славянские племена жили на равнине, в лесостепных и лесных районах. Подсечно-огневая система земледелия и пахоты являлась главным способом ведения хозяйства у древних славян. Важной отраслью хозяйства являлось и животноводство, но в разных районах оно имело определенную специфику. Позже большая роль животноводства в хозяйстве была связана с переходом к пашенному земледелию, развитие которого предполагает наличие домашнего скота в качестве тягловой силы и источников удобрений. Повсеместный переход к пашенному земледелию в лесостепной и лесной зоне приходится на VIII в.⁴

Сопоставляя известия письменных источников за первое тысячелетие н. э. о славянах, мы имеем возможность проследить развитие земледельческого хозяйства у славян. Особенно интересно сопоставление известий первых веков н. э. и известий конца тысячелетия. Говоря о быте и занятиях славян и германцев, Тацит в своем произведении «О происхож-

¹ В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси. Пг., 1919, стр. 11.

² Н. А. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. I. М.—Л., 1930, стр. 81.

³ «Историк-марксист», 1937, № 3, стр. 168.

⁴ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 266—272; H. Łowmiański. Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich. Warszawa, 1953, s. 138—178.

дении германцев» заметил: «Однако их (венетов. — *В. К.*) скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, посят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой, все это отмечает и отличает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне»⁵.

Характеристику славян Тацита необходимо сравнить со следующими суждениями арабского путешественника и купца Ибрагима ибн Якуба, посетившего в 966 г. страны Центральной Европы. Рассказ его важен для выяснения того, какое значение имело земледелие в хозяйстве славян X в. «Населяют они (славяне. — *В. К.*) области наиболее богатые продуктами питания, — пишет он в „Записке о славянах“, — с особым усердием занимаются земледелием и поисками средств к жизни, в чем они намного превосходят другие народы»⁶. Сопоставление этих известий показывает и древность земледельческой традиции у славян и высокий уровень их земледельческого хозяйства к концу I тысячелетия н. э.

Повсеместный переход к пашенному земледелию, двухпольная система обработки земли и, наконец, трехпольная система, правда, еще нерегулярная, о чем рассказывает Ибрагим ибн Якуб⁷, являются большим сдвигом в хозяйственной жизни славян X — XI вв. и дают отправную точку для попытки реконструкции быта предков славян в первых столетиях н. э. и в первых веках до н. э.

Большую роль в утверждении правильного представления о хозяйстве древних славян сыграл капитальный труд Б. Д. Грекова «Киевская Русь»⁸, дав толчок большим исследованиям историков, археологов как в нашей стране, так и за рубежом⁹. Вслед за статьями и книгами стали появляться синтетические капитальные труды по истории славянских народов¹⁰.

⁵ Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах, т. I. М., 1969, стр. 372—373.

⁶ «Monumenta Poloniae historica. Nova series». Kraków, 1946, s. 52.

⁷ Ibid., s. 28.

⁸ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1939; то же. М.—Л., 1944; наст. изд. Б. Д. Греков. Избранные труды, т. II. М., 1959.

⁹ П. Н. Третьяков. Там же; е го ж е. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966; П. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968; В. И. Довженко. Землеробство древней Руси до середины XIII ст. Київ, 1961; В. Д. Баран. Ранньослов'янські пам'ятки Верхнього Подністров'я і Південно-Західної Русі. Матеріали та дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 5. Київ, 1964; В. В. Седов. Славяне Верхнього Придніпров'я і Подвин'я. М., 1970; Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. М., 1960; А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма. М., 1972; Е. Э. Липшиц. Очерки истории византийского общества и культуры. М.—Л., 1961; А. П. Раждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960; Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960; Ю. В. Бромлей. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964; Л. В. Разумовская. Очерки по истории польских крестьян (от древних времен до XV в.). М.—Л., 1958; Е. П. Наумов. Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. М., 1975; сб. «Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья». М., 1972; Зд. Неделья. История чешского народа, т. I. М., 1952; J. K o s t r z e w s k i. Kultura prapolska. Poznań, 1947; H. Ł o w m i a Ń s k i. Ibid.; idem. Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n. e., t. I—V. Warszawa, 1963—1973; W. H e n s e l. Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna. Zarys kultury materialnej, wyd. 2. Warszawa, 1956; J. F i l i p. Počátky slovenského osídlení v Československu. Praha, 1946; J. P o u l i k. Jižní Morava — země dávných Slovanů. Brno. 1950; L. H a v l i k. Velka Morava a středověký Slované. Praha, 1964; Д. А н г е л о в. Образоване на българската народност. София, 1970; «Die Slawen in Deutschland». Berlin, 1970 и др.

¹⁰ «Очерки истории СССР. III—IX вв.». М., 1958; «История культуры Древней Руси», т. I. М.—Л., 1948; П. И. Лященко. История народного хозяйства, т. I. М., 1947; «Нариси стародавньої історії Української РСР». Київ, 1957; «История Украинской ССР», т. I. Киев, 1953; «Гісторія Беларускай ССР», т. I. Мінск, 1972; «История Болгарии», т. I. М., 1954; «История Польши», т. I. М., 1954; изд. 2. М., 1956; «История Чехословакии», т. I. М., 1956; «История Югославии», т. I. М., 1963;

Среди работ, в которых был поставлен, а затем решен вопрос о земледелии как доминанте в жизни древнего и средневекового славянства, находятся некоторые мои собственные исследования¹¹. Продолжая мысль Б. Д. Грекова, я пытался сформулировать выводы об особой роли славянских племен в Великом переселении народов: «... Определяющую роль в становлении феодальной Европы сыграли именно славянские, наряду с германскими, перемещения племен во II—VII вв. н. э. Роль, на первый взгляд, довольно значительная, если не решающая, таких кочевых народов, как сарматы-языги, гунны, болгары¹² или авары, тоже принимавших участие в общеварварском штурме Римской империи, была в действительности не более чем второстепенной, вспомогательной. Охватывая взглядом события эпохи переселения народов в широкой исторической перспективе, можно сказать только, что натиск кочевых народов в довольно серьезной мере облегчил ход вековой борьбы европейского варварского мира с могущественной средиземноморской империей. Как только опустошительный, но еще более очистительный смерч великого переселения народов перестанет метаться над Европой и лишь на Востоке еще будут сверкать зарницы и слышаться глухие раскаты успокаивающей бури, перед взором исследователя возникнет романо-германо-славянская Европа, уверенно двинувшаяся по пути феодального развития, Европа, в которой славянские народы выступят в качестве равноправного и равноценного строителя нового строя, и это не было случайностью, ибо в Европе творцами новой, феодальной эпохи были, да и могли быть, только народы-земледельцы, какими с древних времен являлись славянские племена»¹³.

Античные авторы сообщают нам сведения о местопребывании славян и одновременно рассматривают их как большую силу во время Великого переселения народов. Готский историк Иордан в хронике о происхождении и деяниях готов сообщает: венеты, «хотя и были достойны презрения из-за (слабости их.— В. К.) оружия, были, однако, могущественны благодаря своей многочисленности...»¹⁴. Сравнивая славян с готами, Иордан заявляет: «Хотя теперь, по грехам нашим (готов.— В. К.), они (венеты.— В. К.) свирепствуют повсеместно, но тогда все они (венеты.— В. К.) подчинялись власти Германариха». Таким образом, подчеркивая былую власть готов, автор все же вынужден признать главную роль славян в передвижении народов из Восточной в Юго-Восточную Европу. Это — ценное признание в устах готского историка.

Далее Иордан пишет: «Эти (венеты), как мы уже рассказывали... происходят от корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов и склавенов...»¹⁵ Хотя их (венетов.— В. К.) наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами... Анты же — сильнейшие из обоих племен — распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину: эти реки удалены одна от другой на расстояние многих переходов»¹⁶. Анты, несмотря на некоторые отличия их хозяйства от хозяйства склавен (речь идет прежде всего о типах кера-

«История на България», София, 1954; «Историја народа Југославије», т. I. Београд, 1953; «Přehled československých dejin», t. I. Praha, 1958; «Historia Polski», t. I. Warszawa, 1957.

¹¹ В. Д. К о р о л ю к. Древнепольское государство. М., 1957; е г о ж е. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964.

¹² Имеется в виду этнос болгар-кочевников (протоболгар) в отличие от болгар-славян.

¹³ В. Д. К о р о л ю к. Западные славяне..., стр. 9—10.

¹⁴ «Getica». Комментарий Е. Г. Скржинской. М., 1960, р. 71, 90.

¹⁵ Ibid., р. 90.

¹⁶ Ibid., р. 72.

мики¹⁷, а также, видимо, о характере городищ VI в.¹⁸), по словам исследователей, были, безусловно, родственными во всех отношениях¹⁹ — у них был одинаковый образ жизни, внешний вид и язык²⁰. И склавены, и анты были земледельцами. Правда, имя антов исчезло из письменных источников (в 602 г. орда аваров разгромила антов), тем не менее, по общему мнению, анты сохранились и продолжали существовать на современной территории Молдавии, Румынии и Болгарии²¹.

Великое переселение народов привело к перемещению масс населения по новым путям — на запад и юго-запад. Огромная волна славян-земледельцев устремилась в Центральную и Юго-Восточную Европу. Славяне оседали на Балканах, в Дунайском бассейне, на территории, с запада примыкавшей к реке Лябе. В VI—VII вв. начинался сложный процесс образования трех ветвей славянства — восточной, южной и западной, процесс образования государств и народностей славянских. Славяне твердо стали на путь феодализма. Правда, равномерности и синхронности процессов социально-экономического развития у всех трех ветвей славян в период Великого переселения и в ходе формирования феодализма не было. Безусловно, славяне, оседавшие на территориях Византийской империи и в контактной зоне, опережали в своем развитии других славян, оставшихся жить в коренных областях²². Правда, и эта часть славян сумела расширить границы своего расселения на запад и на восток, оттесняя местное население. Но тем не менее во второй половине первого тысячелетия эта часть славян оставалась в особых периферических условиях. Только в X — начале XI вв. все области славянского мира стали развиваться равномерно. Можно твердо констатировать, что по уровню производства, главным образом, земледелия — основы тогдашнего хозяйства — славянский мир не отставал от стран Западной Европы²³.

Обратная проекция, обратная перспектива: народности — раннефеодальные государства — племенные княжества — Великое переселение народов и волна славянских переселений на запад к Лябе, в Дунайский бассейн, на Балканы, на восток и на север русской равнины — большие военно-политические объединения — союзы племен — влияние кельтов и рабовладельческой Римской империи²⁴ — следы разложения первобытнообщинного строя дала археологии возможность наметить ареалы славянского этногенеза. При этом археологи сосредоточили усилия главным образом на изучении земледельческого хозяйства славян в период военной демократии (конец периода вполне ясен — Великое переселение народов, начало периода — граница, пока что окончательно не уточненная). Хотя археологические памятники интерпретируются не оди-

¹⁷ Типы керамики славян достаточно обстоятельно рассматривали археологи. См. И. А. Рафалович. Славяне VI—IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972.

¹⁸ Ср. В. Д. Королук. «Вместо городов у них болота и леса...» (К вопросу об уровне славянской культуры в V—VI вв.). «Вопросы истории», 1973, № 12, стр. 198—199.

¹⁹ «Getica», p. 220.

²⁰ В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 27—58; В. П. Петров. Этногенез славян. Джерела, етапи розвитку і проблематика. Київ, 1972, стор. 12 и далее.

²¹ «Getica», p. 212.

²² В. Д. Королук. Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе. В сб. Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975, стр. 159—160.

²³ W. Hensel. Ibid., s. 81; W. Hensel. Archeologia o początkach miast słowiańskich. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1963.

²⁴ В. Д. Королук. Древнепольское государство, стр. 52—64. W. Hensel. La naissance de la Pologne, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966 p. 2738.

наково²⁵, тем не менее археологи, используя лингвистические и этнографические материалы²⁶, дали более или менее определенную картину состояния земледельческого хозяйства у славян, наметили рабочую гипотезу местонахождения их прародины.

К сожалению, этот вопрос до сих пор не стал предметом комплексного изучения — лингвистического, этнографического, антропологического и исторического. Осуществить такое изучение этой темы пока что действительно трудно, принципы не вполне уяснены. Однако, основываясь на лингвистических материалах и редких упоминаниях письменных источников, археологи выдвинули две гипотезы: одро-висленская теория славянской прародины и одро-днепровская. При этом некоторые археологи и историки допускают компромиссное решение, связывая каждый из этих районов с различными этапами славянского этногенеза. Попытка возрождения паннонской теории прародины славян²⁷ оказалась просто неудачной. Топонимических материалов недостаточно для ее обоснования. Археологические материалы не свидетельствуют о раннем появлении славян в этом районе. И главное — полностью отсутствуют свидетельства письменных источников, которые подтверждали бы эту гипотезу. И наконец, четвертая теория полесской прародины славян. Однако следует учитывать, что попытка возврата к этой теории²⁸, безусловно, исключает гипотезу Одро-Висленского ареала славянского этногенеза, а древние письменные источники не дают никаких оснований для нее. Полесье могло бы рассматриваться только в качестве одного из очагов этногенеза славян Одро-Днепровского ареала либо (по компромиссному суждению) как один из очагов второго этапа славянского этногенеза. Полесье — низменная область. Между тем, по данным древних письменных источников, ареалы славянского этногенеза (одро-висленская или одро-днепровская гипотезы) включают не только равнину, но и горы. Это — важное свидетельство.

²⁵ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена; его же. Финноугры, балты и славяне...; его же. У истоков древнерусской народности. Л., 1970; В. Д. Браун. Там же; Г. Б. Федоров. Там же, В. В. Седов. Там же; «Раннесредневековые восточнославянские древности». Л., 1974; «Древняя культура Молдавии». Кишинев, 1974; Л. Д. Поголь. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск, 1974; А. Т. Сміленко. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпрові (II—XIII ст.), Київ, 1975; «Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э. — I тысячелетии н. э.». М., 1975; Ю. В. Кухаренко. Археология Польши. М., 1969; Г. Б. Федоров, Л. Л. Полевой. Археология Румынии. М., 1973; J. K o s t r z e w s k i. Ibid.; Idem. Pradzieje Polski. Poznań, 1949; T. L e h r - S p ł a w i ń s k i. O pochodzeniu i praojczyźnie słowian. Poznań, 1946; J. K o s t r z e w s k i, W. C h m i e l e w s k i, K. J a ǰ ǰ e w s k i. Pradzieje Polski. Poznań, 1946; T. M a l i n o w s k i. Obrządek pogrzebowy ludności kultury pomorskiej. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969; W. H e n s e l. Archeologia i prehistoria. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1974; R. W e n s k u s. Stammenbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen Gentes. Köln — Graz, 1964; M. G i m b u t a s. The Slavs. London, 1974; H. Ł o w m i a ń s k i. Początki Polski, t. V и т. д.

²⁶ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимии верхнего Поднепровья. М., 1962; О. Н. Трубачев. Названия рек правобережной Украины. Словообразование, этимология. Этническая интерпретация. М., 1968; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1968; Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962; Б. В. Горнунг. Из предистории образования общеславянского языкового единства. М., 1963; А. А. Вержбовский и др. Белорусско-литовские лексические взаимосвязи. Вильнюс, 1961; Полесье (лингвистика, археология, топонимика). М., 1967; «Лексика Полесья». М., 1968; «Этнонимы». М., 1970 и др.

²⁷ В. П. Копычев. В поисках прародины славян. М., 1973.

²⁸ Л. Оссовский и др. Западное Полесье — прародина славян. «Вопросы языкознания», 1971, № 1.

Зона лугов в горах была благоприятна для разведения скота. В результате главная отрасль хозяйства, характерная для пастушеского хозяйственного типа, — животноводство и молочное производство. Население гор может вести хозяйство только такого типа. Археологические раскопки в горах не дают по существу достаточных следов материальной жизни и культуры пастушеского населения²⁹. Это связано с самим образом жизни пастушеского населения. Места его постоянного обитания — селения — находились в долинах, где поблизости были обрабатываемые земли и зимние пастбища. Но как только начинался новый сезон, пастухи отправлялись в горы со стадами и возвращались обратно лишь когда выпадал снег³⁰. В горах, где обитали пастухи, или в степях, где жили только кочевники, естественно поиски археологов не дают больших результатов. Дело в том, что «постоянные перемещения не оставляют после себя длительных следов, а ветер и дождь уничтожили пепел очагов временных стоянок, на земле остается лишь несколько обожженных камней, да редкие оставленные или забытые вещи, именно во всех странах, — как пишет археолог, — благодаря этому обстоятельству находят бескопечное количество отдельных предметов, не связанных между собой»³¹.

Следовательно, археологи могут обследовать долины. Реконструкция жизни пастушеского населения в горах, в полонинах не может быть полностью осуществлена. Поэтому на основе археологических материалов нельзя решить вопрос об этническом характере населения горных районов. Представляется, что для решения вопроса об этническом облике пастушеского населения на рубеже античности и средневековья должны быть привлечены прежде всего свидетельства древних памятников письменности. Они являются для нас ориентиром при определении района расселения того или иного этноса, в данном случае славян, после чего можно ставить вопрос о роли пастушеского хозяйства в их жизни. До сих пор историки-этнографы отмечали следы существования пастушеского славянского населения в Карпатах только в период развитого феодализма. В XIII в. по письменнo-этнографическим источникам было уже зафиксировано славянское пастушеское хозяйство в полонинах. Роль горных пастбищ возросла в хозяйственной жизни славян в XIV—XV столетиях³².

Такое наблюдение само по себе является серьезным шагом в развитии исследований по истории пастушеского славянского общества. Думаю, однако, что XIII в., принимаемый за начальную грань появления пастушества у славян, является только условным рубежом.

В данной статье мы рассмотрим известия античных авторов с тем, чтобы попытаться определить характер славянского пастушеского населения в древности, в период I—VI вв. н. э. Начнем с разбора сочинения Корнелия Тацита (I в. н. э.). Как известно, характеристику жизни славян Тацит дает несколько противоречиво и, может быть, даже туманно. Есть его прямое указание на славян, находившихся в горной области: «Венеды переняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, которые только не существуют между певкинами и феннами»³³. И далее

²⁹ В. Д. К о р о л ю к. К исследованиям в области этногенеза славян и восточных ромашев. «Советское славяноведение», 1973, № 3, стр. 80, 91.

³⁰ Ср. Ж а к д е - М о р г а н. Доисторическое человечество. М.—Л., 1926, стр. 125.

³¹ Там же, стр. 161.

³² J. P o d o l á k. Poloninské hospodárstvo huculov v ukrajinských Karpatoch. «Slovenský národopis», R. XIV, 1966, s. 288—289; М. П. Т и в о д а р. Народные традиции в полонинском пастушестве украинцев Раковщины. «Карпатский сборник». М., 1972, стр. 20.

³³ К о р н е л и й Т а ц и т. Там же, т. I, стр. 372.

он указывает на подвижность славян: «они... передвигаются пешими и притом с большой быстротой»³⁴. Более точные сведения о славянах в Восточной Европе дает Иордан (VI в.): «У левого их склона (северный склон Карпат), спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многочисленное племя венетов»³⁵.

Сопоставляя эти два свидетельства античных историков, делаем следующий вывод: венеты-славяне одновременно проживали в лесостепной и лесной зонах и в северных областях Карпат. Это во-первых. Во-вторых, основная масса населения славян-венетов находилась в районах лесостепи и лесов, причем анты и склавены³⁶ одновременно проживали именно в этих областях. И, наконец, в-третьих, только небольшая часть славян-венетов, часть племен склавленов жили в горах на левом склоне Карпат.

Таким образом, мы можем составить более или менее четкое представление о состоянии хозяйственной жизни славян. На большей части территории, заселенной славянами, господствовало земледелие, и лишь небольшая группа славянского населения, часть племени склавленов, заселявшая горные районы, занималась скотоводством. Точнее говоря — относительно небольшая часть славян занималась скотоводство-земледелием сезонно-пастушеского типа.

А теперь рассмотрим свидетельства картографического памятника. Певтингеровы таблицы сложились в период I—IV вв. н. э. Венеды (или венеты) были помещены в VII—VIII таблицах под океаном. Рядом в VII таблице были помещены лугии. Венеты и лугии были представлены как соседни, при этом к обозначениям и венетов и лугиев были присоединены названия сарматов. Итак, в VII — VIII таблицах были помещены лугии-сарматы и венеты-сарматы под океаном в отличие от других племен³⁷. Однако в VIII таблице были также помещены славяне-венеты, локализованные в области между Дунаем и, видимо, Днестром в дельте Дуная³⁸. Возможно, что во второй половине III в. название венетов было внесено в таблицу рукой комментатора³⁹. С таким предположением, безусловно, можно было бы согласиться. Но существует еще следующее обстоятельство. Венеты были помещены в области между Дунаем и Днестром без названия сарматы. Просто — венеды (или венеты). Обычно все историки считают, что языки лугиев-сарматов и венетов-сарматов отличаются от языка германцев. По их мнению, Певтингеровы таблицы объединяют лугиев-сарматов и венетов-сарматов собирательно как сарматов⁴⁰. Это разъяснение я мог бы вполне принять⁴¹. Без всяких споров. Действительно, Тацит отмечает, что «котины и озы не германцы, доказывают их языки, галльский у первых и паннонский у вторых», и, следовательно, лугии и венеды тоже не германцы. Венеды-сарматы имели свой язык. Но в таком случае и венеды, которые жили в дельте Дуная, имели свой язык, отличный от языка других народов. Однако возникает одна трудность. Тацит, рассмотрев обычаи, быт и занятия венетов, решительно подчеркивает отличие

³⁴ Там же, стр. 378.

³⁵ «Getica», p. 71.

³⁶ Ibid., p. 72.

³⁷ H. Łowmiański. Początki Polski, t. I, s. 176—177.

³⁸ Ibid.

³⁹ Ibid., s. 180—181.

⁴⁰ «Getica», p. 193; H. Łowmiański. Początki Polski, t. I, s. 181.

⁴¹ В. Д. Королюк. О некоторых спорных вопросах развития черняховской, славянской, древнерусской и балкано-дунайской археологических культур Днестровско-Прутского междуречья. В сб. «Советское славяноведение», М., 1975, стр. 104.

их от сарматов. «Все это отмежевывает их (венетов. — В. К.) от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне»⁴², — пишет он. Зато Плиний Старший причислял венетов к сарматам. Венеты, по его мнению, были в части Сарматии, прилегающей к Германии (на р. Висле)⁴³.

Таким образом, существует противоречие в этих письменных источниках: есть ряд известий, с одной стороны, о венетах-сарматах, помещенных в VII — VIII таблицах под океаном, вернее заливом венецианским, и при мыкающих к областям Сарматии, и, с другой стороны — о венетах, также указанных в VIII таблице (между Дунаем и Днестром), которых источники четко отличают от сарматов. Ключом к решению загадки имен славян служит один из текстов в труде Тацита «О происхождении германцев и местоположении Германии». Тацит правильно определил язык венетов. Он знал, что венеты были близки по быту и занятиям к германцам, но вместе с тем он указал на два момента: 1) венеты были не только в лесах или лесостепях, но и в горах, 2) венеты передвигались с большой быстротой. Эти его указания позволяют понять причину появления двух разных названий венетов. Венеты не были кочевниками. Это безусловно. Но можно предполагать, что двойное название венетов-сарматов было связано с тем, что часть венетов занималась пастушеством и тем самым в какой-то мере приближалась к сарматам по своему образу жизни. Большие перемещения венетов-пастухов, главным образом в горных областях, дали возможность географам включить венетов-пастухов в пределы Сарматии. Так объясняется и появление на Певтингеровых таблицах названия *лугии-сарматы*. Следующий рассказ Тацита: «Все эти народности обосновались кое-где на равнине, но главным образом на горных лугах и на вершинах гор и горных цепей. Всю Свебию делит и разрезает надвое сплошная горная цепь, за которой обитает много народов; среди них самые известные — расчленивающиеся на разные племена лугии»⁴⁴.

В сочинении «Война с готами» Прокопия из Кесарии, написанном в период 550—554 гг., была довольно пространная характеристика хозяйства, быта, обычаев, языка и религии автов и славян⁴⁵. При описании событий славянских перемещений в пределах Восточно-Римской империи он приоткрывает некоторые стороны жизни пастушеского славянского населения. Эти высказывания Прокопия могут быть лишь небольшим дополнительным материалом к сочинениям Иордана, Тацита и Певтингеровым таблицам. И только.

Итак, перейдем к этим сведениям. Их немного:

«Славяне... тотчас прервали свой поход на Фессалонику и не дерзали больше спускаться на равнину, но повернули назад и, пройдя по горам через всю Иллирию, оказались в Далмации»⁴⁶.

«Эти варвары (анты. — В. К.) лучше всех других умели сражаться в гористых и трудных местах... Анты, благодаря своей доблести, так как к тому же им благоприятствовала и гористость места... обратили врагов в бегство»⁴⁷.

И наконец, последнее сведение: «В числе его воинов были люди славянского племени, которые привыкли прятаться даже за маленькими камнями или за первым встречным кустом и ловить неприятеля»⁴⁸.

Е.

⁴² Корнелий Тацит. Там же, т. I, стр. 370.

⁴³ «Getica», р. 209.

⁴⁴ Корнелий Тацит. Там же, т. I, стр. 371.

⁴⁵ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 297, 298, 366, 384.

⁴⁶ Там же, стр. 370.

⁴⁷ Там же, стр. 319—320.

⁴⁸ Там же, стр. 243—244.

Эти высказывания Прокопия, свидетельствующие о наличии у славян определенных навыков, позволявших им легко приспособиться к горным условиям, их способности к быстрому передвижению в горных районах, вполне согласуются с данными о жизни славян, которые приведены выше. Труднее понять, почему аналогичные качества Прокопий приписывает антам. Допустим, что анты были не только земледельцами, но и пастухами. Это возможно. Но где был очаг пастушеского населения антов? Прокопий из Кесарии вообще об этом абсолютно не думал, а может быть, и не знал. Далее — был ли исконный очаг у антов-пастухов (приведенное указание Иордана о хозяйстве антов находится в противоречии со свидетельством Прокопия) или позднее под натиском других племен часть антов была оттеснена в горы — все эти вопросы остаются открытыми. Заканчивая разбор сочинений древних авторов и картографов, содержащихся в них следов пастушеского славянского населения, необходимо указать еще одно сообщение о славянах. В труде арабского писателя X в. Абу-ль-Хасап Али ибн Хусейн Масуди «Промывальни золота и рудники драгоценных камней» в главе «Сообщение о зданиях, почитаемых у славян» дается сказочное фантастическое описание трех храмов. Как правило, историки отказываются от использования этих описаний храмов в своих трудах. Лишь недавно востоковед и славист А. П. Ковалевский попытался выделить в них рациональное зерно. По его мнению, глава относится к истории славян IX в. Далее он говорит: «К таким данным, извлекаемым непосредственно из сообщений Аль-Масуди (независимо от других источников), можно отнести по крайней мере следующие: указание на существование храмов в горах в районе Карпат и у моря, по-видимому Балтийского, в частности на каком-то острове»⁴⁹.

Храмы в районе Карпат — так видит историк текст главы, — безусловно, надо связывать с пастушеским славянским населением этого района, с циклами обрядов, праздников и жертвоприношений. Были ли эти храмы или заграды и алтари или даже роци в Карпатах, сказать об этом историк не может. Это задача этнографов. Но само свидетельство о славянских культовых памятниках в Карпатах открывает нам новую, неизвестную черту древнеславянской культуры, связанной с жизнью славян-пастухов.

Судьба Восточной Римской империи решалась в ходе Великого переселения народов VI — VII вв. были рубежом периода заката рабовладельческой цивилизации и нового периода — становления феодализма в Юго-Восточной Европе. Большая роль славян в этих процессах совершенно очевидна. Историки Византийской империи оставили нам много свидетельств о славянах этого периода и, в частности, о передвижениях славян и смене славянских племенных названий. На последнем вопросе следует остановиться подробнее.

Иордан, как уже говорилось выше, знал, что «на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов». И дальше: «Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же они называются преимущественно склавенами и аптами»⁵⁰.

Вслед за Иорданом говорит Прокопий из Кесарии: «Большинство из них были гунны, славяне и анты, которые имели свои жилища по ту сторону реки Дуная, недалеко от его берега»⁵¹. Речь идет, разумеется, о левом берегу Дуная. «Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии) и поэтому у них

⁴⁹ А. П. Ковалевский. Аль-Масуди о славянских языческих храмах. В сб. Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973, стр. 86.

⁵⁰ «Getica», р. 71—72.

⁵¹ Прокопий из Кесарии. Там же, стр. 156.

счастье и несчастье в жизни считается делом общим. И во всем остальном у обоих этих варварских племен вся жизнь и законы одинаковы. Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды»⁵². Рассказывая об обычаях, религиозных обрядах, жилищах и оружии, Прокопий из Кесарии еще раз отметил общее у антов и славян: «У тех и других один и тот же язык, достаточно варварский. И по внешнему виду они не отличаются друг от друга»⁵³.

Из показаний Иордана и Прокопия можно сделать следующие выводы: среди народов, переместившихся в Дунайский бассейн и на Балканы, были анты и славяне (склалены). Правда, Иордан считал, что анты были сильней склален⁵⁴. Однако Прокопий отмечает большую активность славян (склален) в войне с империей⁵⁵. Вместе с тем анты бывали в войсках Восточно-Римской империи⁵⁶.

Так или ипаче, имена антов и славян были в VI в. очень известны. И только в конце VI или начале VII вв. имя антов исчезло. «Тем временем, — пишет византийский историк Феофилакт Симокатта (VII в.), — каган, получив известие о набегах ромеев, направил сюда Апсиха с войском и приказал истребить племя антов, которые были союзниками ромеев»⁵⁷. По мнению советских историков, анты действительно утратили свое имя, но продолжали жить в областях Юго-Восточной Европы. Племя антов или даже знать антов была разбита аварами и слилась со склаленами⁵⁸. Так полагают наши историки, и я готов согласиться с ними во всем, кроме одного: анты — название огромного военно-политического объединения славян, которое не могло просто исчезнуть. Ни походы готов на антов, ни разгром гуннов, аваров, ни сражения ромеев или союз антов с империей не дают точного ответа на вопрос, почему исчезло это название. Нельзя связывать исчезновение имени антов и со столкновением их со славянами, хотя Прокопий из Кесарии говорил об их ссорах: «Спустя некоторое время анты и славяне рассорились между собой и вступили в войну. Случилось так, что в этой войне анты были побеждены врагами»⁵⁹. Но тем не менее в этом сочинении остаются оба названия — славяне (склалены) и анты.

Решение загадки исчезновения имени антов, как мы увидим ниже, безусловно, является спорным, гипотетическим. Это только попытка, не больше.

И анты и склалены, родственные по языку и обычаям в V — VI вв. н. э., были двумя большими военно-политическими объединениями племен с развитым этническим самосознанием. Границей между поселениями антов и склаленов была, по сообщению Иордана, река Днестр. В Певтингеровых таблицах поселения венедов на север от Черного моря расположены в двух изолированных друг от друга районах. Видимо, Иордан дает все же более правильное представление о размещении славянских племен венедов-сарматов и венедов.

Для развития процесса этнического самосознания показательна конфронтация с соседями. Антитеза мы — они присуща этносу⁶⁰. Это противопоставление, однако, нельзя считать в полной мере характерным для взаи-

⁵² Там же, стр. 297.

⁵³ Там же.

⁵⁴ «Getica», р. 72.

⁵⁵ Прокопий из Кесарии. Там же, стр. 337, 365, 366, 369, 374, 375.

⁵⁶ Там же, стр. 319.

⁵⁷ Феофилакт Симокатта. История. М., 1957, стр. 180.

⁵⁸ В. В. Мавродин. Там же, стр. 60—64. «Getica», р. 220—221.

⁵⁹ Прокопий из Кесарии. Там же, стр. 295.

⁶⁰ Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, стр. 31.

моотношений склавенов и антов. Консолидация славянских племен (о наличии у таких племен собственных названий нам говорит Иордан) шла вокруг двух различных центров племенных союзов; отсюда и возникновение двух разных собирательных названий для обозначения славян, живущих на север от Черного моря. Но склавены и анты говорили на одном языке и, судя по свидетельству Иордана, у них было представление об общем происхождении членов обоих союзов. Иное дело, когда мы сталкиваемся с очевидной конфронтацией славян с другими народами, отличными от них по процессу развития этнического самосознания, возникают собирательные наименования, объединяющие и отграничивающие их от других народов. На западе, где славяне примыкали к областям Германии, появилось собирательное имя склавенов, на востоке, где славяне были в пределах Сарматии, появилось другое собирательное имя антов. Не венедами-сарматами, а склавенами должны были называться люди племени. Также и анты на востоке называли себя антами в отличие от кочевников в степи.

Но когда славяне на последнем этапе Великого переселения народов появились и утвердились на территориях Юго-Восточной Европы, содержание названия славян изменилось. Имя склавенов распространилось на весь славянский мир. Название же анты исчезло. Причины этих перемен следует искать в перемещении взаимоотношений славянских племен с окружающим их миром. Импульсом для дальнейшей консолидации славян явилось то обстоятельство, что к имевшей ранее место конфронтации с германцами, балтами, финнами, кочевыми племенами и даже кельтами присоединилась и выдвинулась на первый план конфронтация славян с Восточно-Римской империей. Славянский этнос консолидировался. Славянское этническое самосознание возросло. Затем под покровом первого общего названия начинается процесс образования государств и народностей славян.

Перелом в развитии славянского этнического самосознания, который выразился в появлении общего наименования для всех славянских племен, падает на период VI — начала VII в. Антитеза мы — они превращается в антитезу славяне — ромей, славянское население земледельцев и пастухов и ромей под властью императоров. Древнерусский летописец, правда, развивая свою ученую теорию Дунайской прародины славян, описывает образование славян как особого народа также к этому времени. «По мнозех же временах сели суть словени по Дунаеву, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от тех словен разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте»⁶¹. Следовательно, речь идет о времени, когда протоболгары еще не утвердились в низменностях Дуная, т. е. ранее второй половины VII в. Отнесение летописцем именно к этой эпохе завершения формирования славянства представляет большой интерес. Еще более важно его указание на то, что этот процесс шел в условиях конфронтации славян с волохами: «Волхом бо нашедшем на словен на Дунайския, и седшем в них и насилящим им, словени же ови пришедше седоша на Висле» и т. д.⁶² В своей статье «Волохи и славяне»⁶³ я попытался показать, что термин волохи древнерусского летописца представляет собой древнюю контаминацию. Учитывая общий контекст свидетельств Нестора и роль конфронтации с Восточно-Римской империей для развития славянского этнического самосознания, следует уточнить этот вывод в том смысле, что термин волохи у Нестора означает контаминацию не двух, а трех понятий: волохи — древние римляне, волохи — восточнороманские

⁶¹ «Повесть временных лет», ч. I. М.—Л., 1950, стр. 11.

⁶² Там же.

⁶³ «Советское славяноведение», 1971, № 4, стр. 50—53.

пастухи и волохи — «ромеи», подданные Восточно-Римской империи. Далее, известия «Повести временных лет» ясно свидетельствуют об участии волохов в процессе передвижения славянских племен в Подунавье. Тем самым вопрос о значении контактов между славянами и восточными романцами уже на первых этапах Великого переселения народов продолжал оставаться актуальным. В свете вышесказанного важную роль следует отнести прежде всего контактам между пастушеским романским населением и славянскими пастухами, двигавшимися с Карпат на юг. На первых этапах славянской колонизации роль этого пастушеского населения, благодаря его способности быстро передвигаться даже по территории малодоступных горных областей, должна была быть особенно значительной. Но затем начинается процесс освоения земли. Развивается земледелие. И с течением времени земледелие либо начинает отеснять пастушество, либо, вовлекая в орбиту земледельческого хозяйства, подчиняет пастушество себе.

Следы пастушества славян, точнее говоря, следы существования у славян хозяйства пастушеско-земледельческого типа в первом тысячелетии н. э., которые удалось выявить в трудах античных авторов, дают возможность сделать некоторые выводы:

1) издревле у славян были две отрасли или типа хозяйственной жизни: земледелие и пастушество; главным, основным типом хозяйства у славян было, безусловно, земледелие;

2) однако на этапах Великого переселения народов роль пастушества у славян, по-видимому, значительно увеличилась. Волна перемещений славянского пастушеского населения докатилась, вероятно, до областей Греции и Далмации, находившихся в Восточной Римской империи;

3) первые контакты и конфронтация пастушеского и земледельческого населения славян с волохами произошли на территории Дунайского бассейна в VI — начале VII вв. н. э.

Заглядывая вперед, мы, историки, естественно, понимаем, что в целом пастушеское хозяйство в ходе истории славянских народов, постепенно сокращаясь, превращается в подсобную отрасль в общей системе хозяйства. Но для того, чтобы дать правильную, ясную картину развития хозяйства пастушеско-земледельческого типа у славян от зарождения хозяйственной формы и вплоть до настоящего времени, необходимо попытаться, хотя бы в общих чертах, реконструировать картину пастушеского хозяйства славянских племен I тысячелетия н. э. Не историки и даже не археологи, а именно этнографы-историки могут дать нам такую реконструкцию.

Попытки выявить основные аспекты воздействия пастушеского населения, главным образом волохов, на культуру всего карпатского ареала XV — XVII вв. были уже сделаны⁶⁴. Советские историки сумели внести вклад в изучение этой проблематики, исследуя проблему волошской колонизации и волошского права⁶⁵. Лингвисты собрали также важный материал, свидетельствующий о тесных контактах славянского и романского пастушеского населения⁶⁶. Но главной задачей комплексных исследований реконструкция жизни пастушеского славянского населения в Карпатах и на Балканах в древности и в период раннего средневековья до сих пор не была.

⁶⁴ Ю. В. Бромлей, Н. Н. Грацианская. Этнографические аспекты карпатоведения. «Советское славяноведение», 1973, № 6, стр. 65—66.

⁶⁵ В. Ф. Инкин. К вопросу о социально-политической организации галицких сел на волошском праве (о сборах — вече). В сб. «Карпато-Дунайские земли в средние века». Кишинев, 1975.

⁶⁶ Г. П. Клепикова. Славянская пастушеская терминология. Ее генезис и распространение в языках Карпатского ареала. М., 1974 (здесь же см. литературу проблематики).

В. ТЮРИН

ЮНЕСКО И ПРОЕКТ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

Культура любого народа или региона имеет право не только на признание и понимание ее ценностей окружающим миром. Следующий шаг — взаимодействие различных культур — невозможен без пристального и глубокого изучения их не только в ареале изучаемой культуры, но и за его пределами, т. е. на международном уровне. Главная задача ЮНЕСКО — способствовать взаимному изучению культур.

Первые шаги (1971—1972 гг.)

Проект «Изучение славянских культур» был принят ЮНЕСКО на XVI сессии Генеральной конференции осенью 1970 г. Впервые ЮНЕСКО обратилась к комплексному, междисциплинарному изучению культур всего славянского мира в культурно-историческом плане. Славянский проект касается большой территории Восточной, Южной и Центральной Европы, где в глубокой древности поселились славянские племена, а ныне расположены семь стран — членов ЮНЕСКО: Белоруссия, Болгария, Польша, Советский Союз, Украина, Чехословакия и Югославия.

С самого начала значимость проекта определилась двумя главными обстоятельствами: желанием способствовать развитию международных исследований и стремлением ознакомить мир, главным образом неславянский, с достижениями цивилизации славянских народов. Несмотря на то, что ученые и специалисты ведут интенсивную и разностороннюю работу по изучению славянского культурного наследия, инициатива ЮНЕСКО была своевременной и полезной. Она расширяла возможности координации научных изысканий, причем не только в славянских странах, помогала обмену опытом, способствовала в международном масштабе распространению знаний о славянских культурах, об их прошлом и настоящем.

В соответствии с принятой на XVI сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО резолюцией проект имел три основных направления: славянские литературы; история славянских культур в их взаимосвязях с западноевропейскими и восточными культурами; искусство славянских народов. В своей совокупности эти темы охватывают практически весь комплекс культуры славянских народов как современной, так и прошлой. В мае 1972 г. в штаб-квартире ЮНЕСКО было созвано совещание экспертов, которое разработало широкую программу основных направлений проекта, наметило его главные темы и рассмотрело проблемы координации.

Международный симпозиум в Варшаве (сентябрь 1972 г.) на тему «Гуманистическое и общественное значение славянских литератур», проведен-

ный по инициативе Нольны, стал основным мероприятием первого двухлетия осуществления проекта.

Это не был обычный литературоведческий симпозиум академического толка. Его основная цель заключалась в рассмотрении идейных достижений славян в области литературного творчества и определении места славянских литератур в системе гуманистических и общественных ценностей в современной мировой культуре.

Литературы славянских стран рассматривались как выражение идеологических процессов и духовного развития. Поэтому специальные литературоведческие проблемы не находились в центре внимания симпозиума; главное внимание уделялось анализу роли литературы в развитии культуры, общественной значимости литературы и ее влиянию на общество. Предметом научного обсуждения являлись как национальное своеобразие и особенности развития отдельных славянских литератур, так и те решающие факторы, которые обуславливали их исторические и современные связи. Принималась во внимание общая категория единства славянской культуры, включающая различные традиции. Связи славянских культур с неславянским миром обсуждались участниками симпозиума как в сравнительном плане, так и в связи с бурно развивающимся в современную эпоху обменом информацией и культурными ценностями. Поэтому большое внимание было уделено проблемам популяризации и распространения славянских литератур за пределами собственной языковой области, проблемам перевода и способам его улучшения.

В докладах, сообщениях и дискуссии были затронуты следующие темы: связь национальных ценностей, выраженных в литературе, с универсальным наследием человечества; всемирное значение классической русской литературы, главным образом творчества Льва Толстого и реалистического русского романа; польский романтизм как фактор формирования идеологии национального освобождения; национальное возрождение чешской, словацкой, сербской, хорватской и болгарской литератур; проблемы славянского фольклора; творчество выдающихся славянских писателей современной эпохи: Максима Горького, Иво Андрича, Марии Домбровской и других; отдельные славянские литературы за рубежом (их влияние и популяризация); русская литература в Индии, в арабском мире и в Скандинавии, польская литература в США и т. п.; всемирное значение идеалов социалистического гуманизма, выражаемых современной литературой славянских стран.

Варшавский симпозиум был, несомненно, удачным мероприятием, особенно с точки зрения укрепления международного престижа славянских культур и их популяризации. Правда, тематическое разнообразие, а также повторский характер этой встречи создали определенные трудности в обобщении результатов симпозиума. Его участники неоднократно заявляли, что главнейшие проблемы были только намечены, что работа, начатая на Варшавском симпозиуме, должна продолжаться.

На Варшавском симпозиуме была выработана гибкая и эффективная форма научного руководства, которая пошла отражение в славянском проекте ЮНЕСКО. Речь идет о совещаниях экспертов, начало которым было положено в Париже в мае 1972 г. Если совещание в Париже занималось в основном выработкой общих рекомендаций, положенных затем в основу проекта, то совещание, проведенное во время Варшавского симпозиума, носило по преимуществу рабочий характер, наметив ряд конкретных мероприятий по осуществлению проекта.

Именно Варшавское совещание экспертов в 1972 г. стало эталоном для последующих совещаний подобного рода (Варшава, 1973 г.; Москва, 1974 г.; Варна, 1975 г.), когда во время международных конференций по

славянскому проекту собиралась группа экспертов, обсуждавших конкретные проблемы и намечавших дальнейшие планы. Варшавское совещание экспертов положило начало конкретной реализации таких мероприятий, как выпуск серии «Выдающиеся деятели славянской культуры», подготовка альбома по славянскому искусству, составление антологии славянской лирики XIX — начала XX в., — мероприятий, ставших важными вехами в развитии славянского проекта.

Становление проекта (1973—1975 гг.)

Новый этап в осуществлении славянского проекта начался с совещания экспертов, которое проходило в Варшаве в августе 1973 г. во время VII Международного съезда славистов — самого представительного за всю историю мировой славистики.

Это совещание, в котором наряду с учеными всех славянских стран принимали участие специалисты из Англии, США, Франции, ГДР, ФРГ, Греции, Румынии, Италии, Венгрии, стало первым шагом на пути к широкой интернационализации проекта — участию в нем ученых неславянских стран.

Ведущие ученые-слависты мира обсудили в Варшаве планы дальнейшей разработки проекта, подчеркнув необходимость рассматривать славянскую культуру как часть мировой культуры. Особое внимание было обращено на важность комплексного междисциплинарного подхода к изучению славянской культуры. Участники совещания рекомендовали изучить три междисциплинарные темы, связанные с определением места славянской культуры в системе общеевропейских культурных ценностей: «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII — XIX вв.)», «Славянские культуры и Балканы», «Место славянских культур в системе европейских культур».

Свыше 250 ученых-славистов всего мира собрались в Москве 26—29 ноября 1974 г. на международной конференции «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII — XIX вв.)», ставшей одним из важнейших этапов в осуществлении славянского проекта ЮНЕСКО.

С докладами и сообщениями на конференции выступили ученые из Советского Союза, Польши, Югославии, ГДР, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, а также США, Франции, Англии, ФРГ, Австрии, Финляндии, Греции и других стран.

Московская конференция, организованная при участии Института славяноведения и балканистики АН СССР, носила комплексный, междисциплинарный характер. В ней участвовали историки, литературоведы, фольклористы, языковеды, театроведы и искусствоведы. В докладах и сообщениях освещались проблемы историко-культурного процесса в славянских странах с начала XVIII в. до 70-х годов XIX в.: роль культуры в национально-освободительном движении славянских народов, характеристика национальных центров культуры, формирование национальных литературных языков, роль фольклора в национальных культурах, особенности развития художественной культуры славянских народов. В частности, обсуждались вопросы развития славянских литератур, становления национального театра, развития изобразительного искусства. На конференции были рассмотрены проблемы культурных взаимоотношений славянских народов между собой, а также связей славянских культур с культурами народов Западной и Юго-Восточной Европы и частично с Востоком, отмечен вклад славянских народов в мировую культуру.

Рубежом в становлении культуры нового времени почти у всех славянских народов был XVIII век, отмечалось в докладе, посвященном общим

закономерностям и особенностям историко-культурного развития славянских народов в XVIII — XIX вв. Это явилось следствием коренных социально-экономических сдвигов, связанных с нарастанием общего кризиса феодально-крепостнического строя и постепенным складыванием буржуазных отношений, породивших переворот в общественной психологии и получивших непосредственное проявление в духовной жизни славянских народов и в их культуре.

Славянские народы не только критически усваивали и перерабатывали опыт мировой культуры, но и обогащали ее новыми духовными и художественными ценностями. Например, произведения славянских писателей широко переводились на иностранные языки; чешская музыкальная культура оказывала сильное воздействие на немецкое, австрийское и итальянское искусство; польские композиторы и художники сыграли важную роль в развитии искусства других народов; героический эпос южных славян привлекал внимание Гёте и Мериме.

На конференции особо подчеркивалось, что культура самым действенным образом формировала национальное самосознание, была важным фактором выработки политического сознания народных масс и тем самым активно включалась в социальное и национально-освободительное движение, была его составной частью, а на некоторых этапах играла роль хранителя и продолжателя традиций прогрессивного движения.

В дискуссиях о значении традиций прошлого для становления и развития национальных культур славян указывалось на то, что обстановка инонационального гнета, в которой происходил процесс национального самоопределения большинства славянских наций, формирование некоторых из них путем обособления из славянской языково-этнической массы без возможности сослаться на исключительно «свое» предыдущее государственное и культурное развитие, многозначность и неопределенность таких категорий, как «язык» и «нация», и, в конце концов, такой важный фактор общественной мысли, как сознание общности происхождения, языка и исторических судеб, — все это способствовало усиленному включению элементов интернационального порядка в состав традиций национальных культур славян.

Если на Московской конференции проблемы комплексного развития славянских культур рассматривались в основном в пределах самой славянской общности, то конференция в Варне — «Славянские культуры и Балканы» (сентябрь 1975 г.) — сосредоточила внимание на вопросах взаимосвязей и взаимодействия славянских и неславянских культур в пределах большого европейского региона на протяжении более чем тысячелетнего периода.

Такие важные и интересные проблемы, как славянская письменность на Балканах и европейский традиционализм; значение Болгарии и Великоморавии для развития славянских культур; Киевская Русь, Балканы и Византия в XI — XIII вв.; идейно-политическая роль и место славянского мира между христианским Востоком и Западом; античное и византийское наследие в культуре южнославянских народов; традиция и новаторство в искусстве славянских народов; литературные связи между Византией, славянскими и неславянскими народами Европы; Афон и развитие славянских культур; Ренессанс в культуре балканских славян, стали предметом дискуссии на секции «Славянские культуры и Балканы (IX — XVII вв.)».

Доклады и сообщения, обсужденные на секции «Формирование национальной культуры южных славян в XVIII — XIX вв. в процессе развития европейской культуры», касались таких вопросов, как культурные центры южных славян на Балканах и за их пределами; идея славянского

единства в процессе формирования национального самосознания; роль России в культурном и национальном развитии балканских народов; взаимоотношения балканских народов с Европой в области культуры; культурные связи между немусульманами и мусульманами на Балканах.

Доклады и сообщения третьей секции — «Языкознание» — относились к двум главным темам: языковый союз на Балканах и югославянские литературные языки и развитие культуры в эпоху национального возрождения.

На четвертой секции — «Фольклор» — обсуждались доклады, посвященные месту фольклора в балканском культурном процессе и связи устной традиции с литературной.

Кроме того, во время конференции были организованы заседания за круглым столом, посвященные двум темам: текстологические и археологические проблемы издания древнеболгарских памятников, богомилы и катары.

Варненская конференция была представительным научным форумом, на котором проблемы развития славянских культур рассматривались в тесной взаимосвязи с культурными процессами Западной и Восточной Европы, Средиземноморья и Малой Азии. Конференция носила ярко выраженный междисциплинарный характер.

Помимо международных научных конференций и симпозиумов, как организованных непосредственно ЮНЕСКО, так и тех, которым ЮНЕСКО оказывала содействие в рамках славянского проекта (в качестве примера можно упомянуть симпозиум «Франция и славяне» в Сорбонне в декабре 1974 г.), важное место в проекте заняла популяризация славянской культуры.

В апреле 1974 г. в одном из старейших центров болгарской культуры — Рильском монастыре — состоялось первое совещание экспертов, посвященное подготовке альбомов ЮНЕСКО по славянскому искусству. Эксперты обсудили план альбома «Дерево в архитектуре и скульптуре славянских народов», выпускаемый в двух частях (архитектура и скульптура) на французском языке, в котором будут представлены шедевры деревянной архитектуры и скульптуры всех славянских стран. На совещании была намечена также программа выпуска других альбомов по славянскому искусству: декоративно-прикладное искусство, монументальная живопись и станковая.

В 1976 г. начнет издаваться на французском языке серия очерков «Выдающиеся деятели славянской культуры». Беллетризованные очерки о А. С. Пушкине, Т. Г. Шевченко, А. Мицкевиче, Х. Ботеве, Ф. Скорине, М. Крлеже, В. Незвале, Л. Новомеском создаются крупными учеными и литераторами славянских стран. Ведется интенсивная подготовка и другого издания — антологии славянской лирики XIX — начала XX в. Болгарские кинематографисты при содействии ЮНЕСКО приступили к съемкам документального фильма, повествующего о древних очагах славянской культуры.

Планы и перспективы

За пять лет славянский проект ЮНЕСКО превратился в одну из наиболее успешно развивающихся программ Организации в области изучения культуры. Он получил полное международное признание, в нем принимают участие ученые практически всех европейских стран, а также США и Канады. В нынешних условиях, когда ЮНЕСКО активно включилась в работу по претворению в жизнь рекомендаций Хельсинского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, значение проекта, служащего благородной цели сближения культур европейского региона, еще больше

возрастает. Это обстоятельство сыграло решающую роль в принятии XVIII сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО решения о продлении проекта.

Две основные задачи стоят сейчас перед славянским проектом. Первая — завершение его трансформации в междисциплинарную программу всего европейского региона. Это будет сделано на Берлинской конференции ЮНЕСКО в октябре 1976 г., где соберутся специалисты по различным проблемам не только славянских, но и неславянских культур Европы, США и Канады. Тематика конференции — «Место славянских культур в системе европейских культур» — будет охватывать важнейшие вопросы взаимоотношений славянских и неславянских культур Европы в XVIII — XX вв. с упором на общность их исторических судеб и развития. В проблематике конференции можно выделить такие основные темы:

Процесс интеграции славянских культур и общеевропейское культурное сознание

Славянские культуры в культурном сознании Европы в XVIII в. Славянские культуры и европейское Просвещение. Европейская общность и национальная специфика славянских литератур эпохи Просвещения. Славянство в исторической и философской концепциях культуры европейских мыслителей в эпоху Просвещения. Славянский романтизм в типологическом сопоставлении и генетическом отношении с общеевропейским романтизмом. Славянский фольклор и европейская культура XVIII и XIX вв. Национальные и социальные движения славянских народов в их отношениях к западноевропейской философской, социальной и политической мысли (до середины XIX в.).

Вклад славянских культур в развитие общеевропейской культуры XIX и начала XX в. Роль и функция реализма XIX и начала XX в. и его воздействие на европейский культурный процесс XX в.

Специфические этапы развития реализма в культурах славянских народов; типологическое и генетическое сопоставление с развитием западноевропейской культуры того времени. Русский реалистический роман и его значение в развитии общеевропейской культуры. Роль реализма в славянских культурах XIX в. в процессе развития западноевропейской культуры XX в. Дальнейшее развитие и обновление реализма и его соотношение с другими течениями в литературе и искусстве конца XIX — начала XX в. Освоение эстетического наследия реализма славянских культур выдающимися представителями западноевропейской культуры XX в.

Славянские культуры в системе европейских культур XX в.

Новый этап в историческом развитии славянских народов и их культур после 1917—1918 гг. Роль славянских народов и их культур в антифашистской борьбе

Новые процессы взаимодействия славянских культур и культур западноевропейских народов как важный фактор общественного прогресса; демократизация культуры и усиление ее гуманистического пафоса. Новаторские тенденции и направления в литературе и искусстве славянских народов. Славянские культуры в антифашистской борьбе народов Европы. Объединение прогрессивных деятелей культуры в Европе в целях защиты ценностей человеческой цивилизации. Проблематика второй мировой войны в литературе и искусстве славянских народов, включая современный период.

Решение второй задачи — создание Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур — превращает славянский проект в основу для постоянно действующей научной организации, которая объединит усилия специалистов не только стран европейского региона, но и привлечет к своей деятельности ученых из других частей мира.

XVIII сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО, учитывая необходимость максимальной интернационализации и междисциплинарного подхода к изучению славянских культур, а также необходимость координации усилий специалистов из различных районов мира, приняла решение о создании Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур, которая в тесном сотрудничестве с уже существующими ассоциациями и объединениями по славистике и смежным дисциплинам возьмет на себя в будущем научное и частично организационное руководство славянским проектом.

Вопрос о создании Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур стал предметом специального рассмотрения на встрече экспертов в Берлине (сентябрь 1975 г.). Эксперты выразили удовлетворение решением XVIII сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО о создании ассоциации и подчеркнули, что основной ее целью должно быть: а) содействие широкому международному сотрудничеству ученых разных стран в изучении культур славянских народов в системе мировой культуры; б) содействие распространению знаний о славянских культурах среди народов мира.

Ассоциация, не подменяя собой уже существующие объединения славистов, а напротив, тесно сотрудничая с ними, будет носить более широкий «культурологический» аспект, привлекая к сотрудничеству, во-первых, ученых и деятелей культуры, работающих в самых различных областях изучения и распространения славянских культур, а во-вторых, научную и культурную общественность, интересы которой лежат в сфере изучения взаимодействий между славянскими и неславянскими культурами и содействия расширению контактов между ними.

Уже сейчас установлены связи между славянским проектом ЮНЕСКО и Международным комитетом славистов, а также рядом национальных организаций. Успешно развиваются контакты с Международной ассоциацией по изучению Юго-Восточной Европы, получающей поддержку ЮНЕСКО. Представляется, что создание Ассоциации сыграет благоприятную роль при подготовке в будущем общеевропейского проекта ЮНЕСКО в области изучения культуры по образцу уже существующих африканского и латиноамериканского.

Л. СОФРОНОВА

ПОЛЬСКИЙ ТЕАТР ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ И НАРОДНАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Профессиональный театр на всех ступенях своего развития имеет множество соответствий с народным театром. Эти соответствия можно обнаружить в типе их художественной структуры и в характере общественного функционирования. Они могут быть обусловлены как генетически, так и типологически. На некоторых этапах истории театра наличие этих соответствий приводит к довольно сильному сходству этих двух видов театрального искусства. Деятели профессионального театра могут добиваться его сознательно. Число этих соответствий иногда уменьшается, так как профессиональный театр основными объявляет иные художественные задачи, чем народный. Но все же народный и профессиональный театры постоянно сталкиваются и питают друг друга новыми художественными идеями.

Это взаимодействие заметно уже в литургической драме, где латинский текст разряжался вкраплениями на национальных языках, где в серьезное драматическое действие проникали элементы комического. Оно усиливается, когда драматическое искусство полностью переходит на народный язык; при этом влияние народных театральных традиций становится еще более явным. Оно ощущается в мистериях, религиозных диалогах, непременной частью которых становятся элементы народных игр, театрализованных обрядов, несущих с собой народную игровую стихию и полузабытую архаическую культуру смеха. Эти жанры религиозного театра, приобретая черты народного искусства, постепенно вошли в его фонд¹. Процесс взаимодействия продолжался и позднее, в школьном театре, религиозные и дидактические драмы которого разбивались интермедиями, построенными по принципам народной театральной поэтики. Он стал основополагающим в рыбалтовском театре, этом связующем звене народного и профессионального театров². Влияние народных театральных традиций продолжалось и в профессиональном театре XVIII, XIX, а также и XX вв.

Активную роль в этом взаимодействии театров отводят чаще театру народному. Утверждения, что профессиональное искусство сцены нечто позаимствовало из народного искусства, что эти заимствования непосредственно обусловили его развитие, можно встретить гораздо чаще, чем указания на обратные воздействия, хотя влияние профессионального театра на народный мы можем обнаружить в чешских «соседских» пьесах, в рус-

¹ M. Schreiber. Z dziejów dawnego dramatu Niemiec i Polski. «Pamiętnik Literacki», 1905, № 2.

² В. В. Мочалова. Рыбалтовская комедия в истории польской драмы первой четверти XVII века. «Советское славяноведение», 1973, № 5.

ских народных драмах «Царь Максимилиан», «Лодка», в польской рыбалтовской комедии. «Проблема сосуществования и взаимовлияния фольклора и литературы не может быть решена с помощью упрощенной формулы, объявляющей фольклор прогрессивным и народным, а в литературе усматривающей противоположные качества»³.

Имея в виду, что народный и профессиональный театры находятся в живом взаимодействии, а не в субъектно-объектных отношениях, где постоянным объектом является профессиональный театр, обратимся к анализу соответствий профессионального театра — народному на том отрезке его развития, когда наличие этих соответствий не было имплицировано в художественной программе профессионального театра. Имеется в виду театр эпохи Просвещения. Соответствие этих театров не усматривалось и многими исследователями. Например, Ю. Леваньский в предисловии к антологии «Старопольских драм» пишет, что театр Просвещения не был связан с народным театром в отличие от театра романтиков⁴.

На первый взгляд, просветительский театр, действительно, имеет мало общего с народным театром. Это театр преимущественно дидактического характера с сильно развитой социальной и политической функцией, близкий по своим общественным задачам публицистике, театр, который именовали политической трибуной Польши. Его репертуар во многом состоял из переводных — французских, итальянских и немецких — пьес, или пьес, адаптированных к польским условиям. Собственно польские пьесы составляли меньшую часть его репертуара, и, хотя их художественным материалом служила польская действительность, по своей форме они мало отличались от европейских образцов. И на первом этапе развития просветительского театра, когда основное место на сцене занимают комедии Ф. Богомольца, и позднее, когда в национальном театре ведущее место займет творчество В. Богуславского, Ф. Заблоцкого, театральные герои спорили по актуальным вопросам современности: о королевской власти, о *liberum veto*, о значении образования и женской эмансипации, о новых идеях французской философии. Они касались проблем борьбы иностранного и национального начал в польской жизни, крестьянского вопроса. В этих дискуссиях блистали знанием риторики и ораторского искусства решительно все участники комической интриги, включая слуг, постоянных носителей комического начала, чередующих ловкие проделки с выступлениями на темы о новом семейном укладе, о Варшаве и провинции, о новостях заграничной жизни. Герои в основном действовали словом; сценических действий было немного. Слово было основным орудием дидактики и главным средством создания комического начала. Комические положения встречаются в просветительской комедии гораздо реже. Казалось бы, что актуальное политическое и общественное содержание, преподававшееся в соответствии с образцами европейской драматургии, не оставляло места для соответствий народному театральному искусству. Но на самом деле эти соответствия в художественной ткани просветительского театра были. Они органично входили в польскую комедию XVIII в. и связывали ее тем самым с народной культурой. Подавляющее большинство соответствий относится к области создания комического эффекта.

Часть этих соответствий была вызвана общими принципами организации театра. И тот и другой театр стремился к массовости. Массовость народного театра — это основа его бытия. Массовость театра эпохи Просвещения — необходимое условие его существования.

³ Ф. В о л л м а п. Взаимоотношения литературы и фольклора в XVIII веке и их роль в развитии русской культуры. В кн. Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.— Л., 1966, стр. 17.

⁴ J. L e w a ń s k i. *Dramaty staropolskie*, t. I. Warszawa, 1959, s. 8.

Соответствия народной и профессиональной сцен в этом случае имеют типологический характер и свидетельствуют об общности художественных структур этих театров, о преемственности традиций в польском театральном искусстве. Стремясь быть доступным широким слоям зрителей, театр эпохи Просвещения приобрел многие важные черты, роднящие его с народным театром. Сходны в этих театрах отношения актера и публики, сцены и зрительного зала, входящие в область важнейшей триады: автор — произведение — воспринимающий (зритель). Выработывая эти черты, просветительский театр во многом использовал опыт народных представлений через посредство школьной сцены, донесшей до конца XVIII в. фольклорные мотивы и сценические приемы. Соответствия народной и профессиональной сцен конца XVIII в. в данном случае — это совпадение средств, используемых для достижения общей цели — создания доступного театра.

И в том и в другом театре автор-драматург вступал в непосредственные отношения с публикой (через актеров), как бы минуя текст драматического произведения. Эта черта нарушала замкнутость представления, его сценическую условность; при этом преследовались различные цели. В народном театре разрушение сценической реальности подчеркивало игровое начало в пьесе, его связь со смеховой культурой. Комическое начало, таким образом, доминировало, служило подосновой спектакля. Кроме того, так в спектакль вовлекался зритель. Из пассивного наблюдателя он превращался в активного соучастника театрального действия. Так стиралась грань между зрителем и актером⁵. Структура народного спектакля предполагала не только нарушение рамп, или, точнее, границ сценического пространства, предназначенного для представления, но и нарушение границ между местом действия и местом постановки, между временем действия и временем постановки⁶. Практически отношения автора и зрителей осуществлялись за счет непосредственных обращений к зрительному залу актеров, которые на краткие отрезки времени как бы выходили из своей роли, чтобы привлечь внимание публики к происходящему, развеять ее, вовлечь в спектакль. Примеры можно обнаружить в таких народных интермедиях, как «Солтыс и Клирук», «Комедия о Вавжке», «Путешествие в Кишков», и во многих других.

В Национальном театре нарушение сценической условности, взаимодействие актеров со зрительным залом также служило усилению комического эффекта. Неслучайно наибольшее число обращений к зрительному залу мы находим в комических сценах. Обычно они бывают такого типа, как в пьесе Ф. Орачевского «Развлечения, или Жизнь без цели», где слуга, обманувший горничную, удовлетворенно сообщает зрителям: «Удалось!», предлагая им тем самым порадоваться его успеху. Зрители вместе с театральными героями смеялись над их удачными проделками. Кроме того, в Национальном театре взаимодействие актера и зрителя имело и информативную функцию. Часто в монологах героев Просвещения, адресованных публике, просто повествуется о событиях, происходящих за сценой, о решениях и намерениях героев пьесы. В комедии Ф. Заблоцкого «Примиренные супруги» из монолога Сечеха публика узнает о решении графа, важном для развития драматического конфликта, не уезжать из деревни. Обращения к публике содержали оценку поведения героев и событий, происходящих на сцене. Например, в упомянутой пьесе Ф. Орачевского «Развлечения, или Жизнь без цели» Ревизорович, обращаясь к

⁵ П. Г. Богатырев. Народный театр чехов и словаков. Вопросы теории народного искусства. М., 1971, стр. 13—165.

⁶ P. Lewin. Relacje między sceną i widownią w polskim teatrze intermedialnym XVI—XVIII w. In: Kultura i literatura dawnej Polski. Warszawa, 1967, s. 369—414.

публике, комментирует реплику отрицательной героини комедии Чесьниковой: «А она, видимо, думает, что это о ней говорят...»

Обращениями к публике были и многочисленные вокальные номера, входившие в просветительскую комедию. Часто в их иносказательной форме заключалось актуальное содержание, как, например, в песнях пьесы В. Богуславского «Краковяне и горцы».

Особым видом взаимодействия актера и зрителя являются монологи-самопредставления, которые широко применялись в народном и совизажальском театре, в школьной драматургии («Старик и смерть», «Масленица», «Тимон-мизантроп»). Часто этот прием мы встречаем и в просветительских комедиях, например, он используется в построении комедий Ф. Заблоцкого («Суеверный»).

Взаимодействие актера со зрителем усиливало дидактическую функцию театра Просвещения, помогало донести смысл спектакля, а следовательно, и увеличивало его коммуникативность.

Сближение создателя художественного произведения, в данном случае актера, и его потребителя, т. е. зрителя, ведет еще к одному очень важному соответствию между типами спектакля в театре Просвещения и в народном театре. Способ ведения действия в народном театре часто предполагает совмещение точек зрения на происходящее у зрителя и одного из героев пьесы. Зрителя как бы вовлекают в драматический конфликт. Этот прием в народном театре объясняется отчасти и тем, что зритель обычно заранее знает репертуар и приблизительно даже текст произведения, знаком с техникой исполнения, в результате чего эстетические переживания зрителя и актеров становятся сходными. Например, в интермедии XVII в. «Плут, Мазур и Русин» Плут посвящает публику в свои коварные замыслы, прежде чем на сцене появятся Мазур и Русин. Они ничего не подозревают о его намерениях, и их неведение усиливает комический эффект происходящего на сцене. Этот же прием используется и на сцене Национального театра: в пьесе Ф. Заблоцкого «Суеверный» Дамон с женой Мелиссой и слугами, Филатовичем и Регинкой, разыгрывают суеверного Ансельма, заранее планируя интригу на глазах у зрителей. В результате зрители следят за комедией в комедии, вместе с героями принимая участие в мистификациях главного персонажа. Комический эффект усиливается ожиданием смешного.

Рассматривая соответствия в общих принципах организации спектакля, мы обнаруживаем, что большинство их лежит в области создания комического эффекта. Развлекательной цели подчинены и другие элементы театрального спектакля эпохи Просвещения, соответствующие элементам народного спектакля. Во многих фольклорных жанрах (в том числе и в театре) всякое эстетическое воздействие, включая и создание комического эффекта, преимущественно происходит на уровне слова⁷. Языковой комизм — важнейшая черта народного театра. Среди его приемов выделяются модификация, деформация элементов языка и своеобразное использование обычных языковых средств⁸. К первой группе относятся заумная речь, жаргонная лексика, метатезы. Ко второй — метафора и ее сценическая реализация, оксюморон, употребление омонимов. Герои народного, а вслед за ним и рыбалтовского, и школьного театров, постоянно смешивали публику своей речью. Она может быть заумной, жаргонной, как в интермедии «Матьсь и Ктось идут с поминок», как в интермедиях «Сцилурса» Я. Юрковского. В таком случае все отклонения от принятых языковых норм способствуют нарушению связи между актером и зрителем,

⁷ Б. Н и ч е в. К проблеме о жанрах в литературе и фольклоре. In: *Poetyka i stylistyka słowiańska*. Wrocław, 1973, s. 28.

⁸ D. B u t t l e r. *Polski dowcip językowy*. Warszawa, 1968, s. 49—50.

усложняют процесс информации. Речь героев может смешить своей не-правильностью, например, у таких интермедийных героев, как цыган, литвин, русин, которые на сцене всегда говорят с акцентом. Она производит комический эффект употреблением неверно понятых, деформированных слов (*scena — stena, komedzija — kołodzieja*), употреблением диалектных форм. Многие герои говорят «z ruska», «po białorusku na modłę litewską». В речи комических героев народного театра постоянно используется полисемия, их диалоги пересыпаны оксюморонами и омонимами. Часто комический эффект создавался реализацией, конкретизацией любых переносных значений, переводом их на язык сценического действия, как в одной из интермедий Оршанского кодекса, где дьяволы в буквальном смысле слова сеют раздоры, как в интермедии «*Chłopiec z rejestru*», в интермедии Д. Рудницкого «*Litterae illiteratum*»⁹.

Все эти комические языковые приемы используются и в просветительских комедиях. Они есть и в первой комедии, поставленной на сцене Национального театра, в «Навязчивых» Ю. Беляевского, в комедиях Ф. Богомольца, Ф. Заблоцкого. Они применяются и авторами комедий нравов и мещанских драм. На сцене Национального театра появлялись героикрестьяне, чья речь имела черты мазурения («Добрый барин», «Монитор» Ф. Богомольца). В первой политической комедии театра Просвещения «Возвращение депутата» Ю. У. Немцевича (пятая сцена второго акта) Казак, слуга вертопраха Шарманцкого, изъясняется «по-русски». В «Краківянах и горцах» В. Богуславского широко применяются диалектизмы различного происхождения: для речи героев пьесы характерны и черты мазурения и черты, типичные для говоров Малой и Великой Польши¹⁰. Постоянное употребление на просветительской сцене диалектных черт языка говорит о том, что оно было сознательным художественным приемом, служащим воспроизведению народной жизни на сцене. Созданию комического эффекта служит макароническая речь Антицкого в комедии «Кофе» (автор не установлен): «*Serce moje jest to thronus, na którym waszećmościcę ranna jako absolutam dominam zasadzam...*» В «Люблинском докторе» Ф. Заблоцкого Грек говорит на испорченном польском языке.

Очень часто на сцене Национального театра использовались такие языковые комические приемы, как омонимы или реализация метафоры. В «Познаньском бургомистре» в первой сцене четвертого действия, которая, кстати, носит интермедийный характер, все шутки писаря вращаются вокруг возможности повесить другого комического героя, Доннерветтера. В комедии Ф. Орачевского «Развлечения, или Жизнь без цели» (вторая сцена первого акта) в диалоге камердинера и горничной обыгрываются различные значения слова «история»: горничная употребляет его в значении «скандал», камердинер — в значении «старинный рассказ».

В просветительских комедиях есть типичные для народного и школьного театров пародии на ученые диспуты. На таких пародиях бывают основаны целые интермедии, как, например, «Литератор, Простак и Самохвальский»¹¹, или ученый спор Франтовича и Рецепты в «Суеверном» Ф. Заблоцкого.

В народных комических сценах многочисленны физические действия: драки, потасовки, элементы пантомимы, динамизирующие их несложные

⁹ R. Pollak. O intermediach Rudnickiego. «Pamiętnik Teatralny», 1960, z. 3—4, s. 439.

¹⁰ W. Taszucki. Język ludowy w «Kracowiakach i góralach» W. Bogusławskiego. «Pamiętnik Literacki», 1951, z. 2, s. 419—429.

¹¹ P. Lewin. O intermedjach tak zwanych białoruskich. «Slavia Orientalis», 1963, z. 3, s. 309.

сюжетные ситуации. Это явление можно обнаружить и на просветительской сцене. Стремясь давать уроки общественного воспитания, одновременно развлекаая публику, комедиографы обращались и к этим примитивным способам создания комического эффекта. Так, в комедии Ф. Богомольца «Пьяницы» на подмостках действуют пьяные герои, на чьих выходках строится целая сцена; в этой же пьесе показана драка. В упоминавшейся комедии Ф. Заблоцкого «Суеверный» слуга Филутович, чтобы успеть поразмыслить над предложениями своего господина, притворяется пьяным. Вспомним популярный сюжет, наиболее известный по пьесе П. Барыки «Мужик-король», где интрига строится на состоянии опьянения главного героя. Он использован также в интермедии «Ludus Fortunae», в пьесе Я. Гулевича «Мужик-князь». В «Суеверном» главного героя Ансельма уверяют в том, что он тяжело болен и близок к смерти. В интермедии «Пьяный Бигос себя покинул» этот мотив доведен до логического завершения: герой верит в свою собственную смерть. В анонимной комедии «Кофе» один из героев появляется с наклеенным носом, изображая инстингатора. В одной из комедий Ф. Заблоцкого есть ремарка «убегает по-совизжальски»¹².

Носителями комического начала, проводниками влияния народного театра на профессиональную сцену являются персонажи-слуги, обязательные участники комедии Просвещения. Они обладают информативной функцией резонеров, наряду с этим имеют и функцию комическую: выступают в роли трикстеров, дублируя основной конфликт драмы. Именно они — основные носители языкового комизма, они попадают в наиболее смешные положения на сцене.

Приемы создания комического сближают пьесы Национального театра с народным не только на уровне языка, но и на уровне композиции. Уже не раз отмечалось, что некоторые сцены этих комедий близки народным интермедиям.

Известно, что драматурги строили комедии, опираясь на опыт народного театра. Иногда об этом свидетельствуют даже названия пьес. Так, Ф. Заблоцкий свою комедию «Летающая таратайка» назвал «весело-слезно-совизжальской драмой». Очевидно, что просветительская комедия не полностью повторяет сюжетную структуру народной интермедии с ее размытостью действия и статичностью отношений героев, где основной эстетический смысл несут их отдельные высказывания и действия, мало связанные друг с другом, где комическому началу, смеху отводилось доминирующее по сравнению с сюжетной структурой положение. Драматурги-просветители подражают народной комедии в отдельных сценических ситуациях, вписывают интермедийные элементы в более развитую и сложную структуру сценического действия.

К народной интермедии обратился Ю. Белявский в «Навязчивых». Интермедийные приемы есть в адаптациях Т. Липского комедий Гольдони. Они вошли в ранние комедии Ф. Богомольца, где отдельные сцены превратились в подлинные интермедии. Так, в комедии «Монитор» первая и вторая сцены имеют сходство с антипрологом школьной драмы, который всегда являлся самостоятельной интермедией. Герои этих сцен не принимают участия в основном действии, и подобно интермедийным героям навсегда исчезают со сцены, окончив свою сюжетную ситуацию.

Интермедийный характер носят отдельные сцены комедии нравов. В пьесе Ф. Орачевского «Развлечения, или Жизнь без цели» сцена слуг является по сути дела интермедией. Они беседуют о воспитании и образо-

¹² Интересно отметить, что пьеса Т. Корнеля в переводе Ф. Заблоцкого называлась «Совизжал, или Рыцарь по случаю».

вании, повторяя основные темы пьесы, обсуждаемые главными героями. Камердинер Михал жил недалеко от школы, что и позволяет ему считать себя образованным человеком. Чтобы не выдать своей неграмотности, он под разными предлогами отказывается читать вслух.

Связь с народным комическим началом можно обнаружить и в варшавской комедии нравов «Око за око» Г. Бронишевского. Здесь, во-первых, повторяется комическая ситуация пьесы Ф. Орачевского (вторая сцена второго акта). Слуга Звротницкий на предложение горничной Ануси почитать по-французски говорит, что, падая с копя, растерял все буквы и в темноте не смог их найти — объяснение, достойное любого интермедийного героя. Неграмотный, пытающийся читать, — типичная комическая фигура народного (см. интермедию «Сын, учитель, отец»), а также школьного театра («Перевернутый мир» Д. Персесовича). В той же пьесе Г. Бронишевского подлинно интермедийный характер имеет седьмая сцена второго акта. Крестьянская пара приходит к господам уладить свои семейные дела. Вся сценка (их ссора при господах) служит параллелью основной интриге комедии — ссоре супругов, ищущих пути к примирению. Их конфликт дан в сниженных, комических тонах. Речь крестьян носит диалектные черты, имеет явные следы мазурения. Характер интермедии имеют и отдельные сцены мещанской драмы. В «Познаньском бургомистре» Я. Бодуэна первая и четвертая сцены второго акта представляют собой интермедии, в которых участвуют слуги, только комментирующие основное действие и не принимающие в нем участия.

Говоря об отношении Национального театра к народному, мы не можем обойти и более общего вопроса: об отношении этого театра к народному творчеству в целом. Воспроизводя местный колорит, адаптируя иностранные пьесы к польским условиям, создавая свои собственные драматические произведения, польские драматурги обращались не только к наследию народного театра. Не раз в их поле зрения попадали другие фольклорные жанры. В просветительской комедии использовались национальные мотивы, почерпнутые из лирических народных песен, из обрядов, из прозаических жанров, что способствовало ее своеобразию, особенно в сочетании с социальной и дидактической программой, выраженной в риторических монологах условных фигур.

Наиболее ярким примером вхождения фольклора в просветительскую комедию является, конечно, пьеса «Краковяне и горцы» В. Богуславского. Она была кульминационным пунктом в творчестве выдающегося драматурга эпохи Просвещения, крупнейшего театрального деятеля. Его попытки создать действительно доступную комедию, которая в то же время не была бы примитивной, построенной по уже надоевшим канонам, комедию, которая нашла бы отклик среди польских зрителей, — увенчалась успехом. Именно такой комедией стала пьеса «Краковяне и горцы». В. Богуславский сумел найти равновесие между этнографической, локальной и идейной сторонами пьесы, сумел столь исчерпывающе выразить актуальные проблемы современности, что комедия долго оставалась одной из наиболее злободневных в польском театре. Ее неоднократно переосмыслили и прочитывали по-новому, в современном ключе на рубеже XVIII—XIX вв. Пьеса имела сильные отклики не только во время костюшковского восстания, но и во время наполеоновских войн, во время восстания 1830 г.¹³ В художественном облике комедии немало элементов подлинного фольклора, так как, когда В. Богуславскому «пришла мысль показать веселых и отчаянных краковян, которые с песней возделывают зем-

¹³ T. Mikulski. Piosenka z «Krakowiaków i górali». «Pamiętnik Teatralny», 1954, z. 3—4, s. 206.

лю, и с песней сражаются за нее»¹⁴, он не мог не обратиться к хорошо знакомым ему мотивам народного творчества. Своей задачей он считал «живописать их обычаи, чувства, мысли, развлечения»¹⁵, и сам утверждал, что в этом ему помогли воспоминания молодости, проведенной в Кракове. Ему удалось ввести на сцену подлинную, не условную, польскую деревню, лишенную черт пасторальности.

Связь пьесы «Краковяне и горцы» с польским фольклором подробно анализирует Ч. Хернас¹⁶. Он утверждает, что в пьесе можно обнаружить мотивы, хорошо известные по творчеству рыбалтов. Бардос — это такой же веселый бродячий студент, как его собратья в комедиях XVII в., которые за хлеб и колбасу развлекали деревенскую публику веселыми песнями попеременно с религиозными песнопениями. Его фигура — не анахронизм в конце XVIII в. Рыбалтовские традиции еще жили в любительском творчестве краковских яков второй половины XVIII в.

Отдельные сценические ситуации комедии В. Богуславского заставляют вспомнить традиционные фольклорные формулы. Появление горцев во втором акте ассоциируется с народными колядами и пасторалями. Очевидно влияние на пьесу свадебного народного обряда. В пьесе многочисленны цитаты из народных песен, неоднократно издававшихся на протяжении XVIII в., которые Ч. Хернас удачно называет «фольклорной инкрустацией». Таковы фрагменты диалогов Йонка и Стаха, монолога Дороты. Имеет соответствия в песенном фольклоре конфликт Дороты и Стаха. Известная песня Бардоса о жестоком и переменчивом мире перекликается с популярной в то время песней «Сегодня мир идет вспять...», но имеет противоположное ей идейное звучание.

Говоря об этой комедии, мы с полным правом можем утверждать, что театр просветителей взаимодействовал с народным творчеством, так как отрывки этой комедии вошли в круг фольклора, стали частью городской песенной культуры XVIII—XIX вв., о чем свидетельствуют собрания польских фольклористов первой половины XIX в.¹⁷ Такова же судьба вокальных номеров другой пьесы В. Богуславского «Тачка торговца ук-сусом».

Обращение к народному творчеству, к песенному фольклору не было единичным явлением в польском театре XVIII в. Мотивы народных коляд, например, использовал Ф. Заблоцкий в комедии «Желтый колпак». Они встречаются также и в его комедии «Суеверный» и в комедии Ф. Богомольца «Пьяницы». Элементы городского фольклора проникли в комическую оперу Я. Бодуэна «Бочар». Не только Национальный театр видел в народном творчестве один из источников вдохновения. Интересные примеры влияния фольклора мы можем обнаружить в магнатском театре. В пьесе «Три свадьбы» Д. Князьнина, основного драматурга театра Чарторыхских в Пулавах, есть цитаты из краковяков, из народных украинских песен. Часто он использует народную метафорику и символику¹⁸. О фольклорных мотивах на магнатских сценах говорят и сохранившиеся документы театра Потоцких в Тульчине¹⁹.

Как один из элементов народной культуры на Национальной сцене отметим также вставные музыкальные и балетные номера, в которых были заняты актеры, выступавшие в национальных костюмах. Этот факт пред-

¹⁴ W. Bogusławski. Dzieje Teatru Narodowego. Warszawa, 1965, s. 76—77.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Cz. Hernas. Szkoła folkloru. «Pamiętnik Teatralny», 1966, s. 248—267.

¹⁷ St. Pietraszko. Wstęp do: W. Bogusławski. Cud mniemany czyli Krakowiacy i Górale. Wrocław, 1954, s. 32.

¹⁸ M. Klimowicz. Oświecenie. Warszawa, 1972, s. 284—285.

¹⁹ R. Sobol. Teatr Potockich w Tulczynie. «Pamiętnik Teatralny», 1966, s. 206.

ставляется очень важным, так как долгое время простолюдины появлялись на сцене в условной крестьянской одежде, пасторальных костюмах и папудрепных париках. Так, в популярной пьесе «Узнанный господин» изображался свадебный обряд в соответствии с обычаями краковского воеводства. Актеры выступали в народных костюмах. В популярном балете «Краковяке и казаки» (в постановке Куртца) актеры также были одеты в польские костюмы. По мере углубления национального содержания польского театра они появлялись и в комедии нравов и в мещанской драме. В «Инвентаре театрального гардероба» Национального театра есть указания на женские и мужские костюмы: перечислены польские жупаны, «краковские» контуши, «казацкие» куртки²⁰. В этих костюмах выходили на сцену актеры, имевшие специальное «польское» амплуа, — Я. Хемпшинский, К. Свежавский.

Итак, соответствия в театральной поэтике комедиографов эпохи Просвещения и народных драматургов не так уж велики. В первую очередь их наличие объясняется стремлением быть понятыми массовой публикой, создать доступный для нее репертуар, а также общим интересом к народному творчеству в конце XVIII в., правда, превышавшему интерес к историческим событиям, которые служили темами произведений фольклора. В какой-то мере эти соответствия — результат бессознательного следования профессиональных драматургов национальным традициям, схождения в решении общественных задач театра. Здесь следует отметить еще одно важное типологическое соответствие рассматриваемых видов театров. Как пишет П. Г. Богатырев, в народном театре «эстетическая функция в иерархии функций стоит передко на втором плане и доминантной выступает одна из внеэстетических функций»²¹. То же самое явление наблюдается и на профессиональной сцене конца XVIII в. Национальный театр возник как проводник просветительских идей, как институт, которому были доверены важные общественные задачи: он был ареной идеологической борьбы, давал уроки общественного и социального воспитания. Эстетическое кредо драматургов-просветителей было подчинено их политическим задачам, поэтому в просветительских комедиях над эстетической функцией зачастую доминировала дидактическая или политическая. Примерами могут служить и ранние комедии Ф. Богомольца и политические комедии Ю. У. Немцевича, Ю. Выбицкого.

Несмотря на то что точек соприкосновения народного и просветительского театров не так уж много, они достойны выявления и описания. Занимаясь этим, мы постоянно имеем в виду, что просветительский театр менее «театрален», что многие сценические средства, хорошо известные народному театру, ушли из его обихода. Его драматурги часто соблюдали классические три единства. В их пьесах игровое начало было вытеснено риторикой. Но все же традиции, идущие из глубины веков, в измененном виде продолжали существовать на Национальной сцене. Традиции народной театральной культуры не были прерваны и не исчезли одновременно с театром рыбалтов. Какие-то ее элементы, как мы пытались показать, сохранились в конце XVIII в. с тем, чтобы продолжать свое существование в трансформированном виде и в XIX в. Эти традиции поддерживались также другими фольклорными мотивами, к которым обращались драматурги-просветители.

Будучи преимущественно театром комедии (Национальный театр почти не знал жанра трагедии), просветительский театр соответственно обратился к комическому театральному жанру и, преломляя его, продолжил

²⁰ St. M r o z i ń s k a. Garderoba teatralna Stanisława Augusta. «Pamiętnik Teatralny», 1960, z. 3—4, s. 103.

²¹ П. Г. Б о г а т ы р е в. Там же, стр. 31.

это направление народного театрального искусства. Вне поля зрения драматургов-просветителей осталось направление серьезное, трагическое — мистерии, религиозные диалоги. Но позднее и они не остались без внимания со стороны профессионального театра, использовавшего все возможности, которые предоставляла народная театральная культура. К мистериям, религиозным диалогам обратились в XIX в. романтики. Художественная программа романтизма в области театра имела важные соответствия с народным театром. Их всерьез интересовал кукольный театр: «шопка», вертеп²². Известно отношение А. Мицкевича к народному театру, его увлечение «яселками». Очевидна роль народных театральных форм в становлении театральной концепции Ю. Словацкого. Отношение романтиков к народному театральному искусству не было связано лишь с этнографическим интересом, с поисками средств воздействия на публику только в целях большей доступности. Романтики стремились почерпнуть творческий опыт в отечественной культуре. Подобные тенденции наблюдаются в современном польском театре, о чем свидетельствует постоянное возобновление лучших достижений народной драматургии на польской сцене, опыты современных драматургов (Э. Брыль).

²² В. Е. Гусев. Романтизм в Польше и кукольный театр славянских народов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Варшава, 1973, стр. 307—329.

Л. А. ГИНДИН, И. А. КАЛУЖСКАЯ

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКИХ КАРПАТИЗМАХ СУБСТРАТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В последние два десятилетия изучение языков и диалектов карпатского ареала, включая так называемое карпато-дунайское пространство, продвинулось настолько существенно, что возникла необходимость вычленения особой научной дисциплины — карпатского языкознания — со своим специфическим предметом исследования и методикой, во многом идентичной методике, давно применяемой в балканистике. Теоретические основы этой новой области знания планомерно осмыслены в серии работ С. Б. Бернштейна¹. Следует специально отметить наблюдаемую в последнее время эволюцию во взглядах на условия, порождающие типологически сходные процессы в языках карпатского и балканского регионов: ученые склонны в данном случае все в меньшей мере опираться на теорию субстрата, обращаясь к более емкому понятию языковой интерференции, объективнее и конкретнее вскрывающей механику возникновения грамматических и лексических тождеств в неродственных языках относительно замкнутых ареалов. И действительно, подобно языкам «балканского языкового союза», генетически различные языки карпатского ареала (славянские, романские, угро-финские) развили ряд общих явлений, которые находят удовлетворительное объяснение именно в рамках феномена языковой и этнической интерференции, вызванной своеобразием историко-культурных и географических условий данного региона.

Однако, если в плане синхронного исследования карпатизмов, в подавляющем числе лексических, сделано достаточно, чтобы приступить к систематическим исследованиям, например, к составлению Общекарпатского диалектологического атласа (основная методика: выявление слов, восходящих к одному из языков, причастных карпатскому ареалу и встречающихся в ряде или даже во всех языках этого ареала с тождественной семантикой, зачастую специфически суженной), то в диахроническом отношении достигнуто несравненно меньше. При этом то немногое, что сделано, нуждается в самой тщательной проверке с этимологической точки зрения, включая исторический и особенно важный в данном случае лингво-географический аспект. В то же время современные этимологические исследования, как и изучение процессов интерференции, нуждаются в свою очередь в более или менее четком представлении об этно-лингвистической

¹ Из последних работ см. С. Б. Бернштейн. Интерференция языков карпатского ареала. «III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы. Бухарест, 4—10 сентября 1974 г. Доклады советской делегации». М., 1974; е г о ж е. Проблемы интерференции языков карпато-дунайского ареала в свете данных сравнительной диалектологии. В кн. Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. М., 1973, стр. 25 и сл. и другие работы.

ситуации на различных хронологических срезах. Необходимо учитывать, что процессы лингво-этнической интерференции в карпато-дунайском пространстве осуществляются в полуторатысячелетнем временном пласте, поскольку типологически экстралингвистическая ситуация здесь не менялась: ее характерные черты — миксогlossия и этническая чересполосица наблюдались в этом ареале всегда (ср., например, данные Птолемея, Иордана, Прокопия Кесарийского и других античных и византийских авторов). Более того, по мере нашего углубления в предшествующие периоды сложность этно-лингвистической картины значительно возрастает как в количественном, так и в конфигурационном отношении, ибо каждый отдельно взятый период является плоскостью проекции всех предшествующих. Но, к сожалению, в диахронической этнологии данного района нас ожидает больше вопросов, чем ответов. Однако уже сейчас определенно можно сказать, что когда носители славянской, как, впрочем, еще ранее романской речи, появились на территории между отрогами Карпат и Дунаем, они наслоились на этно-лингвистический субстрат, состоящий из даков, иллирийцев, кельтов и германцев, претерпевших различную степень романизации и предшествующих дороманских и дославянских этнических смешений. Между тем один из этнологических вопросов требует неотложного и конкретного разрешения: каким временем датируется *р а с с е л е н и е* (не появление!) славян на левобережье Дуная, включая Трансильванию? Вопрос этот может быть решен с привлечением целого комплекса данных: историко-филологических, археологических и чисто лингвистических, особенно топонимических; в частности, необходима новая *ф и л о л о г и ч е с к а я* ревизия сообщений византийских авторов и консультация беспристрастных археологов, достаточно бережно обращающихся с лингвистическими данными.

Пока же беглый просмотр исторических источников и некоторые другие соображения позволяют предположить, что пространство по левому берегу Дуная от впадения Савы до устья (античный Истр) подверглось последовательной славянской *к о л о н и з а ц и и* по крайней мере за несколько десятилетий до датировки известных свидетельств Прокопия Кесарийского и Иордана (первым упоминанием славян в связи с их набегами на территорию Иллирии и всей Фракии принято считать 527 год, когда начал править Юстиниан — *Proc. Hist. arc.* XVIII, 20). Необходимо заметить, что наряду с сплошным заселением процесс колонизации только и допустимо принимать во внимание при исследовании лингво-этнических субстратно-адстратных отношений в названном районе. К этому же периоду, видимо, следует отнести и начало славяно-дакийских отношений в рамках языковой и этнической интерференции. При этом следует учесть, что в центральных и восточных областях карпато-дунайско-днестровского пространства славяне столкнулись главным образом с романизированными в различной степени даками и гетами. Кстати, есть все основания утверждать, что гидронимы *Дунай*, *Днестр* и даже *Днепр* славяне получили непосредственно от даков (о первом см. Вл. Георгиев²; о втором и третьем — О. Н. Трубочев³, у последнего — и о ярких восточно-балканско-южнобугско-среднеднепровских гидронимических связях). Однако это отнюдь не значит, что в течение бурных веков раннего средневековья романизированные даки — будущее этническое ядро восточно-романского населения — не могли в качестве обратного направленных миграционных

² Вл. Георгиев. Дунай, Дунав, Dunăre. *Studia linguistica in honorem T. Lehr-Splawiński*. Warszawa, 1963, s. 87. е г о ж е. Пращлавянский и индоевропейский языки. «Славянска филология», III, София, 1963, стр. 7 и сл.

³ О. Н. Трубочев. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, стр. 216 и сл.

волн расселяться в уже славянизированных территориях собственно Карпат (центральных и восточных). Правомерность последней гипотезы зависит целиком от результатов широко поставленных этимолого-топонимических исследований, контаминированных с данными археологии и истории. Думается, что высказанные соображения дают основания заранее предположить, что некоторые языковые явления из разряда карпатизмов, во всяком случае лексических, не находящие объяснения в современных языках, сопричастных Карпатам, могут восходить к древним языкам карпато-дунайского пространства дороманского периода. К их числу с известной долей определенности можно отнести слова предположительно дакийского происхождения в румынском языке (главный критерий их выделения — наличие соответствия в албанском), распространенные также в других языках карпатского ареала. Их предварительный список приведен ниже⁴:

рум. *baci* «старший пастух, занимающийся приготовлением брынзы» — алб. *baç* «то же»; ср. польск. *baca, bacza* «то же»; слвц. *bača* «старший пастух»; чешск., мор. *bača, báča* «то же».

рум. *baligă* (вар. *balegă*) «павоз» — алб. *bajgë* «то же»; ср. укр. *balega, belega, balyga* «то же»; венг. *gāliba* «то же».

рум. *baltă* «болото, трясына; озеро; лужа» — алб. *baltë* «ил, тина, грязь; болото, трясына»; ср. укр. *balta* «болото, трясына; грязь»; сас. *bälte* «пруд, лужа».

рум. *barz* (вар. *bardz*) «серый, седой; черный с белыми пятнами (о птицах, животных)» — алб. *i bardh* «белый»; ср. укр. *barziu, barza* «овца с белой грудью»; венг. диал. *bărza* «вид козы».

рум. *brustur* (вар. *brusture*) «репейник, лопух» — алб. *brushullë* «то же»; ср. укр. *бростур, бростуре* «то же»; венг. *brusztuj, brustur* «то же».

рум. *buză* «губа; край сосуда; острое режущего инструмента» — алб. *buzë* «губа; край сосуда; берег; борт лодки»; ср. укр. *buz'a* «губа»; сас. *buze* «толстые губы»; венг. *buza* «верхняя губа».

рум. *cărușă* «овечий клещ; клещевина (раст.); почка виноградной лозы» — алб. *këpushë* «овечий клещ»; ср. укр. *кариш* «клещ».

рум. *copil* «ребенок; незаконнорожденный ребенок» — алб. *kopil* «слуга, юноша»; ср. укр. *копыл* «незаконнорожденный ребенок»; слвц., мор. *kopil* «то же».

рум. *gard* «ограда, забор; плетешный загон для ловли рыбы» — алб. *gardh* «ограда; преграда, заграждение»; ср. укр. *gard, hard* «загон из камней для ловли рыбы»; венг. *gárgya, gárd, kárgya* «забор».

рум. *groapă* «яма; могила; погреб» — алб. *gropë* «яма, могила»; ср. укр. (топ.) *Grópa*, польск. *grapa, drapa* «откос, крутой склон»; слвц. *grapa* «каменистое поле; склон, откос»; чеш., мор. *grapa f., grap m.* «склон, откос»;

⁴ Привлекаемый в качестве примеров материал извлечен из работ: D. Crânjală. Rumunské vlivy v Karpatech se zvláštním zřetelém k Moravskému Valašsku. Praha, 1938; «Dicționarul limbii române moderne». București, 1958; N. D r ä g a n u. Români în veacurile IX—XIV pe baza toponimiei și onomasticeii. București, 1933 (Academia Română, Studii și cercetări, XXI); V. M a c h e k. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957; K. N i t s c h, M. M a ľ e c k í. Atlas jazykový polského Podkarpacia. Kraków, 1934; S. Nižă-Armaș și alt. L'influence roumaine sur le lexique des langues slaves. «Romanoslavica», XVI. București, 1968; A. R o s e t t i. Istoria limbii române, II, IV—VI. București, 1962, 1966; I. I. R u s s u. Elemente autohtone în limba română. București, 1970; D. S c h e l u d k o. Rumänische Elemente im Ukrainischen. «Balkan-Archiv», II. Leipzig, 1926; «Slovník slovenského jazyka», I—V. Bratislava, 1959—1965; «Slovník spisovného jazyka českého», I—II. Praha, 1960—1964; E. V r a b i e. Influența limbii române asupra limbii ucrainene. «Romanoslavica», XIV. București, 1967; I. Ш а р о в о л ь с ь к и й. Румынські зашочнені слова в українській мові. «Збірник заходознавства». Київ, 1929.

Приняты в тексте сокращения: алб.— албанский, венг.— венгерский, мор.— моравский, польск.— польский, рум.— румынский, сас.— сасский (немецкий диалект на территории Румынии), слвц.— словацкий, укр.— украинский, чеш.— чешский.

рум. *grunz* «ком, глыба» — алб. *krunde* «отруби»; ср. укр. *kryndziovati* «узловатый».

рум. *guşă* «зоб; второй подбородок» — алб. *gushë* «шея, горло; зоб»; ср. укр. *guša* «шишка»; венг. *gusa* «зоб»; сас. *gusche* «то же».

рум. *măgură* «холм, курган» — алб. *magullë* «то же»; ср. укр. *mahura* «высокий холм»; польск. *magura* «гора, холм»; слвц. *magura* «холм»; мор. *magura* «то же».

рум. *moş* «старик, дед» — алб. *moç, mosh* «старик»; ср. укр. *mušija* «то же»; венг. *mósuj* «то же»; сас. *mosch* «старик, дед».

рум. *murg* «каштановый, темно-коричневый, гнедой (о лошадях)» — алб. *murg* «черный, темный»; ср. укр. *meregij, mur(u)gij* «коричневый»; польск. *murga, murgaty* «бык с черными пятнами; кличка собаки»; слвц. *murgaňa* «белый баран с черными пятнами»; мор. *murgaňa, murgaša* «белая овца с черными пятнами»; венг. диал. *murg* «темно-коричневый», *murga* «гнедая лошадь»; сас. *muğë* «то же».

рум. *păstaie* «стручок» — алб. *bishtaje, pishtaie* «то же»; ср. укр. *pastaiia* «*lunaria rediviva*»; венг. диал. *paszté* «зеленая фасоль».

рум. *rînză* (вар. *rîndză*) «желудок» — алб. *rëndës* «сычуг»; ср. укр. *ryndz'a, ryndzka, ryndzák* «желудок теленка»; польск. *ryndza* «желудок коровы»; слвц. *ryndza, rynecka, rincka, rinzga* «желудок теленка; сычуг».

рум. *scrum* «щепел» — алб. *shkrumb* «нечто обуглившееся, обожженное»; ср. укр. *škrum* «сажа, копоть», *zaškrumiti* «покрыться струпьями»; сас. *skrum* «сажа, копоть».

рум. *spînz* (вар. *spîns, spînş, spîndz, spînji*) «чмеричник (раст.)» — алб. *shpendër* «то же»; ср. укр. *spyndz* «то же»; венг. *eszpendz* «то же».

рум. *strungă* «узкий проход, по которому овцы идут на дойку; загон для овец; ущелье» — алб. *shtrungë* «проход, по которому овцы идут на дойку»; ср. укр. *strunga* «то же»; польск. *strąga, stroga, strenga* «то же»; слвц. *strunga* «небольшой загон в стойле для дойки»; мор. *strunga* «отверстие в ограде, окружающей загон для дойки овец»; венг. *szunga, eszunga* и пр.

рум. *şut* (вар. *ciut*) «безрогий; бесхвостый; корноухий» — алб. *shut* «безрогий»; ср. укр. *šutyi* «безрогий, с маленькими рогами», *šuta* «безрогая коза, корова»; польск. *szuty, szuta, «безрогий», siuta, siutka* «безрогая овца»; слвц. *čuty, šuty, čuta, šuta*, «безрогий баран»; мор. *šuty* «безрогий», венг. *suta, czuta* «безрогий»; сас. *tschut, tschutich, schutisch* «изуродованный».

рум. *şar* «козел» — алб. *şar, çar* «то же»; ср. укр. *çar* «то же»; польск. *çar* «то же»; слвц. *çar* «то же», мор. *çar* «то же»; венг. *çar, çaf* «козел; кастрированный баран»; сас. *tsâr* «козел».

рум. *şark* «загон, стойло для скота; ограда» — алб. *thark* «загон для скота»; ср. укр. *çarok* «загон для скота или домашней птицы»; польск. *çarek, corek* «отгороженное место в избе, стойле»; слвц. *çárok* «отгороженное место в стойле»; мор. *çárek* «загон для телят».

рум. *urdă* «сыр из овечьего молока» — алб. *udhos, urdhë* «сыр, творог»; ср. укр. *ùrda, vùrda* «вид сыра»; польск. *urda, hurda* «творог; кислое молоко»; слвц. *urda* «кислое овечьё молоко»; чеш. *urda*, «то же».

рум. *vatră* «очаг; жилище и пр.» — алб. *vatër* «очаг»; ср. укр. *vátra* «огонь, костер; место в печи, где пекут хлеб»; польск. *watra* «огонь, костер и пр.»; слвц. *vatra* «большой костер, под открытым небом»; мор. *vatra* «очаг; огонь в очаге»; венг. *vatra*.

рум. *vătuì* «годовалый козленок, ягненок; зайчонок» — алб. *ftujë* «годовалая коза»; ср. укр. *vatul'a* «овца, которая ягнится впервые», *vatujka* «годовалая коза»; польск. *watula, wetula* «молодая коза или овца»; слвц. мор. *vetula* «нерожавшая коза»; венг. *votulya, vatu, vetuja* «то же».

рум. *zgardă* «ошейник; украшение; воротник» — алб. *shkardhë* «цепь для собаки»; ср. укр. *zgarda* «украшение», венг. *gárda* «ошейник с шипами».

Для вынесения более или менее определенного суждения относительно субстратного статуса лексических гнезд из приведенного списка необходимо прежде всего подвергнуть развернутому этимологическому анализу каждую лексему в пределах того языка, где она засвидетельствована. Непременной составной частью этого анализа должна стать лингво-географическая проекция изолекс как отдельных карпатизмов, так и целых их групп, предположительно возводимых к дороманскому и дославянскому субстрату, объединяемых каким-либо признаком семантического или формального порядка, что может дать достаточно конкретное представление о зонах распространения лексических карпатизмов и иррадиационных центрах на фоне диахронической лингво-этнической картины. Существенную помощь в ареальной обработке интересующего нас материала несомненно окажет Общекарпатский диалектологический атлас, работа над которым уже ведется. Лишь методика лингво-географических исследований, включая сбор материала в полевых условиях, может способствовать выявлению слоя карпатизмов субстратного происхождения, непосредственного позднейшими восточно-романскими диалектами.

В ряде же случаев мы можем столкнуться с противоположной направленностью изоглосс, а именно из славянского в румынский и албанский⁵. В связи с последним обстоятельством не менее важным представляется прослеживание данных лексем за пределами карпатского ареала — на Балканском полуострове и в славянском мире — всегда памятуя, что *argumentum ad silentio* в сфере лексики без тщательной проверки не является серьезным доказательством.

Следует указать еще на одно условие, от выполнения которого, по нашему мнению, зависит прогресс в изучении субстратной лексики (апеллативной и ономастической) языков карпато-балканского пространства, а также решение целого ряда связанных с этим вопросов этногенеза и этнической истории народов данного региона, как-то: время и последовательность появления здесь отдельных этносов (в том числе актуальная задача датировки начала процесса славянизации Прикарпатских областей и территории Балкан), границы распространения этносов, контакты и передвижения племен и т. д. Это условие заключается в необходимости расширения фактической базы исследования за счет притока нового материала, поскольку имеющиеся в научном обороте данные, к примеру, коллекции румынских слов субстратного происхождения (особенно, пласт лексем, соотносимых с албанским) восходят в конечном счете к работам Хаждеу и Филиппиде; исключение составляют исследования Райхенкрона, требующие, однако, очень осторожного отношения.

Наиболее эффективным способом получения новых фактов представляется хотя и чрезвычайно трудоемкий, но сулящий богатые результаты путь сплошного обследования обоих указанных выше классов лексики современных языков и диалектов Балканского п-ова и карпатского ареала на предмет выявления фонда субстратных и субсубстратных вкраплений, который впоследствии может быть подвергнут автономному анализу на различных хронологических срезах в целях реконструкции отдельных элементов субстратных языков и изучения упомянутых экстралингвистических проблем. Завершение к настоящему времени публикаций этимологических словарей современных языков рассматриваемого ареала в совокупности с использованием ранее имевшихся словарей может служить вполне достаточным основанием для развертывания ретроспективных исследований языкового субстрата карпато-балканского региона.

⁵ См. в этом плане относительно карп. *vatra*: Л. А. Гиндин. Проблемы античной балканистики. «Вопросы языкознания», 1973, № 1, стр. 67.

З. М. ВОЛОЦКАЯ

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД СТРУКТУРОЙ ТОЛКОВАНИЯ МОТИВИРОВАННЫХ СЛОВ

(На материале словарных статей в «Словаре польского языка»
под ред. В. Дорошевского¹)

В статье ставится задача проанализировать синтаксическую и семантическую структуру толкований, а также расчленить текст толкований на части, соответствующие мотивирующему, формантному и дополнительному компонентам мотивированного слова². Мотивированные слова в отличие от немотивированных³ семантически членимы, их значение разлагается на компоненты, которым в структуре слова соответствуют формальные показатели. Соответственно, если толкование считать аналитической формой выражения того смысла, который в мотивированном слове выражен синтетически (т. е. в пределах одного слова), в то структуре толкования можно выделить части, проецирующие членение мотивированного слова. А степень выводимости значения мотивированного слова из значений его компонентов находится в обратной зависимости от степени идиоматичности и лексикализации этого мотивированного слова. Согласно мнению Г. О. Винокура, «есть слова, по структуре своей составляющие вполне условные обозначения соответствующих предметов действительности, и слова, составляющие в известном смысле не вполне условные, мотивированные обозначения предметов действительности, причем мотивированность этого рода обозначений выражается в отношениях между значащими звуковыми комплексами, обнаруживающимися в самой структуре этого рода слов. Эти слова и суть слова с производными основами. Вот почему значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы, причем именно такое разъяснение значения производных основ, а не прямое описание

¹ «Słownik języka polskiego», red. W. Doroszewski, t. 1—11. Warszawa, 1958—1969 (Далее при ссылке на словарные статьи первая цифра указывает том, вторая — страницу).

² См. И. С. Улханов. Компоненты значения членимых слов. «Вопросы языкознания», 1974, стр. 74 и 75.

³ Задача толкования немотивированных слов в значительной степени пересекается с задачей объяснения значения слов в терминологических и энциклопедических словарях. Безусловно, представляло бы большой интерес выяснение специфики словарной статьи толкового словаря в сопоставлении с дефинициями слов в других словарях. Но это предмет отдельного исследования, и в данной статье мы его не рассматриваем. Е. А. Иванникова, например, считает, что отличительной чертой толкового словаря является включение в него всей совокупности производных слов, см. ее статью «О производных словах как объекте лексикографии» в сб. Современная русская лексикография, Л., 1975, стр. 66.

соответствующего предмета действительности и составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов»⁴.

Толкование мотивированного слова требует расчленения его на составляющие семантические компоненты и установления смысловых соответствий как между самими компонентами, так и между компонентами и соответствующими им частями толкования. Поэтому задача толкования мотивированных слов в большей степени лингвистическая, чем задача толкования немотивированных.

В настоящей статье объектом описания и анализа являются тексты толкований мотивированных *nomina loci* в толковом словаре польского языка под ред. проф. В. Дорошевского. Эта словообразовательная категория содержит большое количество мотивированных слов, объединенных общим категориальным локативным значением и характеризующихся (особенно в польском языке) большой однородностью образования (т. е. мотивированные слова этой словообразовательной категории образуются посредством небольшого количества различных морфов), а также регулярностью образования (т. е. с помощью одного морфа образуется и потенциально может образоваться большое количество разных слов)⁵. Не случайно, что проф. В. Дорошевский привлек внимание исследователей к изучению семантических и логических отношений внутри этой словообразовательной категории, которые, по его мнению, характеризуются большим разнообразием⁶. Этой же категории в плане изучения логических отношений методом перифразирования локативных производных посвящена монография И. Юдыцкой⁷.

Словарь В. Дорошевского содержит 850 толкований мотивированных *nomina loci*, причем мы ограничились только такими *nomina loci*, которые образованы с помощью морфов *-nia*, *-arnia*, *-alnia*, *-ownia*, репрезентирующих морфему *-NIA* и морфов *-sko*, *-owisko*, репрезентирующих морфему *-SKO*⁸. Эти морфы можно считать специально предназначенными для выражения локативного значения в отличие от морфов более широкого значения (например, такого как *-nik*), образующих не только *nomina loci*, но и мотивированные слова других словообразовательных категорий. Эти последние с общим значением предметности, в число которых может входить в отдельных случаях и локативное значение, в данной работе мы не рассматриваем. Ограничиваемся описанием толкований мотивированных слов с морфами собственно локативного значения. Однако и среди таких образований имеются многозначные слова, словарные статьи которых включают несколько толкований, соответствующих числу значений многозначного слова. В таком случае для анализа структуры отбираем толкования только локативных значений. Например, словарная статья существительного *syrialnia* включает толкования таких значений:

⁴ См. Г. О. В и н о к у р. Заметки по русскому словообразованию в сб. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 421. Об этом же в последнее время писал И. С. Улуханов: «Специфика значения мотивированного слова состоит в том, что это значение определяется посредством ссылки на мотивирующее» (см. его статью «О некоторых принципах толкования значений мотивированных слов в толковых словарях» в сб. Актуальные проблемы русского словообразования, т. I. Ташкент, 1975, стр. 497).

⁵ З. М. В о л о ц к а я. К сопоставительному описанию славянских языков. «Вопросы языкознания», 1975, № 5, стр. 51.

⁶ W. D o r o s z e w s k i. *Nomina loci jako kategoria słowotwórcza*. «Slavia», 34, 1969, z. 3.

⁷ I. J u d y c k a. *Syntaktyczna interpretacja struktur słowotwórczych (na przykładach z formacji kategorii nomen loci)*. Warszawa, 1971.

⁸ Мы предпочитаем не употреблять термины «алломорфы» или варианты по отношению к рассматриваемым морфам, поскольку при одних мотивирующих основах они находятся в отношении дополнительного распределения, а при других в отношении свободного варьирования.

1. Pokój, w którym się sypia, pokój sypialny. 2. Komplet mebli... (8, 984). Из них нас будет интересовать только первое.

В структуре толкования можно выделить четыре части, соответствующие по значению компонентам мотивированного слова, а именно моти-вирующую, формантную, предикатную и дополнительную части. Мотивирующая часть соответствует по значению мотивирующему компоненту и соотносит значение мотивированного слова с тем, что является для него исходным, первичным, от чего семантически оно произведено. Формантная и предикатная части соответствуют формантному компоненту мотивированного слова; из них формантная часть определяет семантическую специфику данной словообразовательной категории и соответствует инвариантному значению деривативного морфа. Предикатная часть определяет типы смысловых отношений мотивирующего и мотивированного слов внутри данной словообразовательной категории, определяет специфику деривационных классов, на которые подразделяется словообразовательная категория, и соответствует по значению контекстной, речевой реализации инвариантного форманта⁹. Дополнительная часть толкования соответствует дополнительному компоненту и выражает то индивидуальное значение мотивированного слова, которое возникает и закрепляется в узусе, свойственно только данному образованию и отличает его от других, относящихся к тому же словообразовательному типу. Покажем на примерах, как производится членение текста толкований. В словарной статье «fasownia — pomieszczenie apteczne, w którym odbywa się fasowanie leków» (2, 826) мотивирующая часть fasowanie, формантная pomieszczenie, w którym, предикатная odbywa się и дополнительная apteczne... leków. Другой пример: в словарной статье «emaliernia — warsztat, w którym wykonywa się emaliowanie» (2, 717) мотивирующая часть emaliowanie, формантная warsztat, w którym и предикатная wykonywa się. Или в словарной статье «dojrzewalnia — pomieszczenie, przeznaczone do dojrzewania owoców» (2, 2084) мотивирующая часть dojrzewania, формантная pomieszczenie, предикатная przeznaczone do и дополнительная owoców.

Остановимся подробнее на каждой из частей толкования.

Мотивирующая часть

Она является наиболее существенной для определения специфики и классификации толкований, поэтому мы начинаем с рассмотрения именно этой части. Мотивирующая часть — понятие более широкое, чем мотивирующее слово, она указывает на семантическую соотнесенность мотивированного слова и может в отдельных случаях состоять из словосочетания, в состав которого входит мотивирующее слово, а также, если мотивирующее и мотивированное слова разошлись в своем стилистическом употреблении, то в толковании может использоваться слово, синонимичное мотивирующему и стилистически более подходящее к контексту словарной статьи. В «Словаре польского языка» под ред. В. Дорошевского мотивирующая часть толкования в большинстве случаев выражена словом с той же основой, что толкуемое мотивированное. В исследованном нами материале в 676 из 850 толкований для объяснения значения мотивированного используется его мотивирующее, причем при толковании мотивированных с морфемой-NIA чаще используется мотивирующее (в 81,6%

⁹ Об инвариантных и неинвариантных формантах см. И. С. У л у х а н о в. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. Автореферат докторской диссертации. М., 1975, стр. 17.

случаев), чем при толковании мотивированных с морфемой -SKO (в 74,9% случаев). Это может свидетельствовать о большем количестве идиоматичных слов среди образований на -sko, чем среди образований на -nia.

Среди толкований, в которых не используется мотивирующее слово для объяснения значения мотивированного, выделяются два типа: 1. Толкования, в которых по стилистическим причинам мотивирующее слово заменено синонимом. Например, «wziewalnia — pomieszenie, w którym odbywają się inhalacje» (10, 363) (inhalacja = wziewanie); «rysownia — pracownia kreslarska» (7, 1443) (kreslarz = rysownik). Отсутствие мотивирующего слова в такого типа толкованиях не показательно для характеристики семантики мотивированного слова и не свидетельствует о разрыве смысловых связей между мотивирующим и мотивированным словами.

2. Толкования, в которых отсутствуют мотивирующие слова, и они не могут быть использованы, поскольку в настоящее время отсутствует семантическая связь между мотивирующими и мотивированными словами. Таковы толкования: «markownia — pomieszczenie znajdujące się przy wejściu do zakładu pracy, wyposażone w tablice, na których umieszczone są znaczki obecności pracowników» (4, 463); «nastawnia — pomieszczenie, w którym są zgrupowane przyrządy pomiarowe i skąd się kieruje ruchem rozdzielni i maszynowni» (4, 1205). Отсутствие мотивирующих слов в такого типа толкованиях показательно для семантической характеристики мотивированного слова, оно свидетельствует о распаде смысловых связей между его компонентами, о лексикализации формально производного слова. Вероятно, можно градуировать мотивированные слова по степени их идиоматичности и лексикализации, и в этом отношении толковые словари могут дать интересный и ценный материал. Степень лексикализации явно связана со степенью возможности использовать мотивирующее слово при толковании мотивированного, а степень идиоматичности связана с величиной контекста, необходимого и достаточного для толкования значения мотивированного слова. Когда имеет место неединственная мотивация, то в толковании мотивированного слова в большинстве случаев используется сопровождающее мотивирующее слово¹⁰. Так, в случае, когда *poszeć łoci* может считаться мотивированным глаголом или отглагольным существительным, в толкованиях в 340 случаях используется в качестве мотивирующего отглагольное существительное и только в 77 случаях — личная форма глагола. Или в случае, когда мотивирующим может считаться агентивное существительное или в качестве сопровождающего образованное от него прилагательное, то в толкованиях чаще используется производное прилагательное, например: «gumarnia — pracownia gumarska» (7, 1433).

Толкования могут быть расклассифицированы в зависимости от морфологического класса мотивирующего слова, его грамматической формы и синтаксической функции в толковании. Из рассмотренных 850 толкований локативных мотивированных слов в 319 толкованиях в качестве мотивирующего использовано неотглагольное имя существительное, в 340 — отглагольное имя существительное, в 77 — глагол в личной форме, в 120 толкованиях — прилагательные и причастия. В зависимости от морфологического класса мотивирующего слова толкования подразделяются на типы, характеризующиеся: 1) именной мотивацией и 2) глагольной мотивацией. Толкования с именной мотивацией подразделяются в свою очередь на толкования с мотивирующим словом именем существительным, и толкования с мотивирующим словом именем прилагательным.

¹⁰ См. И. С. У л у х а н о в. Словообразовательная мотивация и ее виды. «Известия АН СССР. Серия ОЛЯ», 1971, т. 30, вып. I.

Имя существительное в роли мотивирующего слова может выступать в форме именительного падежа и в функции подлежащего, сказуемое при нем употребляется в пассивной форме и обозначает действие ситуационно обусловленное, которое обычно производится объектами с обозначаемыми мотивирующими существительными в данном помещении, например: «herbaciarnia — ... lokal, gdzie jest podawana herbata» (3,54), «księgarnia — sklep, gdzie sprzedawane są książki» (3, 1235). Наиболее часто употребительно существительное в роли мотивирующего слова в форме родительного падежа и функции несогласованного определения. Эти мотивирующие существительные обозначают а) в е щ е с т в о: «betoniarnia — wytwórnia betonu» (1,411), «cementownia — wytwórnia cementu» (1,804), «cukrownia — fabryka cukru» (1,1055), «krochmalnia — fabryka krochmalu» (3,1143), «lakiernia — fabryka lakierów» (4,11); б) н о м и н а а г е н т и с: «kołodziejnia — pracownia kołodzieja» (3,841), «siodlarnia — pracownia siodlarza» (8,234), «ślusarnia — warsztat ślusarza» (8,1274.) Мотивирующее существительное в родительном падеже может входить в предложные конструкции с предлогами целевого назначения *do, dla*, например: «akumulatornia — pomieszczenie dla akumulatorów» (1,68), «narciarnia — pomieszczenie służące do przechowywania nart» (4,1165). Распространена конструкция с мотивирующим существительным в форме винительного падежа и в функции прямого объекта к глаголу или причастью, например: «beczkarnia — warsztat, w którym wyrabia się beczki» (1,390), «bażantarnia — miejsce, gdzie hoduje się bażanty» (1,384), «cynkownia — huta, w której się wytapia cynk» (1,1075), «kotłarnia — zakład, produkujący kotły» (3,1066).

Мотивирующее существительное в винительном падеже может входить в предложную конструкцию с предлогом *na*, например: «kartoflarnia — skład na kartofle» (3,589). С мотивирующим существительным в творительном падеже возможны два типа конструкций: а) именная предложная конструкция с предлогом *z-(ze-)*, например: «antykwarnia — sklep z antykami» (1,158), «ściernisko — pole ze ściernią pozostałą po zżęciu zboża» (8,1247) и б) глагольная конструкция с дополнением в творительном падеже. Второй тип конструкций употребляется в большинстве случаев при толковании мотивированных существительных, обозначающих открытые пространства, территории по тому, что находится на поверхности. Так, «mehowisko — miejsce... porośnięte mchem» (4,546), «piarżysko — teren pokryty piargami» (6,291), «solnisko — grunt przesycony solą» (8,493), «żwirowisko — teren pokryty żwirem» (10,1461). Этот же тип конструкций используется при толковании мотивированных существительных, обозначающих названия полей, огородов и т. п. по тому, что на них произрастает, например: «owsisko — pole zasiane owsem» (5,1247), «kartoflisko — pole z zasadzonymi kartoflami» (3,589). Для обозначения поля после жатвы использовалась предложная конструкция с предлогом *po*: «kartoflisko — pole po wykopanych kartoflach» (3,589), «koniczynisko — pole po skoszonej koniczynie» (3,918), «pszeniczysko — rżysko po pszenicy...» (7,700).

Когда в толковании в роли мотивирующего слова используется имя прилагательное, то такую мотивацию в большинстве случаев можно считать сопровождающей, поскольку прилагательное в свою очередь мотивировано существительным. Таким образом, мотивированное *poimen loci* имеет несколько мотиваций: оно соотносимо как с существительным, так и с образованным от него прилагательным, т. е. имеет место следующая ситуация: $S \rightarrow NL$ и $S \rightarrow A \rightarrow NL$. В толковании преимущественно используется имя прилагательное: «rymarnia — pracownia rymarska» (7,1433), «jubilernia — pracownia jubilerska» (3,432), «jęczmienisko — ściernisko jęczmienne» (3,417). Иногда в одной словарной статье содержится два толкования

одного и того же локативного слова, в первом из которых в качестве мотивирующего используется существительное, а в другом — прилагательное, например: «gwoździarnia — zakład, w którym wyrabiają gwoździe, warsztat gwoździarski» (2,1392), «pszeniczysko — rżysko po pszenicy, ściernisko pszeniczne» (7,700).

Мотивирующая часть может представлять собой сочетание существительного с прилагательным, в котором функцию определения выполняет мотивирующее прилагательное, например, fajansarnia — fabryka wyrobów fajansowych» (2,787), «koszykarnia — warsztat wyrobów koszykarskich» (3,1056), «mydlarnia — sklep z artykułami mydlarskimi...» (4,927); «spadochroniarnia — pomieszczenie, w którym przechowuje się sprzęt spadochroniarski» (8,518), «cukiernia — lokal, gdzie się kupuje... wyroby cukiernicze» (1,1053), «giętarnia — zakład..., gdzie wykonuje się meble gięte» (11,173), «dziewiarnia — zakład... produkujący wyroby dziewiarskie» (11,127).

К толкованиям, характеризующимся глагольной мотивацией, относим все случаи, когда в толковании в качестве мотивирующих слов используются личные формы глагола, отглагольные существительные, а также отглагольные прилагательные и причастия. Приведем примеры использования для толкования мотивированных *nomina loci* отглагольных форм. Глагол в форме настоящего времени и функции сказуемого: «heblarnia — ...warsztat, gdzie się hebluje» (3,41), «krochmalarnia — ...pomieszczenie..., w którym krochmali się tkaniny» (3,1143), «ogrzewalnia — pomieszczenie..., w którym się coś ogrzewa» (5,890). Глагол в форме прошедшего времени и функции сказуемого: «kapuścisko — pole, na którym rosła kapusta» (3,549), «zawalisko — miejsce w którym się zawalił teren» (10,852). Глагол в форме инфинитива: «schronisko — miejsce, gdzie można się schronić» (8,1070).

Отглагольное существительное в роли мотивирующего слова чаще всего употребляется в форме именительного падежа и в функции подлежащего, а сказуемым при нем в большинстве случаев выступает глагол *odbywać się*: «destylarnia — fabryka..., w której odbywa się destylacja» (2,102), «gręplarnia — warsztat, w którym odbywa się gręplowanie» (2,1298), «hartownia — warsztat..., w którym odbywa się hartowanie» (3,36), «montażownia — dział fabryki..., gdzie się odbywa montaż» (4,827). Довольно распространены конструкции с отглагольным существительным в форме родительного падежа, например: «katownia — miejsce katowania» (3,621), «obozowisko — miejsce obozowania» (5,513). Отглагольное существительное может употребляться в предложных конструкциях, так: «przymierzalnia — pomieszczenie służące do przymierzania» (7,568), «rozbieralnia — miejsce przeznaczone do rozbierania się» (7,1070). В отдельных толкованиях отглагольное мотивирующее существительное может определять то, что находится в помещении (например, приборы, аппаратуру и т. п.): «łuszczarnia — dział zakładu... z urządzeniem do łuszczenia» (4,339), «powielarnia — pomieszczenie... z przyrządami do powielania» (6,1243).

Мотивирующее отглагольное существительное может выступать в толкованиях в форме дательного или творительного падежей в зависимости от управления глагола: «oczyszczalnia — pomieszczenie, gdzie coś podlega oczyszczaniu» (5,629), «przetwórnia — zakład, zajmujący się przetwarzaniem surowców...» (7,425), «siarkownia — pomieszczenie..., w którym poddaje się pewne produkty siarkowaniu» (8,189).

В роли мотивирующего слова может употребляться прилагательное или причастие, в этих случаях толкование представляет собой определительную конструкцию, в которой в функции определяемого члена выступает обобщающее локативное слово (формантная часть толкований), а в функции определяющего — мотивирующее, например: «jadalnia —

pokój jadalny» (3,295), «sypialnia — pokój sypialny» (8,981), «warownia — miejsce, gród warowny» (9,849), «pływalia — basen pływacki...» (6,528), «grozopisko — miejsce, teren rozkopany» (7,1164).

Формантная часть

Формантную часть толкования составляют слова, соответствующие по значению деривативному морфю. Они являются обязательной частью каждого толкования и определяют специфику словообразовательной категории, к которой принадлежит толкуемое мотивированное слово. Для словообразовательной категории *potina loci* таким специфическим категориальным значением является значение, выражаемое словами «там, где». В толкованиях этим словам соответствуют конкретные речевые реализации локативного значения, вместо которых всегда могут быть подставлены слова «там, где». Так, в русском языке: «мастерская, в которой → там, где», «поле, на котором → там, где» и в польском: «pracownia, w której → там, gdzie».

Формантная часть толкования состоит в большинстве случаев из обобщающего локативного слова и относительного местоимения или союза, вводящего определительное придаточное предложение; второй компонент формантной части может отсутствовать, что имеет место тогда, когда мотивирующее слово выступает в функции определения непосредственно к обобщающему локативному слову, например: «asfaltownia — wytwórnia asfaltu» (11,29), «buraczarnia — skład buraków» (1,728), «cukrownia — fabryka cukru» (1,1055). Обобщающее локативное слово представляет собой обозначение некоторого родового понятия, по отношению к которому понятие, обозначаемое толкуемым мотивированным словом, можно считать видовым. Обобщающие локативные слова различаются по степени абстрактности; наиболее абстрактными локативными словами являются существительные *romieszczenie*, *miejsce*. Они же являются и наиболее часто используемыми в толкованиях, так, слово *romieszczenie* зафиксировано в 180 толкованиях, а слово *miejsce* — в 143 толкованиях; причем 98% употреблений слова *romieszczenie* приходится на толкования мотивированных слов, образованных с помощью морфемы -NIA, а 57% употреблений слова *miejsce* приходится на толкования мотивированных слов, образованных с помощью морфемы -SKO. Интересно, что уменьшение степени абстрактности обобщающих локативных слов находится в прямой зависимости от частоты их употребления в разных толкованиях. Обобщающие локативные слова можно расположить в порядке убывающей частотности, так, следующими по частоте употребления после слов *romieszczenie*, *miejsce* выступают существительные *zakład* (82 употребления) и *dział* или *oddział* (63 употребления). Для них характерно, что они могут иметь при себе в качестве несогласованного определения второе обобщенное локативное существительное, например, *krojownia — dział zakładu, w którym kroi się materiały* (3,1147), *kapslownia — oddział fabryki, gdzie nakłada się kapsle* (3,545). Далее по степени убывания частоты употребления в разных толкованиях следуют такие обобщающие локативные слова¹¹, как: *teren* (50), *fabryka* (36), *warsztat* (33), *pracownia* (32), *pole* (32), *wytwórnia* (29), *pokój* (23), *sklep* (22), *las* (21), *skład* (21), *lokal* (18). Наибольшую степень конкретности обозначаемого понятия представляют слова, синонимичные мотивированному, когда толкование состоит в указании синонима, например: «opalisko —... pogorzeliisko» (5,1005).

¹¹ В некоторых толкованиях формантная часть включает несколько синонимичных обобщающих локативных слов (например, *fabryka, wytwórnia*), при подсчетах учитывалось только первое.

Естественно, что локативные слова-синонимы, используемые в толкованиях для объяснения значения мотивированных локативных слов, во-первых, по степени абстрактности в большинстве случаев не отличаются от толкуемых локативных, а во-вторых, редко употребляются более чем в одном толковании.

Предикатная часть

Слова, составляющие предикатную часть толкования, являются глаголами или отглагольными образованиями (отглагольными существительными или прилагательными). В случае глагольной мотивации предикатная часть совпадает с мотивирующей, например: «*farbiarnia — zakład... w którym farbuje się tkaniny*» (2, 816). В случае, когда в качестве мотивирующего слова в толковании употреблено отглагольное существительное, входящее в конструкцию с глаголом *odbywać się*, мы условно считаем предикатной частью только личную форму глагола-сказуемого *odbywa się*, разделяя ее с мотивирующей, которая представлена отглагольным существительным (см. пример на стр. 79). Когда имеет место именная мотивация, т. е. мотивирующим словом можно считать имя, то предикат домысливается и вербализуется в зависимости от типа ситуационных отношений между понятиями, обозначаемыми соответственно мотивирующими и мотивированными существительными. Если мотивирующее и мотивированные слова считать аргументами высказывания (суждения), то предикат указывает на тип смысловых отношений между аргументами. Семантика предикатных слов определяет вхождение мотивированных слов рассматриваемой категории в тот или иной деривационный класс¹². Так, когда в качестве предикатных слов используются глаголы, обозначающие сам процесс труда, производства, создания или переработки чего-либо (например: *pracować, opracowywać, robić, wyrobić, dokonywać, przerabiać*), то локативные мотивированные слова относятся к деривационному классу, включающему названия помещений или мест по тому, что в них производится; если в качестве предикатных слов используются глаголы, обозначающие наличие, нахождение, пребывание где-либо (например: *być, przechowywać, znajdować się*), то мотивированные слова относятся к деривационному классу, включающему названия помещений по тому, что в них находится, помещено; если в качестве предикатного слова используется глагол *gospać*, то такие мотивированные относятся к деривационному классу названий помещений или открытых пространств по тому, что на них выращивается. Глагол в функции предикатной части может выступать а) в личной форме, например: «*grzybowisko — miejsce... gdzie rosną grzyby*» (2, 1358), «*natryskownia — pomieszczenie, w którym znajdują się natryski*» (4, 1238); б) в форме причастия: «*bekoniarnia — zakład, wyrabiający bekony*» (1, 396); в) отглагольного существительного: «*węglarnia — pomieszczenie, służące do przechowywania węgla*» (9, 956).

Предикатная часть в тексте толкования может совпадать с формантной, это происходит в том случае, когда обобщающее локативное слово является отглагольным *pojem 1oci*, и толкование не содержит другого глагольного слова (личную форму глагола, причастие или отглагольное существительное), которое обозначало бы смысловую связь между мотивирующим и мотивированным словами. Например: «*klinkiernia — wytwórnia klinkieru*» (3, 731), «*siodlarnia — pracownia siodlarza*» (8, 234).

¹² См. З. М. Волоцкая. К сопоставительному описанию..., стр. 42—50.

Предикатная часть может выражаться предложением, обозначающим тип ситуационного отношения между мотивирующим и мотивированным словами, так: «graciarnia — pomieszczenie na graty» (2,1270), «akumulatornia — pomieszczenie dla akumulatorów» (1,68).

Дополнительная часть

Как «дополнительный семантический компонент» мотивированного слова, так и соответствующая ему «дополнительная» часть толкования наличествуют не во всех словарных статьях. Наличие ее связано с идиоматичностью мотивированного слова. Дополнительный компонент сужает, конкретизирует значение мотивированного слова¹³. Он не содержится в значении непосредственно составляющих, а приобретает мотивированным словом в речи, в процессе употребления в привычных контекстах.

Были рассмотрены в аспекте наличия и способа выражения дополнительной части толкования мотивированных слов, имеющих глагольную мотивацию. В этом случае слова, составляющие дополнительную часть толкования, ограничивают область действия, сферу применения мотивирующего глагола. Когда мотивирующее слово в толковании выступает в форме и функции глагола-сказуемого, то этот глагол в 64 случаях из 80 (т. е. в 80% случаев) имеет при себе поясняющие слова, определяющие и ограничивающие сферу его применения, показывающие, на какие объекты направлено действие, например: «czyszczalnia — oddział fabryki, w którym oczyszcza się nasiona» (1,1192), «farbiarnia — zakład, w którym farbuje się tkaniny» (2,816), «galwanizernia — zakład, w którym galwanizuje się przedmioty metalowe» (9,164), «montownia — warsztat, w którym się montuje maszynę» (4,829), «przechowalnia — pomieszczenie, w którym przechowuje się przez jakiś czas rzeczy» (7,136), «solarnia — pomieszczenie, w którym soli się mięso, ryby...» (8,487), «suszarnia — pomieszczenie, w którym suszy się surowce... formy odlewnicze» (8,929). Дополнительная часть может выражаться словами, относящимися в толковании к группе подлежащего, например: «pastwisko — teren..., na którym pasą się zwierzęta domowe» (6, 176), «ostygarnia — pomieszczenie w rzeźni, w którym ostyga mięso przez pewien czas po uboju» (5, 1177), «ociekalnia — pomieszczenie, w którym robią produkty mięsne ociekają» (11, 338). Когда мотивирующим является отглагольное существительное в именительном падеже, то в 19 случаях из 32 (т. е. в 59% случаев) оно имеет при себе пояснительные слова, показывающие, какими объектами ограничивается действие, по которому названо данное помещение. Например: «cechownia — miejsce, gdzie się odbywa cechowanie towarów» (1,790), «czesalnia — pomieszczenie, w którym się odbywa czesanie włókien roślinnych» (1,1136), «nawijalnia — oddział fabryki, w którym się odbywa nawijanie na nawijarkach wyprodukowanego towaru» (4,1270).

Когда мотивирующим является отглагольное существительное в родительном падеже, то в 26 случаях из 37 (т. е. в 70% случаев) оно имеет при себе пояснительные слова, соответствующие по значению дополнительному компоненту мотивированного слова, так: «kwaszarnia — pomieszczenie... do kwaszenia kapusty» (3,1342), «myjnia — pomieszczenie do mycia wagonów» (4,929).

В данной статье была сделана попытка проанализировать структуру толкований мотивированных слов и выделить в них части, соответствующие компонентам мотивированных слов. Было предложено в тексте толко-

¹³ Ср.: «Значение целого уже, более конкретизировано, чем то, которое обусловлено составляющими». — М. В. П а н о в. О наложении морфем в сб. Вопросы филологии (МГПИИЯ). М., 1969, стр. 274.

вания выделять четыре части: 1) мотивирующую часть, объясняющую более сложное вторичное значение мотивированного слова через ссылку на исходное, первичное, семантически более простое; 2) формантную часть, определяющую специфику данной словообразовательной категории и соответствующую по значению инвариантному значению деривативного морфа; 3) предикатную часть, определяющую тип смысловых отношений между мотивирующим и мотивированным словами внутри данной словообразовательной категории и распределение мотивированных слов по деривационным классам (предикатная часть соответствует по значению неинвариантному, контекстному значению деривативного морфа, его речевой реализации); 4) дополнительную часть, которая обозначает индивидуальные смысловые особенности мотивированного слова, не выводимые из значений составляющих его компонентов.

Проведение такого рода описаний структур толкований мотивированных слов других семантических категорий и сопоставление структур словарных статей мотивированных слов различных семантических категорий может помочь как в лексикографической практике составления словарных статей и унифицирования структур словарных статей, толкующих слова одной семантической категории, так и в выявлении специфических особенностей в смысловых отношениях между мотивирующим и мотивированным разных семантических категорий.

Несомненно, представляло бы интерес сопоставление словарных статей в толковых словарях разных языков, объясняющих мотивированные слова, обозначающие один и тот же денотат. Такой подход к сопоставительному описанию лексики мог бы помочь выявить различия в организации одних и тех же семантических групп в разных языках.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ГЛАШАТАЙ ЧЕХОСЛОВАЦКО-СОВЕТСКОЙ ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА

В этом году один из популярных в ЧССР журналов «Прага — Москва» отмечает свой 40-летний юбилей.

Основанный в 1936 г. выдающимся чехословацким ученым и общественным деятелем, искренним другом Советского Союза, профессором Зденеком Неедлы, журнал стал выполнять благородную миссию пропагандиста советско-чехословацкой дружбы. В программной редакционной статье, опубликованной в его первом номере, отмечалось, что цель журнала — «всемерно содействовать обогащению и расширению культурного и экономического сотрудничества... между Чехословакией и Союзом Советских Социалистических Ресублик».

С первых дней своего существования журнал стал уделять первостепенное внимание ознакомлению широких кругов чехословацкой общественности с успехами социалистического строительства в первой стране социализма. Его объективная и подробная информация об общественной, политической и культурной жизни народов СССР и миролюбивой внешней политике Советского государства играла тогда большую роль в разоблачении изощренных антисоветских вымыслов буржуазной прессы, в опровержении различного рода инсинуаций, распространявшихся реакционными элементами, пытавшимися посеять неверие в готовность Советского Союза оказать бескорыстную помощь своему союзнику — Чехословакии против гитлеровской агрессии.

Журнал выходил до 1939 г., до момента оккупации Чехословакии гитлеровской Германией. Его ответственный редактор чудом спасся от расправы, уготованной ему гитлеровцами. Находясь в Советском Союзе, он продолжал борьбу против фашистских захватчиков за освобождение своего народа, которое, как он твердо верил, придет с Востока вместе с победоносной армией Страны Советов.

Вскоре после войны З. Неедлы возобновил издание журнала. Он занял достойное место в общей борьбе прогрессивных сил чехословацкого народа за расширение и упрочение советско-чехосло-

вацкой дружбы, за налаживание всеобщего сотрудничества двух стран, на пути которого его противники пытались воздвигнуть новые барьеры.

В 1948 г. журнал стал органом Союза чехословацко-советской дружбы. С годами росла его общественная значимость, расширялся круг читателей; особенно большой авторитет он имел среди интеллигенции. И не случайно антисоветские силы, пытавшиеся в 60-х годах раздуть антисоветскую истерию, обрушились на журнал с провокационными нападками.

В 1968 г. издание журнала было временно прекращено. Но недруги советско-чехословацкой дружбы недолго злорадствовали по этому поводу. В мае 1974 г. чехословацкая общественность смогла снова увидеть его в газетных киосках страны.

Продолжая свои традиции, журнал ставит, как иисал его главный редактор, целью знакомить чехословацкую общественность с достижениями СССР «в области экономики, науки, техники, образования и культуры, с результатами чехословацко-советского политического, экономического, научно-технического и других форм сотрудничества», освещать успехи миролюбивой внешней политики СССР.

Советская общественность с большим интересом отнеслась к возобновлению издания журнала «Прага — Москва». Богатство его содержания, актуальность освещаемых проблем, авторитетность выступающих на его страницах авторов привлекают к журналу все большее внимание.

Вышедшие в 1974 г. четыре номера и семь номеров журнала за 1975 г. свидетельствуют о том, что его редколлегия придает первостепенное значение освещению важнейших событий в жизни советского народа и ключевых проблем чехословацко-советских отношений в прошлом и настоящем. Так, специальный № 4 журнала за 1974 г. был посвящен Великой Октябрьской социалистической революции. Выступая на его страницах со статьей «Великий Октябрь и советско-чехословацкие отношения», член Президиума ЦК КПЧ, председатель Федераль-

ного собрания ЧССР А. Индра писал, что заветы Великого Октября, ориентация на Советский Союз, использование богатого опыта КПСС, верность принципам пролетарского интернационализма являются для народов Чехословакии самым верным и надежным компасом.

Интересной представляется также статья Л. Губенака «Победоносная революция», в которой раскрывается историческое значение идей Великого Октября для народов Чехословакии.

Специальный номер журнала за 1975 г., напечатанный на русском языке, был посвящен знаменательному событию — 30-й годовщине победы Советского Союза над фашизмом, освобождению Чехословакии Советской Армией. Он открывает статью члена Президиума ЦК КПЧ, первого секретаря Пражского горкома КПЧ А. Капека «Пражское восстание — вечный памятник чехословацко-советской дружбы». Автор называет майские дни 1945 г. «бессмертным символом чехословацко-советской дружбы, скрепленной совместно пролитой кровью». В этом же номере журнала помещены статьи В. Квеша «Тридцать лет новых экономических отношений», И. Рудольфа «Советская литература в Чехословакии» и другие, в которых рассказывается о результатах чехословацко-советского сотрудничества в различных сферах общественной жизни.

Роль СССР в освобождении Чехословакии и обеспечении победы национально-демократической революции в стране подчеркивается также в статьях В. Краля — «Освободительная миссия СССР и образование мировой социалистической системы» (1975, № 2) и «СССР и освобождение Чехословакии» (1975, № 4), М. Брота — «На пороге 1945 года» (1975, № 1) и «Пражская операция» (1975, № 4), Я. Хованца — «Кюшицкая правительственная программа» (1975, № 3) и других.

Второй номер журнала за 1974 г. посвящен 30-й годовщине Словацкого национального восстания. Здесь опубликовано интервью с членом Президиума ЦК КПЧ, первым секретарем ЦК КПС Й. Ленартом, в котором глубоко раскрыто значение помощи Советского Союза Словацкому национальному восстанию. Здесь же опубликована статья В. Плевзы «Интернациональный характер Словацкого национального восстания». В статье В. Краля «Словацкое национальное восстание, Советский Союз и другие» показана всесторонняя братская помощь Советского Союза словацким повстанцам и закулисные интриги против них реакционных сил западных держав и буржуазных деятелей. О советской помощи Словацкому национальному восстанию говорится и в статье Я. Хованца.

Большое внимание в журнале уделяется анализу советско-чехословацкого сотрудничества как в рамках СЭВ, так и по линии двусторонних торговых и других

связей. Так, в № 1 журнала за 1974 г. в статье В. Квеша «Второе двадцатилетие СЭВ» убедительно раскрывается значение СЭВ для развития стран социалистического содружества. При этом автор подчеркивает, что чехословацко-советское сотрудничество в рамках СЭВ является главной предпосылкой дальнейшего экономического развития Чехословакии. Советско-чехословацкому сотрудничеству в рамках СЭВ посвящены также статьи И. Витваровой «30 лет общим путем» (1975, № 4), Н. Баутиной «СЭВ и совместное планирование» (1975, № 1), Б. Гавела «Наше сотрудничество в СЭВ» (1975, № 6).

В журнале публикуются интересные материалы о развитии сотрудничества СССР и ЧССР во всех областях жизни. Цикл материалов об экономическом сотрудничестве открывается статьей министра внешней торговли ЧССР А. Барчака «Итоги и перспективы традиционной дружбы» (1975, № 1), в которой дан краткий обзор советско-чехословацких экономических отношений за 30 лет (1945—1975), приводятся данные о взаимовыгодности сотрудничества в области экономики вообще и в сельском хозяйстве в частности. В статье М. Булеца «От помощи к развитию» (1975, № 2) дана краткая история социалистического преобразования деревни Чехословакии. При этом показана помощь Советского Союза, ее роль и значение для развития чехословацкого сельского хозяйства.

На страницах журнала выступают руководители ряда чехословацких предприятий. Так, о сотрудничестве в металлургической промышленности рассказали Герой социалистического труда К. Кодем — «Наши металлурги и СССР» (1975, № 1), директор металлургических предприятий в Тршнице М. Боублик — «Интернационализм в действии» (1975, № 2) и директор предприятия В. Брыхлец — «Дружеское сотрудничество» (1975, № 2).

Главный архитектор Праги Б. Боровичка в статье «Развитие братских городов» (1975, специальный номер) пишет об использовании московского опыта в генеральном плане развития Праги. Статья «Исследование и использование атомной энергии» (1975, № 5) посвящена двадцатилетнему сотрудничеству СССР и ЧССР в этой области. В нескольких статьях рассказывается о стройке чехословацко-советской дружбы — строительстве пражского метро.

Знаменательной дате — 250-летию Академии наук СССР был посвящен ряд материалов, в частности, К. Српень в статье «250 лет Академии наук» (1974, № 1) подчеркивает роль советских ученых в развитии мировой науки, останавливается на вопросах научного сотрудничества советских ученых с учеными других социалистических стран.

В статье «200 лет хорошей традиции»

(1975, специальный выпуск), посвященной чешско-русским научным связям и сотрудничеству Академии наук СССР и Чехословацкой академии наук, отмечается, что это сотрудничество становится с каждым годом все более эффективным: «В начале семидесятых годов в программе сотрудничества двух академий было 194 темы. В их числе исследование космического пространства, известное как „Интеркосмос“. В общественных науках ключевое значение имеет изучение широкой смежной проблематики сущности и взаимосвязей современной научно-технической революции как комплекса коренных преобразований в науке, технике, производстве, окружающей среде, положении человека».

О помощи советских ученых, преподавателей общественных наук работникам идеологического фронта ЧССР говорится в статье Л. Грзала «Сотрудничество в области общественных наук» (1975, № 2). Автор отмечает, что борьба против буржуазной идеологии, борьба с ревизионизмом относится к тем задачам общественных наук, которые можно решить только в рамках социалистической научной и идеологической интеграции.

Директор Государственного исследовательского института материалов в Праге В. Ланда в статье «Сотрудничество научных институтов в интеграции» рассказывает о контактах своего института с научно-исследовательскими институтами Советского Союза в области исследования материалов (1975, № 5).

Широко освещается журналом советско-чехословацкое сотрудничество в области культуры. М. Заградка в статье «Тридцать лет перевода русской и советской прозы у нас» (1975, № 5) рассматривает тематику переводов на чешский и словацкий языки русских и советских авторов в течение тридцати лет после освобождения Чехословакии Советской Армией. Автор поднимает вопрос о культурной ориентации ЧССР на Советский Союз: «После 1945 г. для подавляющего большинства творческих работников не существовал вопрос о культурной ориентации, он исторически был решен фактом освобождения, руководящей ролью коммунистической партии в антифашистской борьбе и симпатиями народных масс к СССР». В специальной статье «Михаил Шолохов в Чехословакии» (1975, специальный номер) отмечается, что в Чехословакии произведения М. А. Шолохова (разумеется, с учетом разницы в численности населения) издаются приблизительно так же широко, как и в Советском Союзе.

Большой популярностью пользуются в ЧССР произведения русских классиков и советских авторов в оригинале. Поэтому ежегодно Чехословакия закупает в СССР большое количество книг. О распространении советской литературы в Чехословакии пишет в статье «Советская ли-

тература в Чехословакии» (1975, специальный, номер). И. Рудольф.

Директор Чехословацкого фильма И. Пурш на страницах журнала (1974, № 3) рассказывает о сотрудничестве СССР и ЧССР в области кинематографии. Главный редактор журнала «Прага — Москва» Ф. Я. Колар анализирует результаты сотрудничества чехословацкого телевидения и Агентства печати Новости при создании телевизионных фильмов (1975, специальный номер).

О глубоком содержании и конкретных результатах советско-чехословацкого сотрудничества чехословацкий историк В. Краль сказал: «...наша дружба с Советским Союзом ежедневно положительно проявляется в нашей жизни — это сырье, из которого мы производим, это технология, которую мы используем, это экспорт наших изделий, это проблемы технического уровня нашего производства, это вопрос дальнейшего экономического роста нашей страны» (1975, специальный номер).

Видное место в журнале занимают статьи, посвященные истории и современному положению СССР. И. Шедивы в статье «Страна развитого социализма» (1975, № 4) на конкретных примерах показывает реализацию в СССР преимуществ социалистического строя, сравнивая основные показатели развития промышленности, сельского хозяйства и других отраслей экономики СССР и США. В статьях «Решающие цифры решающего года» (1975, № 4), «Строительство СССР в пятой пятилетке» (1975, № 3), Ф. Я. Колара — «Динамическое развитие социалистической экономики» и Ч. Аморта — «Восстановление национальной экономики и завершение строительства социализма в СССР» (1975, № 6) рассказывается о развитии различных отраслей экономики Советского Союза, об основных стройках завершающего года девятой пятилетки.

Интересны статьи, посвященные развитию советской политической системы: Я. Хованца — «Демократизм выборов в СССР» (1975, № 5) и Д. Ровенского — «Советская внешняя политика в борьбе за европейскую безопасность» (1975, № 6). Эти материалы журнала «Прага — Москва» дополняются, подтверждаются и как бы перекликаются со статьями рубрики «СССР глазами Запада».

Большое значение журнал придает вопросу борьбы с антикоммунизмом. Опубликованы статьи Я. Кваснички «Заметки к вопросу об антисоветизме на современном этапе» (1974, № 1) и «Антисоветизм — общая черта всех групп чехословацкой политической эмиграции» (1975, № 6), Л. Грзала — «„Демократический социализм“ — новые вариации старого антикоммунизма» (1975, специальный номер), М. Матоуша «Против антисоветских устремлений ревизионизма» (1975, № 2, 3),

в которых разоблачаются разновидности антисоветизма и подчеркивается углубление кризиса буржуазной идеологии.

В статье Л. Гразала «Третий путь или тупик» (1975, специальный номер) аргументированной критике подвергается надуманная концепция О. Шика о «третьем пути», в основе которой лежит попытка прикрыть теорией «демократического социализма» антисоветскую, антисоциалистическую сущность ревизионизма в шиковской его разновидности.

В регулярно публикуемой рубрике «Антисоветизм в свете фактов» на убедительных материалах разоблачается сущность антисоветизма.

Большое внимание журнал уделяет вопросам сотрудничества СССР, ЧССР и всех социалистических стран на международной арене, проблемам обеспечения европейской безопасности, мирному сосуществованию государств с различным общественным строем. Со статьей «Чехословакия и современная Европа после конференции в Хельсинки» на страницах журнала выступил министр иностранных дел ЧССР Б. Хнеупек (1975, № 6). Отмечая большое значение для Чехословакии конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, автор указывает, что «вопросы разоружения или вооружения, международного сотрудничества или конфронтации являются для Чехословакии вопросом социальной, национальной и государственной свободы, ее самостоятельного существования». Далее Б. Хнеупек остановился на задачах, стоящих перед народами Чехословакии и Европы

в свете выполнения решений конференции в Хельсинки: «...первоочередными задачами сейчас становятся ликвидация очагов напряженности, признание и уважение права каждого народа на независимость и безопасность, создание региональных систем безопасности и равноправного сотрудничества, всестороннего развития взаимовыгодных экономических, технических, культурных и научных связей».

Считая одной из важнейших задач активное выступление против всех проявлений антисоветизма и антикоммунизма, журнал последовательно разоблачает па конкретных фактах подрывную деятельность противников разрядки международной напряженности, буржуазных идеологов, фальсификаторов истории второй мировой войны.

Материалы, публикуемые в журнале «Прага — Москва», убедительно показывают, что достижения народов Чехословакии в строительстве социализма за прошедшие после разгрома гитлеровской Германии три десятилетия стали возможными благодаря самоотверженному труду трудящихся страны во главе с КПЧ, а также тесному экономическому, политическому, идеологическому, научному и культурному сотрудничеству с Советским Союзом. Эти успехи ярко иллюстрируют действенность и плодотворность тесной дружбы, союза и всестороннего сотрудничества трудящихся ЧССР и Советского Союза.

*С. М. Гаврилова, Т. И. Комкова,
Э. Г. Лаврик*

«*Dokumenta Occupationis*». t. IX. Poznań, 1975

«*Документы гитлеровской оккупации*»

Среди публикаций документов и материалов по истории второй мировой войны, осуществляемых в ПНР, видное место занимает издаваемая Западным институтом в Познани серия «Документа Оккупационис», уже в течение многих лет являющаяся важнейшим источником для изучения различных сторон гитлеровской оккупационной политики в Польше в годы второй мировой войны. В ней планомерно публикуются документы об оккупационном режиме на польских землях, в частности, на «присоединенных» польских землях, о попытках нацистов германизировать эти земли, о политике истощения польского народа, об экономической политике оккупантов, о массовых выселениях поляков и вывозе их на принудительные работы в Германию, о бедственном положении в нацистском рейхе сотен тысяч этих подневольных рабочих.

Документы, включенные в рецензируемый том, воскрешают одну из трагических страниц истории оккупации — угон польских мужчин, женщин, молодежи на работу в гитлеровскую Германию и жизнь этих людей в условиях фашистской неволи.

Большая группа опубликованных в томе материалов — документы, раскрывающие основные направления нацистской политики в отношении польских рабочих. Другая часть документов представляет собой полицейские предписания, регламентировавшие до мельчайших деталей существование польских невольников. Сюда относятся различного рода запреты и ограничения, а также рапорты об избиениях и смертных казнях польских рабочих за малейшие нарушения полицейских предписаний. О полной юридической беззащитности этих людей свидетельству-

ют распоряжения имперского ведомства безопасности и министра юстиции Тирака о передаче всех дел, связанных с польскими рабочими, в ведение гестапо без какого-либо судебного разбирательства. Документы, опубликованные в томе, еще раз подтверждают, что эксплуатация гитлеровцами принудительного труда польских рабочих имела не только экономические цели; она была одним из средств биологического истребления польского народа.

Часть документов иллюстрирует политику использования подневольного труда в интересах военной экономики третьего рейха, показывает, как она изменялась и модифицировалась в ходе войны. Провод планов «блидкрига» против Советского Союза и особенно поражение фашистских армий под Сталинградом и на Курской дуге вызвали острую необходимость у нацистов в дополнительном «спущенном мясе». Образовавшуюся в результате призывов в армию нехватку рабочей силы в военной индустрии и сельском хозяйстве они стремились восполнить иностранными псевольниками. На принудительные работы в Германию с территории оккупированной Польши (в границах 1938 г.) в годы второй мировой войны было вывезено около 2810 тыс. человек. В отдельные периоды войны количество польских рабочих составляло свыше 60% всех занятых в экономике фашистской Германии иностранных рабочих. Советские и польские граждане, преступно угнанные в фашистскую неволю, составляли в сентябре 1944 г. свыше 68% всего числа депортированных на принудительные работы в германский рейх.

Трудно оценить тот материальный и моральный ущерб, который был нанесен польскому народу фашистскими оккупантами. Массовые депортации поляков в фашистскую Германию, в результате которых польский народ понес огромные людские потери, явились грубым нарушением всех международных правовых норм и были квалифицированы Международным военным трибуналом в Нюрнберге как одно из многочисленных преступлений

германского фашизма против народов оккупированных стран.

Однако, несмотря на жестокий террор, сопровождавший массовый угон населения с оккупированных территорий в Германию, нацистам не удалось в полной мере осуществить свои преступные планы. Это было обусловлено многими обстоятельствами. Важную роль сыграло при этом сопротивление населения оккупированных территорий, транспортные трудности, связанные с подготовкой агрессии против Советского Союза, наличие разногласий в самом нацистском аппарате, проводившем в отношении польского народа политику геноцида, а с другой стороны, пытавшемся, учитывая военные и экономические потребности рейха, использовать польское население в качестве даровой рабочей силы. Эта тенденция едва заметная в 1942 г., стала весьма ощутимой в 1943 г. и особенно в 1944 г. Попытки «смягчить» политику в отношении польского народа и, в частности, в отношении польских рабочих в рейхе нашли отражение в мемориале генерал-губернатора Франка, адресованном к имперскому уполномоченному по рабочей силе Заукелю, в котором Франк предлагал уравнять правовое и экономическое положение польских и других иностранных рабочих в германской империи, в документе о заседании в имперском ведомстве безопасности. Но главным и решающим обстоятельством, сорвавшим преступные планы гитлеровского фашизма, пытавшегося превратить оккупированную Европу в большой трудовой лагерь, работавший на нужды германского рейха, было наступление Советской Армии, разгром ею гитлеровских полчищ и освобождение народов Европы от ига германского фашизма.

В заключение можно сказать, что всестороннее исследование фашизма, ознакомление широкой общественности с этими исследованиями чрезвычайно важно, ибо тема германского фашизма во всех ее аспектах остается весьма актуальной и в наши дни.

Т. Григорьянц

Ј. ДУВОАЦ. *Штампарство и графички радници у Србији 1831—1941 гг.* Београд, 1975, 353 стр.

Й. ДУВОАЦ. *Печатное дело и рабочие печатники Сербии в 1831—1941 гг.*

В современной югославской историографии история рабочего движения занимает все большее место. Монография известного югославского историка Йована Дубоваца выделяется, прежде всего, широким в хронологическом отношении

охватом событий: положение и борьба типографских рабочих Сербии показаны здесь с момента основания первой в освободившейся от турецкого ига Сербии типографии и вплоть до вступления Югославии во вторую мировую войну.

Весьма ценно, что автор рассматривает положение и борьбу рабочих-печатников в неразрывной связи с развитием книгопечатания и полиграфии в Сербии, а эти проблемы, в свою очередь, показаны на фоне социально-экономического развития и изменений, происходивших в общественно-политической жизни страны.

Основание первой сербской государственной типографии, оборудование для которой было приобретено в России, отмечает автор, сыграло определенную роль в национальном освобождении сербов и укреплении престижа молодого сербского княжества, поскольку услугами типографии могли пользоваться также сербы из Австрии и другие народы Балканского полуострова, которые еще вели борьбу за свою независимость.

Иван Дубовац с полным основанием связывает возникновение частных типографий во второй половине XIX в. с созданием и усилением оппозиционных партий, которые по вполне понятным причинам не всегда могли публиковать свои издания в государственной типографии. Новая волна в развитии печатного дела в 1903—1914 гг. была вызвана, как подчеркивает автор, значительным оживлением политической деятельности и публицистики после ликвидации в 1903 г. реакционного режима династии Обреновичей и установления в Сербии буржуазно-парламентарного режима.

Используя очень широкий круг источников, в том числе и архивные материалы, И. Дубовац показывает изменения в положении рабочих-печатников, их борьбу с предпринимателями, деятельность созданной ими организации.

Положение печатников в первые десятилетия после воссоздания в освобожденной Сербии книгопечатания было вполне удовлетворительным: сравнительно высокая заработная плата, обеспеченность постоянной работой, реальная возможность перейти на службу в государственный аппарат. Однако во второй половине XIX в. с увеличением числа частных типографий, где заработная плата была ниже, а рабочий день длиннее, и ростом безработицы их положение ухудшилось.

Это обстоятельство наряду с воздействием социалистических идей привело к объединению типографских рабочих Сербии в «Дружину типографских радника» (1975). Объединение, основанное как культурно-просветительное общество и организация взаимопомощи, превратилось с течением времени под влиянием ухудшения положения печатников и укрепления рабочего движения в Сербии в классовую профессиональную организацию.

На протяжении последнего десятилетия XIX в. рабочие белградских типографий провели три крупные забастовки. Несмотря на неудачный исход этих за-

бастовок, рабочие частных типографий Белграда в 1901—1902 гг. провели новую забастовку, завершившуюся после упорной борьбы (она продолжалась около четырех месяцев) их победой.

Ко времени основания в 1903 г. Сербской социал-демократической партии (ССДП) и находившегося под ее влиянием профцентра — Главного Рабочего Союза (ГРС) — «Дружина типографских радника» обладала значительным опытом организационной деятельности и была одним из наиболее обеспеченных в материальном отношении объединением рабочих. Тем не менее, хотя «Дружина» и вступила в ГРС, она не оказалась, как этого можно было бы ожидать, среди передовых отрядов сербского рабочего класса. И. Дубовац, анализируя большой фактический материал, объясняет подобное парадоксальное положение лучшим, по сравнению с остальной массой рабочих, материальным положением печатников, возникновением в их среде сознания об их особой, просветительской, роли в общественной жизни.

Эти факторы, которые, как нам представляется (автор прямо об этом не говорит, но вся предложенная им концепция развития «Дружины» свидетельствует об этом), поставили сербских печатников в положение рабочей аристократии, привели к тому, что в их организации возобладала тред-юнионистские синдикалистские тенденции. В этой связи ставится понятной серьезная поддержка, оказанная «Дружиной» «нововременцам» — наиболее ярко выраженной оппортунистической и синдикалистской фракции в сербской социал-демократии.

И. Дубовац, рассматривая многие аспекты деятельности профсоюза типографских рабочих в 1903—1914 гг., указывает на присутствие этой организации нейтраллистские тенденции, что, в частности, проявилось в нежелании направить представителя «Дружины» на III и IV конгрессы ГРС, в отказе принять участие в праздновании 1 Мая в 1905 г. Вместе с тем, автор рецензируемой книги не уделяет, по нашему мнению, должного внимания тому обстоятельству, что подобное положение, как свидетельствуют многочисленные документы и материалы по истории ССДП и ГРС, было совершенно не характерным для сербского рабочего движения этого периода.

Стремясь более полно раскрыть основную тему своей работы, И. Дубовац обращается также к борьбе рабочих-переплетчиков, положение которых было значительно хуже, нежели типографских рабочих. В 1903—1914 гг. существовала самостоятельная (отдельная от «Дружины») профсоюзная организация рабочих-переплетчиков, входившая в ГРС. Этот профсоюз в отличие от организации типографских рабочих, принимал самое непосредственное участие в экономичес-

кой и политической борьбе сербского пролетариата, что подчеркивает и автор книги.

Положение, борьба и в особенности деятельность профсоюзной организации рабочих, занятых в типографии (а о полиграфической промышленности, как показывает автор, применительно к Сербии можно говорить только начиная с 20-х годов XX в.), в межвоенный период рассматриваются в книге Й. Дубоваца более широко по сравнению с предшествующим периодом.

Интересными представляются соображения автора о том, что помимо общих для международного рабочего движения этого периода факторов (влияние Октябрьской революции, создание Коминтерна и появление Социтерна, сопровождавшиеся соответствующим расколом профдвижения) на югославское профсоюзное движение оказали воздействие специфические моменты, обусловленные особенностями созданного в 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев. В объединившихся в общегославском масштабе профсоюзных организациях паблиовались различные тен-

денции и традиции, унаследованные от прошлого периода: кроме того, различия в уровне экономического развития отдельных областей отражались и на положении рабочих. Эти моменты, равно как и наступление реакции в 20-х годах, отрицательно влияли на деятельность профсоюза рабочих-полиграфистов Югославии.

На основе большого фактического материала автор показал, что белградская организация этого профсоюза занимала более левую позицию, хотя в ее рядах шла длительная и упорная борьба между коммунистами, возглавляемыми Драгомиром Марьяновичем, и оппортунистами.

Несомненным достоинством рецензируемой книги является сочетание глубокого анализа широкого круга источников с лаконичностью изложения. Монография Йована Дубоваца, посвященная мало изученной стороне сербского рабочего движения, представляет серьезный вклад в разработку истории рабочего движения народов социалистической Югославии.

Т. Е. Зююкина

ВОПРОСЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУР

В «СЛОВАРЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ»

Появление в 1974 г. «Словаря литературоведческих терминов»¹ — событие безусловно оградное и значительное. Такое научное литературоведческое издание, предназначенное для преподавателей средней школы и включающее в себя более шестисот теоретических терминов, осуществлено впервые. Как сказано в тексте «От составителей», названная книга представляет собой «первый опыт справочника по литературоведению». В этом смысле выход Словаря имеет существенное значение не только для преподавания литературы, но и для всей теории науки о литературе.

Одной из положительных особенностей справочного пособия является включение в него статей, затрагивающих вопросы сравнительного изучения литературы. К ним, в частности, относятся «Взаимодействие литературные» (стр. 39—45), «Компаративизм» (стр. 149—152), «Типологические связи» (стр. 414—416). Приветствуя сам факт наличия в Словаре этих статей, отражающий резко возросший в последние годы интерес к проблематике сравнительного изучения ли-

тератур, хотелось бы одновременно поделиться и некоторыми соображениями о них, имея при этом в виду и особую важность сравнительного изучения славянских литератур.

«Взаимодействия литературные» определяются в книге как «разнообразные типы влияния одного или группы художественных явлений на другое явление или группу их». С этим можно согласиться лишь отчасти. На наш взгляд, существующее в литературоведении и отраженное в «Краткой Литературной Энциклопедии» (КЛЭ) представление о литературных взаимодействиях, связях и влияниях как «одной из главных закономерностей литературного процесса, заключающейся в постоянном взаимодействии литератур, в усвоении (и преодолении) одной литературой художественного опыта другой»², более полно и точно раскрывает содержание данного понятия.

Не трудно заметить, что в КЛЭ говорится о литературах, а в Словаре о литературных явлениях; к последним в равной мере относятся и отдельные художественные произведения одной национальной литературы и целые национальные литературы. Как видно из последую-

¹ «Словарь литературоведческих терминов». Редакторы-составители Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М., «Просвещение», 1974, 509 стр. тираж 300 тыс. экз.

² Ю. В. Манн. Литературные связи и влияния. КЛЭ, т. 4, стр. 314.

щего содержания словарной статьи, именно так это в ней и понимается: литературные взаимодействия расчленяются на внутринациональные и межнациональные. Такая характеристика литературных взаимодействий не вполне согласуется с утвердившимися в современном литературоведении и вошедшими в его практику научными определениями, исходящими из того, что изучение литературных взаимодействий прежде всего затрагивает сферу межнациональных литературных отношений. А то, что называется в Словаре «внутринациональным взаимодействием литературным» обычно относят к внутринациональной «литературной преемственности» (статьи о ней в книге, между прочим, нет). Конечно, каждый термин условен, а наполнение научных понятий не есть что-то застывшее и может изменяться. Но следует ли вводить в Словарь для учителей новшество? И зачем? А уж если в справочнике отражается оригинальное, расширительное понимание «литературных взаимодействий», то стоило бы сказать, что по этому вопросу есть и другие мнения³.

В статье «Взаимодействия литературные» сделана попытка классификации типов взаимодействий: новаторское продолжение традиций, отталкивание, замещение, поглощение или концентрация, эмиграция, взаимодействие различных художественных течений. Не говоря о том, что такой перечень не охватывает даже основных типов или форм литературных связей и взаимодействий (не упомянуты, например, подражание, перевод, опосредствованные влияния и т. д.), что сами принципы подобной классификации могут быть различны⁴, хочется обратить внимание на малую обоснованность отнесения к литературным взаимодействиям такого явления, как эмиграция. Оно не принадлежит к творческим актам, а следовательно, и к оригинальной литературе. Следует отметить и то, что в одном ряду оказались индивидуальные взаимодействия и взаимодействия течений, а также продолжение традиций. Думается, это явления разных порядков. Кроме того, с таким же правом, как и о взаимодействиях литературных течений, можно говорить и о взаимодействии литературных школ, стилей, направлений, методов и т. д. Все это, видимо, требует не только уточнения, но и мотивирован-

ного отбора. Что же касается принципиальной возможности создания исчерпывающей классификации многообразных форм литературных связей, то это в силу большого их разнообразия едва ли осуществимо.

Нельзя не пожалеть, что в статье «Взаимодействия литературные» не говорится об активной роли принимающей литературы, об особенностях восприятия литературных ценностей за пределами их родины, о национальной литературной образности, о взаимодействиях зарубежных социалистических литератур и других важных вопросах, которые имеют непосредственное отношение к теме статьи и получили разработку в литературоведении СССР и социалистических стран.

«Компаративизм» толкуется в Словаре как «одна из школ литературоведения, возникшая в Европе в XIX в.». К этой статье отсылает читателя и словарная позиция — «Сравнительно-исторический метод». Приведенное раскрытие понятия «компаративизм» представляется не вполне удовлетворительным, поскольку оно отражает скорее историю его возникновения, нежели сложное современное содержание. Служа обозначению буржуазной компаративистики, игнорирующей общественно-историческую обусловленность литературного развития (в этом марксистское сравнительное изучение литературы принципиально отлично от нее), термин «компаративизм» (в позитивном значении) нередко встречается в трудах литературоведов социалистических стран и как обозначение вестеронного диалектического сравнительного изучения литературы⁵. В КЛЭ, где «компаративизм», так же как и в Словаре, отождествляется с понятием «сравнительный исторический метод в литературоведении», последний рассматривается как «раздел истории литературы, изучающий международные литературные отношения в их исторической обусловленности»⁶. Как видим, здесь говорится не о «школе литературоведения», возникшей в XIX в., а о разделе современной науки о литературе, учитывающей ее историческую обусловленность. Такое раскрытие содержания термина представляется более совершенным, отвечающим его пониманию многими литературоведами, что убедительно продемонстрировала, например, международная Конференция по сравнительному изучению славянских литератур (1971), в работе которой принимали участие лите-

³ См. сборники «Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур». М., 1961; «Сравнительное изучение славянских литератур». М., 1973.

⁴ См. С. В. Тураев. О характере и формах литературных влияний. В кн. Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур. М., 1961, стр. 308; А. С. Бушмин. Проблема литературной преемственности. «Русская литература», 1961, № 3, стр. 308.

⁵ См., например, «Načrt stavu a úloh slovenskej literárnej komparatistiky». «Slavica Slovaca», 1967, č. 2, s. 156—162; D. Durišin. Z dejín a teórie literárnej komparatistiky. Bratislava, 1970.

⁶ В. М. Жирмунский. Сравнительно-исторический метод в литературоведении, КЛЭ, т. 7, стр. 126.

ратуроведы Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии и Югославии.

Несколько замечаний о статье «Типологические связи». Этот термин уже немало лет бытует в литературоведении, однако его содержание до сих пор продолжает оставаться не очень ясным. К сожалению, у нас до сих пор нет сколь-нибудь общепринятого представления о словах-понятиях «типология», «типологический» в их применении к литературе. Не случайно объяснение этих терминов отсутствует и в КЛЭ и в Словаре. Если в лингвистике прилагательное «типологическая» обычно связано с классификацией языков по принципу их различия, то в литературоведении это слово чаще соседствует с такими определениями, как «общность» или «аналогия». Что же касается «типологических связей», то довольно трудно понять, в чем их отличие от типологических общностей и аналогий. Не проясняет в должной мере содержание термина «типологические связи» и словарная статья. В ней говорится: «Типологические связи — объективные, связи, „схождения“ (Жирмунский) между литературными явлениями (произведениями, стилями писателей в целом, литературными течениями, направлениями, литературами целых эпох), определяемые родственными или аналогичными условиями общественной и идеологической действительности, независимо от осознания этой связи самими писателями». Далее в статье говорится, что типологические связи следует отличать от генетических и контактных. При чтении статьи сразу же возникает ряд вопросов. Типологические связи — объективные, а генетические, от которых их надо отличать, и контактные, следовательно, не объективные? Кстати, читателю Словаря ничего неизвестно ни о генетических, ни о контактных связях (а есть бесконтактные?), не знает он и о том, чем они в свою очередь отличаются друг от друга, не одно ли это и то же. Да и следует ли одно неизвестное определять посредством отличия от другого неизвестного?

В статье есть ссылка на Жирмунского, по контексту она может быть отнесена и к слову «связи» и к слову «схождения». Но ведь В. М. Жирмунский, насколько известно, не говорил о «типологических связях», а лишь предлагал литературные общности, возникшие без непосредственного взаимодействия, называть «историко-типологическими аналогиями и схождениями»⁷.

И еще одна неясность. Непонятно, какую смысловую нагрузку в определе-

нии «типологических связей» выполняет замечание об осознании «связи самими писателями». Разве что-нибудь может измениться в сущности литературного явления, если оно уже есть, от осознания или неосознания его писателями?

В целом термин «типологические связи» нам кажется мало удачным. В какой-то мере он близок выдвинутому на организованной Институтом мировой литературы дискуссии о взаимосвязях и взаимодействии литератур (1960) понятию «связей по исторически обусловленному сходству литературных процессов»⁸. Но оно не привилось, вызвало возражения⁹. Очевидно, более точным термином для определения литературных общностей, возникающих без непосредственного взаимодействия, следует все же признать не «типологические связи», а «типологические схождения и аналогии», о которых по существу и говорится в упомянутой словарной статье.

Отмечая правомерность и плодотворность включения в «Словарь литературных терминов» статей о сравнительном изучении литератур, надо сказать, что их пока все же недостаточно. В справочнике отсутствует объяснение таких существенных терминов, как «сравнительно-историческое литературоведение», «перевод художественный», «литературный посредник», «литературные связи». Ведь все они уже живут в литературоведении. Об одних только связях в последние годы вышло множество книг¹⁰. Читатель был вправе ожидать статью о них в Словаре. Недостает и таких статей, относящихся к процессу взаимодействия литератур в его широком понимании, как «Литература и изобразительное искусство», «Литература и музыка». Их отсутствие в книге тем более странно, что статьи о взаимо-

⁸ «Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур», стр. 21.

⁹ См. Н. И. Крацов. Вопросы сравнительно-исторического изучения славянских литератур. Вестник МГУ. Серия VII, 1964, № 2, стр. 16; Д. Ф. Марков. Вопросы теории и методологии сравнительного изучения славянских литератур. В кн. Славянские литературы. М., 1973, стр. 33.

¹⁰ Таковы, например, «Русская литература X—XVII веков среди славянских литератур». Л., 1963; «Из истории русско-славянских литературных связей XIX в.». М.—Л., 1963; «Международные связи русской литературы». М.—Л., 1963; «Чехословацко-советские литературные связи». М., 1964; Н. И. Крацов. Запад и Восток. М., 1966; «Славянские литературные связи». Л., 1968; «Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения». М., 1968; «Россия и Запад». Л., 1973, и целый ряд других.

⁷ В. М. Жирмунский. Проблемы сравнительного изучения литератур. В кн. Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур. М., 1961, стр. 54.

действию литературы с кино, радио и телевидением в ней есть.

Перед составителями и авторами Словаря стояли весьма трудные и сложные задачи по обобщению и систематизации современной литературоведческой терминологии. Со многими из них они справились. Естественно, однако, что среди множества статей есть более и менее удачные. Мы коснулись лишь малой их части,

относящейся только к сравнительному изучению литератур, но представляющей тем не менее научный интерес. Может быть, высказанные замечания окажутся полезными при подготовке возможного второго издания «Словаря литературоведческих терминов», так как спрос на такого рода справочные книги всегда велик, в частности и в славянских странах.

Л. С. Кишкин

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1976 г. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Общие вопросы

В е р б и ц к и й А. Новая пятилетка братской Болгарии. Коммунист Вооруж. Сил, 1976, № 10.

Н о в и к о в Н. Г. Строительство социализма в Чехословакии. «Новая и новейшая история», 1976, № 3.

Т ю х т и н И. А. Актуальные теоретические проблемы мировой системы социализма. (Обзор литературы.) Науч. докл. высш. школ. Науч. коммунизм, 1976, № 3.

Ч е р н е й к о Г. Болгария: рубежи развитого социализма. Междунар. жизнь, 1976, № 6.

2. *Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика*

Б а с с В. И. Позиция Югославии по вопросу о режиме судоходства на Дунае (1946—1948 гг.). В кн. Вопросы социально-политического развития социалистических стран. М., 1976.

В а х р а м е е в А. Социализм и мир неразделимы. Междунар. жизнь, 1976, № 6.

Ж и г н я К. Л. Борьба по вопросу о дипломатическом признании правительств Болгарии и Румынии на первом этапе мирного урегулирования (1945). Изв. АН МССР. Сер. обществ. наук, 1976, № 1.

Л и п с к и й А. Е. Вклад Польши в разрядку напряженности в Европе. В кн. Вопросы социально-политического развития социалистических стран. М., 1976.

М а т о х и н а О. А., Ш а х о в ц о в Г. С. Вопрос о создании и деятельности Организации Варшавского Договора в работах А. Корбонского и Р. А. Ремингтон. (Критика одной буржуазной концепции.) В кн. Вопросы социально-политического

развития социалистических стран. М., 1976.

М е р к у л о в а Э. А. Борьба стран социалистического содружества за материализацию разрядки. «Новая и новейшая история», 1976, № 3.

М о р о з о в В. Международное сотрудничество: вымыслы и реальность. «Журналист», 1976, № 6.

М у р а в с к и й В. А. Международные соглашения о нерушимости государственных границ в Европе. «Сборник аспирантских работ Свердл. юрид. ин-та, 1975, вып. 18.

Н а у м о в В. М. Диалектика национального и интернационального в отношениях между социалистическими странами и несостоятельность буржуазных критиков. В кн. Борьба с буржуазной и реформистской идеологией — важнейшее условие коммунистического воспитания. М., 1975.

П е с т р е ц о в В. И. Мюнхенская проблема в ходе нормализации отношений ЧССР и ФРГ. В кн. Вопросы социально-политического развития социалистических стран. М., 1976.

Т р е б к о в А. А. Координация внешнеполитической деятельности социалистических государств. В кн. О некоторых функциях социалистического государства на современном этапе. М., 1976.

Ф е л ь д м а н Д. М. Организация Варшавского социалистического содружества. В кн. Вопросы социально-политического развития социалистических стран. М., 1976.

Ч е л л и н И. Е. В. Участие Чехословакии в работе Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В кн. Вопросы социально-политического развития социалистических стран. М., 1976.

3. Коммунистические партии социалистических стран

Белявский В. Ф. Реформистская фальсификация роли коммунистической партии в политической организации социалистического общества. В кн. Государство и право социалистического общества. Владивосток, 1975.

Кузнецова З. Н. Некоторые аспекты демографической политики КПЧ. В кн. Вопросы социально-политического развития социалистических стран. М., 1976.

Миккульский К. И. Рост народного благосостояния — высшая цель политики коммунистических и рабочих партий стран социализма. Изв. АН СССР. Сер. эконом., 1976, № 3.

4. Экономика. Экономическое сотрудничество

Авдеева И. А. Банки в народном хозяйстве СФРЮ. Эконом. и организация производства, Новосибирск, 1976, № 2.

Адамьян В. О. Экономическое сотрудничество СССР с ПНР. В кн. Братское содружество. (Материал науч. сессии, посвящ. 30-летию Польск. Нар. Республики.) Ереван, 1976.

Арнольд Э. Международные экономические организации, созданные социалистическими странами. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 1.

Балинт Й. Международное социалистическое разделение труда и успехи народного хозяйства ВНР в 1971—1975 гг. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 2.

Бардина М. П. Об источниках права, регулирующих ответственность по внешнеторговым сделкам хозяйственных организаций стран — членов СЭВ. «Проблемы государства и права», 1976, вып. 12.

Бартош М. О проблемах и опыте участия чехословацких профсоюзов в социальном и экономическом планировании. В кн. Роль профсоюзов в экономическом и социальном планировании. Материалы междунар. совещания. Москва, 25 февр.— 2 марта 1974 г. М., 1976.

Бартошек Б. Значение сотрудничества стран — членов СЭВ для развития польской электроэнергетики. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 2.

Батизи Э. Э. Проблемы повышения эффективности капитальных вложений в странах — членах СЭВ и пути их решения. В кн. Вопросы использования капитальных вложений в социалистических странах. М., 1976.

Березин В. Важный фактор подъема экономики развивающихся стран. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 2.

Бештелиу Р. М. К вопросу об изучении двусторонних и многосторонних связей между социалистическими странами — членами СЭВ. В кн. Комплексная программа социалистической экономической интеграции в действии, ч. 1. М., 1976.

Брадистилев Д. Плановое развитие населения и трудовых ресурсов в Народной Республике Болгарии. В кн. Долгосрочное планирование и прогнозирование. Материалы конф. Междунар. эконом. ассоц. Москва, дек. 1972 г. М., 1976.

Братченко Б. Роль угля в топливно-энергетическом балансе стран — членов СЭВ. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 2.

Бугаев Б. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области гражданской авиации. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1976, № 2.

Бух М. Развитие сельского хозяйства в европейских странах СЭВ. Вопр. эконом., 1976, № 5.

Бюманн В. Перспективный план — важнейшая основа совместного проведения работ в области стандартизации. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 2.

Вагнер Р. Развитие сотрудничества стран — членов СЭВ в области градостроительства. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 2.

Вадас З. Новый важный шаг по пути развития общеевропейского экономического сотрудничества. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 1.

Вишнякова И. В. Социалистическая Федеративная Республика Югославия. В кн. Методологические проблемы регионального развития европейских социалистических стран. М., 1976.

Гарывода М. Экономическое сотрудничество Польши со странами — членами СЭВ в свете решений VII съезда Польской объединенной рабочей партии. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 1.

Геффке Х., Ягеман Д. Сотрудничество стран — членов СЭВ в развитии промышленности строительных материалов. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 1.

Головнин Ю. В. Урбанизация и городские агломерации стран СЭВ в условиях научно-технической революции. В кн. Вопросы социально-политического развития социалистических стран. М., 1976.

Гронский Ф. Методологические проблемы анализа жизненного уровня в социалистическом обществе. Изв. АН СССР. Сер. эконом., 1976, № 3.

Губарев А., Мусеев К. Развитие мелиорации в странах — членах СЭВ. Эконом. сельск. хоз-ва. 1976, № 5.

Губинек Б. Экономическое значение научно-технического сотрудничества СССР с социалистическими странами. Эконом. Сов. Украины, 1976, № 4.

Даньшина В. Н. Вопросы структуры производственных капитальных вложений в СССР. В кн. Вопросы использования капитальных вложений в социалистических странах. М., 1976.

Ефремов Л. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области охраны окружающей среды и градостроительства. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 2.

Звонок Д. Сотрудничество фрахтовых и судовладельческих организаций стран — членов СЭВ. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 1.

Злоха Н. Роль обмена опытом в совершенствовании систем планирования и управления народным хозяйством стран — членов СЭВ. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 1.

Иноземцев Н. Н. Экономическая консолидация мировой социалистической системы. Эконом. и организация пром. производства, Новосибирск, 1976, № 2.

Исупов В. Т. Экономическое сотрудничество социалистических стран и капитальные вложения. В кн. Вопросы использования капитальных вложений в социалистических странах. М., 1976.

Калев Ж. А. Оценка и подбор кадров на современном этапе социалистического строительства в Народной Республике Болгарии. Науч. труды Моск. ин-та упр., 1975, вып. 3.

Караваев В. П. О новых формах экономических отношений государств с различным общественным строем. «Деньги и кредит», 1976, № 5.

Караманев Г. Организация оптовой торговли в Болгарии. Сов. торговля, 1976, № 4.

Катушев К. XXV съезд КПСС: за дальнейшее укрепление дружбы и сотрудничества стран социализма. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 2.

Клочко А. Совершенствование внутренней торговли в Польской Народной Республике. Сов. торговля, 1976, № 5.

Колесник В. Из истории советско-польского приграничного экономического сотрудничества. Эконом. Сов. Украины, 1976, № 5.

Коммюнике о 74-м заседании Исполнительного Комитета Совета Экономической Взаимопомощи. (Москва, 13—16 янв. 1976 г.) Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1976, № 1.

Константинеску Р. Диалектика сближения и выражения уровней экономического развития социалистических стран. В кн. Комплексная программа социалистической экономической интеграции в действии, ч. 1. М., 1976.

Кортус Б., Пакула Л. Тенденция пространственного развития и производственные связи Верхне-Силезского промышленного района. Изв. Сиб. отд. АН СССР, 1976, № 6. Сер. обществ. наук, вып. 2.

Крестьянников А., Мартынушкин И. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области метрологии. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1976, № 1.

Лебединская А. Страны СЭВ: новые направления совместной плановой деятельности. Полит. самообразование, 1976, № 6.

Лесечко И. Экономическое сотрудничество СССР со странами — членами СЭВ в свете решений XXV съезда КПСС. План. хоз-во, 1976, № 6.

Лось И. В. Валютные проблемы международных хозяйственных организаций стран СЭВ. «Финансы СССР», 1976, № 3.

Лода Р. Деятельность общего парка грузовых вагонов: итоги и перспективы. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1976, № 2.

Людвигер Э. Расширяется товарооборот Югославии со странами — членами СЭВ. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1976, № 2.

Макар Ю. І. Економічне співробітництво Польської Народної Республіки з європейськими соціалістичними країнами в рамках РЕВ. Укр. слов'янознавство, Львів, 1975, вип. 12.

Мареш Ф. Чехословацко-советское экономическое сотрудничество. Внеш. торговля, 1976, № 6.

Маркевич В. Эволюция социально-профессиональной позиции интеллигенции в Народной Польше. «Проблемы развития социальной структуры общества в Советском Союзе и Польше». М., 1976.

Масленников П. Т. Транспортно-экономические связи стран — членов СЭВ. Тыл и снабжение Сов. Вооруж. Сил, 1976, № 5.

Машихин Е. А., Гридина Н. С. Методологические проблемы сопоставления продукции сельского хозяйства стран — членов СЭВ. Эконом. проблемы эффективности производства, Киев, 1975, вып. 6.

Милачевский Б. Главные направления совершенствования системы планирования и управления народным хозяйством в Польше, участие профсоюзов в этом планировании. В кн. Роль профсоюзов в экономическом и социальном планировании. Материалы междунар. совещания. Москва, 25 февр. — 2 марта 1974 г. М., 1976.

Мирович Л., Линенбург А. Вопросы хозяйственного расчета международных хозяйственных объединений. План. хоз-во, 1976, № 6.

Моторин И. Инвестиционные кредиты зарубежных стран и их эффективность. План. хоз-во, 1976, № 6.

Неуманн Я. Влияние атомной энергетики на структуру топливно-энергетического баланса ЧССР. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 2.

Николаев Л., Тарасов Л. Экономика стран — членов СЭВ в 1975—1976 гг. Обзор. Вопр. эконом., 1976, № 5.

Орловски Р. Проблемы экономического развития Народной Польши за 30 лет (1944—1974 гг.). В кн. Братское сотрудничество. (Материалы науч. сессии, посвящ. 30-летию Польск. Нар. Республики.) Ереван, 1976.

Пал Л. Источники надежд и опасений. Научно-техническая революция. Ее роль в условиях социализма и капитализма. В кн. Две мировые системы: борьба и соревнование. Прага, 1975.

Петров К. Международный симпозиум по применению экономико-математических методов и ЭВМ в сельском хозяйстве. Междунар. с.-х. журн., М., 1976, № 3.

Петровский Б. Постоянная Комиссия СЭВ по сотрудничеству в области здравоохранения. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 1.

Петухов В. Десять лет деятельности Международного общества «Агротех». Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1976, № 1.

Пехливанов В. Нормативная стоимость в хозяйственном механизме Народной Республики Болгарии. В кн. Методология определения издержек производства. М., 1975.

Попов А., Райко Н. Контакты СЭВ в условиях разрядки напряженности. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 1.

Порвит К. Основные задачи и функции долгосрочного планирования. В кн. Долгосрочное планирование и прогнозирование. Материалы конф. Междунар. эконом. ассоц. Москва, дек. 1972 г. М., 1975.

Прокудин В. Углубление и совершенствование научно-технического сотрудничества стран — членов СЭВ. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1976, № 2.

Румянцев А. Опыт сотрудничества стран — членов СЭВ в решении проблем водного хозяйства. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 1.

Рыбалкин В. Совершенствование системы цен в торговле стран — членов СЭВ. План. хозяйство, 1976, № 6.

Рыжов И. Экономика стран — членов СЭВ на подъеме (к итогам 1971—1975 гг.). Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1976, № 1.

Сакевич Т. Плоды братского сотрудничества. Советско-польское экономическое сотрудничество. «Коммунист Белоруссии», 1976, № 4.

Седлачек Я. Организация жилищно-коммунального хозяйства в ЧССР. Жил. и коммун. хоз-во, 1976, № 5.

Семенова Л. С. Особенности инвестиционного процесса в ПНР. В кн. Вопросы использования капитальных вложений в социалистических странах. М., 1976.

Соглашение о создании международной организации по экономическому и научно-техническому сотрудничеству в области электротехнической промышленности «Интерэлектр». Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1976, № 1.

Соглашение об учреждении международного хозяйственного объединения по организации кооперирования производства, поставок оборудования и оказанию технического содействия в сооружении атомных электростанций «Интератомэнерго». Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1976, № 2.

Симво И. Развитие гиганта болгарской химии при содействии друзей. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1976, № 2.

Сокол Т. И. Народная Республика Болгария. В кн. Методологические проблемы регионального развития европейских социалистических стран. М., 1976.

Социальное развитие рабочего класса ЧССР. Рабочий класс и соврем. мир, 1976, № 2.

Степаненко С. Стандарты СЭВ и внешняя торговля стран социалистического сотрудничества. Внеш. торговля, 1976, № 3.

Стоянович Р. Вопросы долгосрочного планирования в Югославии. В кн. Долгосрочное планирование и прогнозирование. Материалы конф. Междунар. эконом. ассоц. Москва, дек. 1972 г. М., 1975.

Тасев И. Участие болгарских профессиональных союзов в экономическом и социальном планировании. В кн. Роль профсоюзов в экономическом и социальном планировании. Материалы междунар. совещания. Москва, 25 февр.—2 марта 1974 г. М., 1976.

Таухман И. К проблеме оптимизации народнохозяйственных структур в условиях социалистической интеграции. В кн. Комплексная программа социалистической экономической интеграции в действии, ч. 1. М., 1976.

Ташнади Э. Подготовка специалистов по патентному поиску и экспертов в рамках Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ). В кн. Роль патентной информации в научно-исследовательской и проектно-конструкторской деятельности. М., 1976.

Тимашев А. К. Чехословацкая Социалистическая Республика. В кн. Методологические проблемы регионального развития европейских социалистических стран. М., 1976.

Тимашев А. К., Вишнякова И. В. Польская Народная Республика. В кн. Методологические проблемы регионального развития европейских социалистических стран. М., 1976.

Томс Г. Сотрудничество в области охраны и улучшения окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 1.

Тягуненко Л. В. Система управления и планирования в экономике Югославии. Эконом. и организация пром. производства. Новосибирск, 1976, № 2.

Фантич С. Новые экономические стимулы повышения рождаемости в Чехословакии. Эконом. Сов. Украины, 1976, № 4.

Хайрих Г. Сотрудничество стран — членов СЭВ в решении проблем защиты атмосферы от загрязнений. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 2.

Халифман Л. Участие Латвийской ССР во внешнеэкономических связях СССР со странами — членами СЭВ в условиях социалистической экономической интеграции. В кн. Латвийская ССР в социалистическом разделении труда. Эконом. связи. Рига, 1975.

Худокормов А. Планомерная организация общественного производства и бессилие ее ревизионистских критиков. Эконом. науки, 1976, № 5.

Чакайда Э. Новые правовые нормы и дальнейшая интенсификация сельского хозяйства ЧССР. Междунар. с.-х. журн. М., 1976, № 3.

Червяков И. В. О многостороннем сотрудничестве стран — членов СЭВ в области патентной информации в рамках Совета Экономической Взаимопомощи. В кн. Роль патентной информации в научно-исследовательской и проектно-конструкторской деятельности. М., 1976.

Червяков И., Виттиг П. Многостороннее сотрудничество стран — членов СЭВ в области патентной информации в рамках Совета Экономической Взаимопомощи. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 1.

Чунтулов А. Развитие кредитных связей «Восток — Запад» в начале 70-х годов. В кн. Международные отношения в условиях разрядки напряженности. М., 1975.

Шабуня В. И. Некоторые проблемы капитальных вложений в НРБ на современном этапе. В кн. Вопросы использования капитальных вложений в социалистических странах. М., 1976.

Ширяев Ю. Социалистическая интеграция и международное экономическое сотрудничество. Мировая эконом. и междунар. отношения, 1976, № 6.

Шрам В. П. Решение проблем повышения материального благосостояния трудящихся СФРЮ. В кн. Вопросы со-

циально-политического развития социалистических стран. М., 1976.

Шульце Р. Некоторые итоги сотрудничества стран — членов СЭВ в области электрической и почтовой связи. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1976, № 1.

5. Государственное строительство. Право

Божичко З., Ханаусек Т. Основные направления развития криминалистики в Польской Народной Республике. Вопр. борьбы с преступностью, 1976, вып. 24.

Вылчев З. М. Некоторые тенденции в отношении болгарской православной церкви к науке. Вопр. научн. атеизма, 1976, вып. 19.

Глічов І. О. Балканські війни (1912—1913 рр.) у висвітленні більшовицької преси. Укр. слов'янознавство, Львів, 1975, вип. 12.

Дубель Л. До питання про функції соціалістичної держави. Вісн. Львівського ун-ту. Сер. юрид., 1976, вып. 15.

Зевец Г. Социологические исследования «традиционного католицизма» в Польше. Вопр. научн. атеизма, 1976, вып. 19.

Калинович В. І. Особливості реформи місцевих органів державної влади і управління в Польській Народній Республіці (1972—1975 рр.). Вісн. Львівського ун-ту. Сер. юрид., 1976, вып. 15.

Керимов Д. А. Свобода личности и социальная активность. В кн. Советская ассоциация политических (государствоведческих) наук. Ежегодник. 1975. Международные отношения, политика и личность. М., 1976.

Колбасов О. Право и управление в области охраны окружающей среды. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1976, № 2.

Лысов М. Ответственность за должностные преступления по законодательству зарубежных социалистических стран. Сов. юстиция, 1976, № 11.

Мечл И. О периодизации развития социалистической демократии. В кн. Демократия и право развитого социалистического общества. М., 1975.

Михалева Н. А. Сущность и особенности конституций зарубежных социалистических государств периода построения развитого социализма. В кн. Демократия и право развитого социалистического общества. М., 1975.

Морозов В. Международные организации стран — членов СЭВ на службе интеграции. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1976, № 1.

Проконец Я. Право на здоровье. Постановка медицинского дела в ЧССР. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1976, № 1.

Ромуль Я. Демократизация права граждан на объединение в Народной

Польше. В кн. Демократия и право развитого социалистического общества. М., 1975.

Рышард П. Становление и развитие государственной формы народной государственности в Польше (1944—1947). В кн. О некоторых функциях социалистического государства на современном этапе. М., 1976.

Савранская Т. Дело государственной важности. Соц. обеспечение, 1976, № 5.

Скшидло В. Генезис и развитие социалистического строя в Народной Польше. В кн. Братское содружество. (Материалы науч. сессии, посвящ. 30-летию Польск. Нар. Республики.) Ереван, 1976.

Тихомиров Ю. А. Политическая власть и личность при социализме. В кн. Советская ассоциация политических (государствоведческих) наук. Ежегодник. 1975. Международные отношения, политика и личность. М., 1976.

Топорнин Б. Н. Научно-техническая революция и социалистическое государство. В кн. Советская ассоциация политических (государствоведческих) наук. Ежегодник. 1975. Международные отношения, политика и личность. М., 1976.

Холмогорова М. Г. Коммунисты и демократические партии в условиях строительного социализма. Научн. докл. высш. школы. Науч. коммунизм, 1976, № 3.

Чушенко В. I. Компетенція Народних зборів Народної Республіки Болгарії. Вісн. Львівського ун-ту. Сер. юрид., 1976, вып. 15.

Шевцова Л. Ф. Эволюция многопартийной системы в ПНР. В кн. Вопросы социально-политического развития социалистических стран. М., 1976.

Шреняевский Я. Господарський контроль в ПНР. Вісн. Львівського ун-ту. Сер. юрид., 1976, вып. 15.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1976, № 2

№ 2

И. Зарчев. XX лет Апрельскому пленуму Центрального комитета Болгарской коммунистической партии; Д. Даскалов. О международной деятельности Васила Коларова в период работы III и IV конгрессов Коминтерна (1921—1923); Сн. Панова. Торговые связи между болгарскими землями и Трансильванией в XVII в.

№ 3

XI съезд БКП и болгарские историки; С. Арабаджиев. Интернационализм БКП в творчестве Димитра Благоева (1885—1917); Ст. Димитрова. Идеологическая борьба Д. Благоева против правого оппортунизма (1917—1924).

«Kwartalnik Historyczny», 1976, № 1

И. Бежуньская - Маловист. Социальное положение рабов в Египте в эпоху Птолемея; Р. Людвиговский. Между романтическим энтузиазмом повстанцев и органическим трудом; М. Новак - Келбикова. Из истории польских эмигрантов в Англии в годы межвоенного двадцатилетия. 1919—1939; П. Лоссовский. Ленинская концепция создания СССР.

Е. Топольский. Революция в новой и новейшей истории (XVII—XX вв.); Х. Шеель. О некоторых особенностях немецкого Просвещения; С. Сенковская - Глюк. Жорж Лефевр — историк французской революции; И. Петжак - Павловская. Первая промышленная революция и проблемы асинхронизма в общественном развитии; А. Чубинский. «Революция или реформа» в Центральной Европе в XX в.; Т. Г. Галль. Следует ли рассматривать американскую революцию как республиканское течение в Британской империи?; М. Войцеховский. Соединенные Штаты Северной Америки и Центральная Европа в межвоенный период (1918—1939—1941); Б. Гжелоньский. Поляки и война Соединенных Штатов Америки за независимость; В. Дьяков. Варшавская конспиративная организация 1848 г.

«Létopis», 1976, № 23/1

Э. Фридман. Проведение демократической земельной реформы в округе Каменец; Ф. Метшк. Абсолютизм и го-

род с последней трети XVII в. до приблизительно 1740 г. в тогдашней сербской языковой области.

«*Ceskoslovenský časopis historický*», 1976,
№ 3

После XV съезда КПЧ; И. И. Милиц. Великий Октябрь и общественный прогресс человечества; Я. Млыски. Историческое значение VIII съезда Коммунистической партии Чехословакии; М. Мартинек. Пассивное сопротивление железнодорожных служащих в 1905—1907 гг.; И. Кейрж. К началу наших городов.

«*Slovanský přehled*», 1976, № 3

М. Шестак. Палацкого «идея государства австрийского»; В. Штястны. О политической активности Франтишка Палацкого в период восстановления конституционной жизни; М. Шмерда. Франтишек Палацкий и чешская национальная идеология в период Возрождения; З. Шимечек. О методологии произведений Франтишка Палацкого (К вопросу о непрерывности изучения); Л. Гавлик. Концепция Палацкого о начале чешской истории и истории славян в политической программе национального Возрождения; Я. Микулка. Франтишек Палацкий и польский вопрос.

V ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ СССР И НРБ

В конце мая — начале июня 1976 г. советские ученые участвовали в работе очередного заседания Комиссии историков СССР и НРБ и мероприятиях, проводившихся Болгарской академией наук в связи со столетием Апрельского восстания 1876 года и гибели Христо Ботева.

V научно-организационное заседание комиссии историков СССР и НРБ состоялось в Софии 26 мая 1976 г. С советской стороны в нем приняли участие: акад. Е. М. Жуков, Л. Б. Валиев, В. И. Злыднев, А. А. Улуянц, П. С. Сохань, К. А. Поглубко, Е. Е. Чертан и В. П. Чорный. С болгарской стороны в заседании участвовали: акад. Д. Косев, акад. Х. Христов, чл.-корр. БАН Н. Тодоров, чл.-корр. БАН В. Хаджиниколов, чл.-корр. БАН Д. Ангелов, Й. Йотов, С. Колев, А. Нанков.

С отчетным докладом о деятельности Комиссии на протяжении 1971—1975 гг. выступил акад. Д. Косев.

На заседании был обсужден план мероприятий в связи со 100-летием русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и освобождением Болгарии от османского ига. Было решено провести: 1) в апреле 1977 г. в Кишиневе — научную сессию на тему «Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии»; 2) весной 1978 г. в Плевене — научную сессию на тему «Россия, русско-турецкие войны и судьба Балкан в XIX веке», 3) в 1978 г. в Москве — международную конференцию в связи со 100-летием русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и освобождением балканских народов.

В связи с 60-летием Великой Октябрьской социалистической революции, наряду с участием болгарских ученых в торжествах в Москве, намечено провести в 1977 г. в Софии международную конференцию на тему: «Союзники пролетариата

в Великой Октябрьской социалистической революции и народно-демократические революции».

Было одобрено также предложение подготовить план научных мероприятий, посвященных 1300-летию основания болгарского государства (1981 г.).

Кроме того, предусмотрено содействие научным учреждениям в обеспечении ритмичного и своевременного выполнения планов совместных работ, привлечение советских историков-болгаристов к работе второго конгресса Болгарского исторического общества (октябрь 1976 г.), обмен научной информацией и преподавателями, содействие в подготовке молодых специалистов-историков, подборе и рекомендации исторической литературы для перевода и публикации соответственно в СССР и НРБ и др.

В рамках Комиссии историков СССР и НРБ 26 мая 1976 г. был проведен научный симпозиум на тему: «Русско-болгарские отношения со второй половины XIX века до 1917 года». На нем присутствовали, наряду с членами Комиссии, сотрудники институтов истории, балканистики, этнографии и археологии БАН, Института военной истории Министерства народной обороны НРБ, ряда музеев Софии, преподаватели Софийского университета, представители и активисты Всенародного комитета болгаро-советской дружбы и др. Открывая симпозиум, председатель болгарской части Комиссии акад. Д. Косев рассказал о роли Комиссии в осуществлении сотрудничества советских и болгарских историков: «Наша комиссия, — заявил он, — собирается в обстановке, отмеченной такими крупнейшими событиями в жизни обоих народов, как XXV съезд КПСС и XI съезд БКП, в обстановке торжественного чествования 100-летия одного из самых светлых собы-

тий в истории Болгарии — Апрельского восстания. Работа Комиссии расширяется из года в год. Ныне она проходит в обстановке всенародного подъема, всестороннего сближения и интеграции СССР и НРБ. Марксистско-ленинская наука обеих стран всегда способствовала этому сближению.!

Председатель советской части Комиссии акад. Е. М. Жуков остановился в своем выступлении на решениях XXV съезда КПСС и задачах исторической науки. Советские историки сосредоточивают основное внимание на создании фундаментальных трудов по актуальным проблемам, трудов, содержащих глубокие теоретические обобщения и анализ исторического процесса, раскрывающих механизм действия законов общественного развития, показывающих роль классов, крупных общественных движений. Вместе с тем, перед советскими учеными стоит задача укреплять связь исторической науки с практикой, с социалистическим и коммунистическим строительством. «Наши контакты с братскими странами и, в частности, с Болгарией, — заявил в заключение Е. М. Жуков, — должны помогать общему движению вперед. Мы постараемся внести свой скромный вклад в юбилейные заседания, посвященные Апрельскому восстанию».

В. Д. Конобеев в докладе «Апрельское восстание в Болгарии и Россия» (соавтор доклада — В. И. Мазаев) проанализировал политику официальной России в отношении Болгарии в период от Апрельского восстания до начала русско-турецкой войны 1877—1878 гг., а также постановку русской дипломатией вопроса о национальном государственном статусе Болгарии.

С докладами и научными сообщениями на симпозиуме выступили также болгарские историки: Е. Михайлов («О болгаро-русских связях в X веке»), Г. Ставрев («Апрельское восстание и русско-болгарское братство»), Г. Германов («Апрельское восстание и русская литература»), Е. Стагелова и А. Пантев («Роль России в формировании внешней политики Болгарии 1879—1885 гг.»), А. Веков («Болгаро-русские революционные связи с конца XIX в. до Великой Октябрьской социалистической революции»).

27—28 мая 1976 г. в большом зале Болгарской академии наук проходила национальная научная сессия, посвященная 100-летию Апрельского восстания 1876 г. Она была организована Единым центром науки и подготовки кадров по истории и Институтом истории БАН. На сессии присутствовали секретарь ЦК БКП О. Дойшов и другие официальные лица, видные болгарские историки, представители широкой научной общественности, а также историки из Советского Союза, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии, Австрии, Греции, Франции, ФРГ, США. На пленарном заседании и двух секциях («Апрельское восстание — вершина болгарской национальной революции» и «Международные аспекты Апрельского восстания») было заслушано свыше 30 докладов.

Вице-президент БАН и председатель Национального комитета болгарских историков акад. Д. Косев выступил с обобщающим докладом об Апрельском восстании. Акад. Х. Христов проанализировал глубокие социально-экономические корни Апрельского восстания, показал его характер и движущие силы, остановился на месте и роли отдельных социальных слоев болгарской нации в подготовке и проведении восстания. В докладе «Апрельское восстание и Восточный кризис» чл.-корр. БАН Н. Тодоров подчеркнул, что болгарское национально-освободительное движение было обусловлено прежде всего внутренним общественно-экономическим развитием страны. Без Апрельского восстания, заявил докладчик, не создались бы благоприятные условия для решительной дипломатической акции России, для освободительной русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Освобождение Болгарии пришло не с Запада, не путем каких-то компромиссов и уступок, а со стороны России.

С докладами выступили также В. Паскалева («Формирование болгарской нации и национальная революция»); К. Шарова («Болгарский национальный вопрос в европейских взаимоотношениях»), Н. Генчев («Основные направления политической мысли в период Возрождения и Апрельское восстание»), К. Косев («Социально-экономические предпосылки болгарской национальной революции»),

Д. Дойнов («Революционное движение в Юго-Западной Болгарии в 1876 г.»), Й. Митев («Константинопольская печать и Апрельское восстание»), О. Маждракова («Апрельское восстание и достижения болгарского национально-революционного движения»), Ц. Генов («Участие болгар в сербско-турецкой войне»), Р. Радкова («Болгарская интеллигенция и Апрельское восстание»), М. Велева («Болгарская историография и Апрельское восстание»).

Советские историки прочитали следующие доклады: Л. Б. Валев — «Советская историография об Апрельском восстании 1876 г.», К. А. Поглубко — «Вооруженная борьба болгарского народа и революционная общественность России (60-е — 70-е годы XIX в.)», В. П. Чорний — «Революционный кризис в Болгарии в конце 1875 и начале 1876 гг.», П. С. Сохачь — «Украина и Апрельское восстание», Е. Е. Чертан — «Обострение Восточного кризиса в 1875—1878 гг. и Румыния». В. Д. Конобеев в сообщении «В. И. Ленин об Апрельском восстании» рассказал о материалах, которыми пользовался вождь мирового пролетариата для изучения событий 1876 года в Болгарии. В. И. Ленин подвергал строжайшей проверке данные буржуазных историков. Он дал глубокий социально-экономический и классовый анализ Апрельского восстания и национально-освободительного движения периода русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Как показал в своем выступлении А. А. Улунян, национально-освободительная борьба болгарского народа получила широкое освещение в русской периодической печати самых различных направлений. Апрельское восстание всколыхнуло русскую общественность, которая энергично выступила в защиту болгарского народа.

С докладами и сообщениями выступили ученые и из других стран: Р. Порталь (Франция) — «Французская общественность и печать об Апрельском восстании», Т. А. Майнигер (США) — «Болгарская интеллигенция в эмиграции после Апрельского восстания», В. Биль (Австрия) — «Позиция Австро-Венгрии по болгарскому вопросу с начала Апрельского восстания до провозглашения османской конституции (23 декабря 1876 г.)», Р. Шалер

(ФРГ) — «Восточный кризис и Германия (1875—1878 гг.)», Дж. Кларк (США) — «Джордж Уошборн и создание Болгарии», К. Велики (Румыния) — «Румыния и Апрельское восстание», С. Пападопулос (Греция) — «Политика Греции в период Восточного кризиса 1875—1878 гг. и подготовка восстания поработанных греков в районе горы Олимп в Македонии», Э. Палоташ (Венгрия) — «Австро-Венгрия и Восточный кризис», П. Хапак (ЧССР) — «Отражение Апрельского восстания в словацкой печати», Й. Сковронек (Польша) — «Польское общественное мнение и, в частности, польская пресса в период Апрельского восстания», Х. Вольтер (ГДР) — «Отношение немецкой социал-демократии к национально-революционному движению балканских народов и к политике европейских великих держав в период Восточного кризиса (1875—1878 гг.)», Н. Чакир (Румыния) — «Действия румынской дипломатии в период Восточного кризиса, направленные на провозглашение независимости Румынии».

Сессия привлекла значительное число слушателей, получила широкое освещение в болгарской печати и радио.

Члены Комиссии историков СССР и НРБ приняли также активное участие в состоявшейся 30 мая 1976 г. во Враце научной сессии, посвященной 100-летию подвига Христо Ботева и его отряда. Она была организована Болгарской академией наук, врачанскими окружным и городским народными советами. С приветствием к участникам сессии обратился секретарь Врачанского окружного комитета БКП К. Луканов. Акад. Х. Христов представил собравшимся иностранных гостей, сообщил, что в зале присутствуют акад. Сава Гановский и внучка Кирилла Ботева (брата Христо Ботева) Венета. С большим интересом был выслушан доклад виднейшего болгарского ботевоведа И. Унджиева, который дал развернутую характеристику идеологии великого поэта и революционера. В докладе В. И. Злыднева «Творчество Х. Ботева в оценке русской литературной общественности» были охарактеризованы переводы произведений поэта на русский язык с 80-х годов XIX в. до наших дней. Особое внимание докладчик уделил советским изданиям, в которых участвовали С. Го-

родецкий, А. Сурков и Л. Мартынов. 14 отдельных изданий Ботева на русском языке и на языках народов Советского Союза — свидетельство его огромной популярности у советских читателей. Высоко ценили наследие Х. Ботева не только ученые-слависты, авторы монографических исследований, но и видные советские писатели — М. Горький, А. Виноградов, Д. Заславский. Как отметил В. И. Злыднев, они справедливо ставили имя Х. Ботева в один ряд с выдающимися революционными поэтами и публицистами XIX столетия.

Советский историк К. А. Поглубко выступил на тему «Христо Ботев и русское революционное движение», а К. Велики (Румыния) — «Христо Ботев и румынская общественность». В докладах болгарских историков были рассмотрены темы: «Национальное революционное дви-

жение в Европе и Христо Ботев» (К. Шарова), «Христо Ботев и французская политическая мысль» (Н. Генчев), «Христо Ботев в России в 1875 г.» (Ц. Генев), «Сочинения Х. Ботева за рубежом» (В. Трайков), «III Врачанский революционный округ и Апрельское восстание» (В. Харизанов), «Один образ в поэзии Ботева» (Ц. Унджиева), «Польские друзья Христо Ботева» (Д. Дойнов), «БКП и чествования Ботева» (И. Райкински). В своем заключительном слове акад. Х. Христов отметил высокий научный уровень и важное значение сделанных докладов.

31 мая участники сессии поднялись на вершину Околчица и посетили место гибели Христо Ботева. На следующий день они побывали в Копривштице, где осмотрели памятные места, связанные с Апрельским восстанием.

Л. Б. Валев

РОЛЬ СЛАВЯНСКИХ МАТИЦ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ (К 150-ЛЕТИЮ МАТИЦЫ СЕРБСКОЙ)

В процессе национального возрождения славянских народов заметную роль сыграли славянские матицы, которые способствовали объединению усилий многих деятелей возрождения, стремившихся к укреплению позиций своих национальных культур, к пропаганде отечественной книги и развитию литературы на родном языке, к просвещению и воспитанию своего народа как национального коллектива.

Возникновению матиц у южных и западных славян и их исторической миссии в развитии национальных культур было посвящено очередное заседание ленинградского отделения Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики, приуроченное к 150-летию первой славянской матицы. В заседании, состоявшемся 19 марта 1976 г., приняли участие сотрудники ряда ленинградских научных учреждений: Института этнографии АН СССР им. Миклухо-Маклая, Ленинградского государственного университета им. Жданова, Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематогра-

фии, Государственного музея этнографии, Института языкознания АН СССР, Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина и других, а также научный сотрудник Института народоведения Академии наук ГДР, доктор Мартин Каспер.

С докладом «150-летие Матицы сербской» выступил проф. В. Е. Гусев (ЛГИТМиК), познакомивший собравшихся с историей появления журнала «Сербски летопис» и организацией Матицы сербской, начавшей свою деятельность в Пеште 16 февраля 1826 г. Для истории славистики особый интерес представляет начальный период деятельности Матицы сербской, которая была создана как фонд для поддержания журнала, виреде именованного «Летопис Матице српске».

Показав участие в создании журнала и фонда таких деятелей сербского возрождения, как Г. Магарашевич, Л. Мушицкий, Й. Хаджич, и словацкого ученого П. Й. Шафарика, докладчик подчеркнул, что первоначально журнал имел отчетливо выраженный культурологический и славистический облик. Там пуб-

ликовались статьи по литературе, языкознанию, истории, этнографии и фольклору не только сербского, но и других славянских народов.

Остановившись особенно на фольклорно-этнографических материалах «Летописа», В. Е. Гусев сделал вывод, что в этой области журнал занимал прогрессивную позицию, объективно совпадающую с программой Вука Караджича и дополнявшую ее более широким охватом славянской этнографии в целом.

В заключении В. Е. Гусев познакомил аудиторию с неопубликованными рукописными заметками П. Й. Шафарика на полях первых номеров «Летописа», поясняющими обстоятельства их издания и комментирующими некоторые материалы.

В выступлении доц. И. М. Порочкиной (ЛГУ) «Первые годы существования Матицы чешской» были раскрыты условия ее возникновения и определено значение ее деятельности в 30—40-е годы XIX в. История Матицы чешской теснейшим образом связана с Чешским Национальным Музеем (основан в 1818 г.) и его журналом «Часопис чешского музея» (выходит с 1827 г.), которые во многом предвосхитили идеи, заложенные в Матице. Инициаторы создания и первые деятели Матицы Ф. Палацкий, Й. Юнгман и другие видели главную свою задачу в распространении знаний и активизации творчества на чешском языке, а потому особенно много внимания уделяли формированию чешского литературного языка и выработке его норм. Для выполнения поставленных задач требовались значительные материальные средства и расширение издательских возможностей, в связи с чем Матица чешская возникла как денежный фонд, созданный путем добровольных пожертвований для издания «полезных чешских книг, особенно научных, и сочинений изящной словесности», как говорилось в «Обращении к чешским патриотам», напечатанном 1 января 1831 г. в «Часописе чешского музея». Это начинание встретило всеобщее одобрение и поддержку.

И. М. Порочкина показала, что Матица стала первым чешским издательством нового типа, ориентировавшимся прежде всего на издание научной литературы и внесшим существенный вклад в укреп-

ление авторитета славянской науки в Европе. Именно Матица чешская подготовила и выпустила в свет такие основополагающие труды в области чешского языка и литературы и славистики в целом, как пятитомный «Чешско-немецкий словарь» и «История чешской литературы» Й. Юнгмана, «История чешского народа в Чехии и на Мораве» Ф. Палацкого, «Славянские древности» П. Й. Шафарика и многие другие.

С большим интересом выслушали собравшиеся рассказ гостя из ГДР М. Каспера о Лужицкосербской матице, которая возникла под сильным влиянием чешской культуры и Матицы чешской. В Праге на Малой стране находился Лужицкий семинар, где воспитывались кадры лужицкого духовенства. Среди его преподавателей были такие выдающиеся чешские ученые, как Добровский, Юнгман, Палацкий, Ганка. Учениками этого семинара являлись будущие деятели серболужицкого возрождения Я. П. Йордан, Чишинский.

Лужицкая культура XIX в., как показал М. Каспер, питалась многими славянскими источниками. Многие серболужичане получали образование во Вроцлаве (Ян Смолар), знакомились со славянскими студентами из разных стран, учась в Лейпцигском и Йенском университетах. В последнем учились Я. Коллар и П. Й. Шафарик, которые и познакомились там с лужицкими студентами. В 1841 г. в Верхних и Нижних Лужицах побывал И. И. Срезневский.

Все это способствовало оживлению культурной жизни и распространению идей возрождения среди лужицких сербов. Однако, как подчеркнул докладчик, решающие условия для создания Лужицкой матицы, выражавшей культурно-национальные устремления своего народа, зрели внутри самой страны, где в 30—40-е годы XIX в. начался подъем национального движения.

М. Каспер рассказал о возникновении «Лужицкой матицы сербской» (1847), ставшей общественным центром, объединившим национальные силы и поддерживавшим национальное самосознание лужицких сербов. Подобно другим славянским матицам, Лужицкая матица име-

ла свой печатный орган — ежегодник «Часопис мачице сербске».

В заключение М. Каспер напомнил о трагической судьбе Луужицкой мачицы в годы фашистского господства в Германии — в 1937 г. богатые коллекции Национального музея были уничтожены, а мачица запрещена. В наши дни мачица входит в Институт народоведения Академии наук ГДР.

Проф. П. А. Дмитриев (ЛГУ) осветил основные этапы борьбы деятелей хорватского национального возрождения за создание Хорватской мачицы. План создания такого общества зародился у руководителя иллирийского движения Л. Гая еще в 1829 г. во время его встречи с Я. Колларом. В 1836 г. он выступил с предложением создать «Общество друзей иллирийского просвещения», которое бы заботилось о развитии национального языка и литературы, о подъеме духовной культуры народа, о появлении на национальном языке научных трудов в различных областях знаний и т.п. Однако в течение нескольких лет хорватские патриоты не могли добиться разрешения властей на создание такого общества.

В это время в Хорватии стали возникать иллирийские читальни. В 1838 г. такая читальня была создана в Загребе, ее деятельность приобрела общехорватское значение. В 1842 г. при читальне был создан особый денежный фонд, состоявший из добровольных пожертвований, для издания книг на национальном языке, получивший название «Мачица иллирска».

Охарактеризовав деятельность Мачицы иллирийской (с 1874 г. она стала называться Мачицей хорватской), П. А. Дмитриев высоко оценил ее заслуги в формировании национального самосознания Хорватии, в развитии национального языка, науки, литературы и культуры, укрепления сотрудничества с другими, прежде всего славянскими, литературами.

М. Л. Бершадская (ЛГУ) рассказала о Словенской мачице, возникновение которой относится к периоду, когда уже существовали сербская, чешская, серболужицкая, галицкая, далматинская, иллирийская, моравская и словацкая мачицы.

Как отметила докладчица, до 1848 г. культурные деятели Словении были поглощены проблемами, связанными с созданием национального литературного языка и своего алфавита. Только после этого можно было приступить к решению следующей задачи — изданию книг на родном языке. Первое словенское издательство «Общество св. Мохора» (1852), распространявшее книги религиозного и практически-хозяйственного содержания, не могло удовлетворить нужд развития национальной научной и художественной литературы, поэтому среди словенской духовной и светской интеллигенции продолжалась борьба за создание своей мачицы.

4 февраля 1864 г. было получено официальное разрешение на создание Словенской мачицы. Первому этапу в деятельности мачицы был свойственен просветительский характер, главной целью было издание учебников и введение словенского языка в школе. Вместе с тем уже тогда был налажен книгообмен с аналогичными обществами в других славянских землях. Особенно значительны были связи с Россией. Русофильская ориентация проявлялась и в издании произведений русских классиков. В дальнейшем Словенская мачица становится центральным культурным учреждением Словении, поддерживавшим многие национальные начинания.

Словенская мачица продолжала играть важную роль в межвоенный период, особенно значителен ее вклад в организацию Словенского университета (1919) и Академии наук (1938). В годы войны мачица прервала свою работу, присоединившись к политике «культурного молчания». После войны она вновь активизировала свою деятельность, сосредоточив ее на издании произведений современной словенской литературы.

Выступившая в прениях доц. Г. А. Лилич (ЛГУ) обратила внимание собравшихся на то, что деятельность Мачицы чешской в первые годы ее существования может служить примером для изучения расстановки сил в чешском национальном движении первой половины XIX в. и подчеркнула, что участие в создании и деятельности мачицы стало поворотным моментом в судьбе крупнейшего

деятели чешского национального возрождения Й. Юнгмана.

Председатель ЛО Научного совета по комплексным проблемам славяноведения и балканистики проф. А. С. Мыльников отметил, что избранная форма обсуждения проблемы — своего рода микросимпозиум — оказалась очень удачной. Она дала возможность увидеть, как протекали сходные процессы по созданию матиц у разных славян.

Комплексное рассмотрение, — продолжал он, — интересно с типологической точки зрения. Оно помогает оценить моменты сходства и различия в развитии разных славянских народов на таком важном этапе, как период формирования

наций. Отсюда можно перейти к сопоставлению культурных процессов, проходивших в этот период не только у славян, но и у других народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

Представленные на обсуждение доклады, указал А. С. Мыльников, продемонстрировали тесную связь и взаимовлияние славянских культур, проявившиеся в деятельности матиц.

Закрывая заседание А. С. Мыльников выразил надежду, что подобные встречи и обсуждения проблем развития славянских народов совместными усилиями ученых разных специальностей принесут пользу славистической науке.

Н. К. Жакова

СИМПОЗИУМ ЯЗЫКОВЕДОВ В МИНСКЕ

В рамках осуществления Плана научного и культурного сотрудничества между Белорусским государственным университетом имени В. И. Ленина и Софийским университетом имени К. Охридского (НРБ) 26—29 мая 1976 г. в Минске состоялся совместный симпозиум языковедов двух университетов на тему «Белорусско-болгарские типологические и генетические языковые связи». В симпозиуме также приняли участие представители Института славяноведения и балканистики АН СССР и Института языкознания АН БССР.

23 доклада советских и болгарских авторов, представленные к обсуждению на симпозиуме, были посвящены общим и частным проблемам исторической и современной лексикологии, сопоставительного изучения грамматического строя и словообразования белорусского и болгарского языков на фоне прочего славянского языкового материала.

В докладе И. Лекова (НРБ) — «Сопоставительный анализ белорусского и болгарского языков в рамках родственного отношения между двумя языками» очерчивался круг общих явлений в структуре белорусского и болгарского языков и вскрывались корни этой общности — либо генетические (родственные явления), либо типологические (параллельные ин-

новации). Примеры такой общности в свете общих вопросов этногенеза славян исследовались в докладах Г. А. Цыхуна (АН БССР) — «К проблематике белорусско-болгарских языковых связей», Н. И. Толстого и С. М. Толстой (АН СССР) — «К вопросу о белорусско-(полесско-)болгарских этно-лингвистических соответствиях» и В. В. Мартынова (АН БССР) — «К интерпретации белорусско-болгарских изолекс». В докладе А. Е. Супруна (БГУ) — «Белор. диал. жураць — болг. диал. журия» речь шла о конкретных примерах формального и семантического распределения праславянского лексического наследия в современных языках, а в докладе Н. Б. Мечковской (БГУ) — «О пазваниях словаря в восточнославянских и южнославянских языках» затрагивались проблемы становления национальных терминологий.

Лингвистические и методические проблемы изучения русского языка в условиях неполного близкородственного билингвизма были темой доклада «Вопросы изучения русского языка в Болгарии и в Белоруссии» Р. Павловой (НРБ).

Различным аспектам лексико-семантической системы сравниваемых языков были посвящены доклады Б. А. Плотникова (БГУ) — «Однокоренная лексика болгарского и белорусского языков» и

А. М. Калюты (БГУ) — «Некоторые ассоциативные связи названий лиц в болгарском языке». Доклад К. М. Гюлмуянц (БГУ) назывался «Некоторые наблюдения над фразеологией болгарского языка в сравнении с восточнославянской».

На симпозиуме обсуждались проблемы универсальных семантических категорий и их выражения при помощи специфических языковых средств различной степени грамматикализованности. Этому были посвящены доклады Л. Лашковой и Л. Куевой-Шверчек (НРБ) — «О некоторых функциональных соответствиях болгарского артикля в белорусском языке», А. Е. Михневича (АН БССР) — «Именные количественные словосочетания в белорусском языке на фоне болгарского», И. Куцарова (НРБ) «Пересказывательные формы в современном болгарском литературном языке и их соответствия в белорусском».

В докладе В. А. Карнова (БГУ) «Употребление предлогов в болгарских и белорусских текстах» говорилось о перераспределении синтаксических функций предлогов и других следствий аналитизма имени в болгарском языке. Я. Бычваров (НРБ) представил на симпозиум доклад «О некоторых особенностях порядка слов в болгарском и белорусском языках», в котором специфика материала двух языков исследовалась через призму основных функций словоупорядка. Доклад Б. Ю. Нормана (БГУ) — «Синтаксическое значение и перевод с языка на язык» был посвящен конструктивно-синтаксическим единицам (позициям), которые, с одной стороны, обладают своим собственным синтаксическим значением, а с другой стороны, служат средством организации лексики. Другой доклад того же автора назывался «Система указательных местоимений в белорусском и болгарском языках».

В докладах И. Буюклиева (НРБ) — «Из истории относительного подчинения в белорусском и болгарском языках» и М. А. Муталимовой (БГУ) — «Дательный самостоятельный в древнеболгарском и в старобелорусском переводах» исследовались проблемы исторического синтаксиса славянских языков.

С. Иванчев (НРБ) в докладе «О новом семантико-словообразовательном типе глаголов болгарского языка в сравнении с соответствующими белорусскими глаголами» и Г. К. Венедиктов (АН СССР) в докладе «К семантической характеристике редкого типа глаголов в болгарском языке» анализировали некоторые особенности болгарской глагольной префиксации (в первом случае речь шла о возвратных глаголах с *само-*, во втором — о совершенновидовых глаголах с начальным префиксом *за-*). Доклады М. Караанговой (НРБ) — «Суффиксы эмоциональной оценки со специальной консонантной характеристикой в белорусском и болгарском языках» и Н. А. Павленко и Н. Н. Павленко (БГУ) — «Существительные *Nomina agentis* болгарского языка в сопоставлении с данными белорусского языка» были посвящены общим и специфическим чертам в словообразовании двух родственных языков.

Участники симпозиума приняли рекомендацию, в которых отмечается плодотворность сопоставительно-типологического и сопоставительно-исторического изучения лексики и грамматики белорусского и болгарского языков. Такие исследования, говорится в рекомендациях, дают возможность продолжить отработку методики сопоставительного анализа языков, позволяют углубить наши знания об универсальных свойствах языков, уточнить представления о той совокупности черт, которая характеризует славянскую общность на данном этапе, вскрыть специфические черты в структурах сравниваемых языков. Она, наконец, способствует улучшению практической работы по преподаванию болгарского и белорусского (а также русского) языков в соответственно белорусской и болгарской аудиториях. Исходя из этого, представители языковедов Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина и Софийского университета имени К. Охридского планируют в течение ближайшего десятилетия подготовить капитальное совместное исследование «Очерки по сопоставительной характеристике белорусского и болгарского языков».

Б. Ю. Норман

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ ТРЕТЬЯКОВ

После долгой болезни 12 июня 1976 г. скончался Петр Николаевич Третьяков, выдающийся советский археолог, крупный историк-славист, член-корреспондент Академии наук СССР.

Петр Николаевич родился в 1909 г. В 1930 г. он окончил Ленинградский университет. Опыт, знания и трудолюбие учителя-археолога П. П. Ефименко, его школа, строгая, систематическая, оказали огромное влияние на всю жизнь Петра Николаевича. Девизом, целью научной жизни его была полевая археология. Не кабинетный и даже не лабораторный ученый, а именно полевик-археолог жил в его душе, в его творчестве.

Он занимался раскопками в ареале поселений восточных славян и балтов, пытаясь создать линию этнического генезиса славян.

В 1931 г. Петр Николаевич издал монографию «Костромские курганы» (ИГАИМК, т. 10). Позже в результате длительных раскопок он написал серию крупных монографий о древностях славян, финнов и балтов. Серия эта — «К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э.» (МИА, т. 5, М.—Л., 1941), «Северные восточнославянские племена» (МИА, т. 6, М.—Л., 1941), «Древнерусские поселения на Дону» (МИА, т. 8, М.—Л., 1948, совместно с П. П. Ефименко), «Чаплинское городище» (МИА, т. 70, М., 1959), «Древние городища Смоленщины» (М.—Л., 1963, совместно с Е. А. Шмидт) — дала огромный импульс для серьезных исследований археологов и историков проблемы происхождения славян и формирования славянской народности в период раннего феодализма.

Занимаясь полевой археологией, Петр Николаевич выступал и как историк, публикуя интересные синтетические или обзорные работы по истории славян: «Под-

сечное земледелие в Восточной Европе» (ИГАИМК, 1932, т. 14, в. I), а также главы «Сельское хозяйство и промыслы» в кн. «История культуры древней Руси. Домонгольский период», т. I (М.—Л., 1948), «Первобытно-общинный и рабовладельческий строй на территории Чехословакии» в кн. «История Чехословакии», т. I (М., 1956) и т. д.

Но самым крупным трудом такого синтетического типа была книга «Восточнославянские племена» (изд. 2, М., 1953). С большим искусством, с блеском Петр Николаевич Третьяков обрисовал перемещение славян в Великом переселении народов, борьбу славян с Восточно-Римской империей и образование древнерусской народности. Труд «Восточнославянские племена» — настольная книга для археологов и историков, советских и зарубежных.

В том же ряду стоят еще две замечательные книги: «Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге» (М.—Л., 1966) и «У истоков древнерусской народности» (Л., 1970). Обе работы, несмотря на большой новый материал, глубокие наблюдения, эрудицию, мастерство и широкие, смелые взгляды историка, все же являются дискуссионными. Петр Николаевич в последние годы жизни и сам, безусловно, не считал, что эти работы были окончательным решением проблемы славянского этногенеза. Более того, он иногда даже отходит от прежних взглядов на развитие этногенеза славян (см. «Предисловие» П. Н. Третьякова в сб. «Раннесредневековые восточнославянские древности». Л., 1974). И тем не менее обе книги настолько серьезные исследования, что без учета их археологи, историки и даже лингвисты и этнографы не смогут развивать далее исследования проблемы славянского этногенеза.

Петр Николаевич Третьяков — нату-

ра ярко колоритная, ищущая. Сомнение, критический подход были ему присущи всегда. Издав в 1948 г. книгу «Восточнославянские племена», он сразу же почувствовал в душе сомнения в правильности решения некоторых вопросов. Начиналась дискуссия в науке о «новом учении» Н. Я. Марра. И в результате размышлений появилась через пять лет, в 1953 г., другая книга под таким же названием — «Востоочнославянские племена». Однако эта работа не является просто вторым изданием. Нет, эта работа оказалась новым, самостоятельным исследованием.

Видимо, приблизительно так же рассматривал Петр Николаевич два издания — «Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге» и «У истоков древнерусской народности» — в последние годы жизни. Вновь появилось у него сомнение и даже самокритика. Начинаются поиски... Но смерть прервала нить исследований историка.

Петр Николаевич Третьяков был не только крупным, масштабным археологом и историком, но и педагогом, редактором и исследователем-организатором. В 1950—1953 гг. он был главным редактором журнала «Вопросы истории», а позднее — заместителем академика-секретаря Отделения исторических наук АН СССР. В 1951 г. он стал директором Института славяноведения АН СССР. Он был требовательным к себе и к сотрудникам института, главные черты его характера — справедливость, служение науке и доброта сердца. Он не боялся споров в коллективе, он даже сам мог поднять резким словом спор, но в результате появлялось решение, правильное и серьезное.

Главной задачей Института славяноведения в то время были коллективные капитальные исследования по истории славянских стран. Петр Николаевич сразу же вошел в эти дела и начал редактировать труды. В 1954—1959 гг. была выпущена серия коллективных трудов, которыми он сам руководил: «История Болгарии» (т. 1—2, М., 1954—1955, редактор П. Н. Третьяков совместно с С. А. Никитиным и Л. Б. Валевым), «История Польши», т. I (М., 1954, изд. 2, М., 1956,

редактор П. Н. Третьяков совместно с В. Д. Королюком и И. С. Миллером), «История Чехословакии», т. I (М., 1956, редактор П. Н. Третьяков совместно с Г. Э. Санчуком) и т. 2 (М., 1959, редактор П. Н. Третьяков совместно с С. А. Никитиным, М. А. Полтавским и Г. Э. Санчуком).

Создание обобщающих работ по истории славянских стран — долг коллектива института и его директора — таков завет Б. Д. Грекова и В. И. Пичеты институту и П. Н. Третьякову. Историческая отечественная наука и историческая европейская наука были до сих пор разорваны между собой. Причиной разрыва были региональные исследования по истории Центральной и Юго-Восточной Европы. Коллектив института и директор совместными усилиями закрыли этот разрыв во всемирно-исторической науке.

Продолжая работу по истории славянских стран, Петр Николаевич довольно быстро включился в проблематику славянского этногенеза. Появился коллектив Петра Николаевича — ученики и сотрудники в Институте археологии в Москве. Одновременно в Институте славяноведения Петр Николаевич привлек лингвистов к проблеме происхождения славян. Результатом исследования лингвистов была книга В. Н. Тошорова и О. Н. Трубачева «Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья» (М., 1962).

С 1958 г. Петр Николаевич работает в Ленинграде, занимаясь проблемой этногенеза славян. Научные связи с институтом у него сохранились, но центр тяжести его работ оказался в археологии.

Деятельность Петра Николаевича на посту директора Института славяноведения (1951—1958) осталась в памяти сотрудников нашего института как важная полоса в жизни коллектива, в истории института. Он был большим ученым, трезвым, умным, организатором опытным и справедливым, а коллектив института — молодым и задорным. У всех, кто знал Петра Николаевича Третьякова, навсегда сохранится в сердцах его облик ученого и человека.

В. Д. Королюк

ВИТОЛЬД ДОРОШЕВСКИЙ

Печальная весть из Варшавы о кончине академика Витольда Дорошевского не была неожиданной. Уже несколько лет могучий организм ученого боролся с тяжким недугом. И тем не менее услышать сообщение об этом было мучительно. Мы ясно отдаем себе отчет в том, сколь велика утрата не только для польской науки, для многочисленных учеников и друзей В. Дорошевского в Польше. Ушел из жизни ученый, труды которого оказали большое влияние на развитие науки за пределами Польши, ушел из жизни человек, имевший много близких друзей и последователей во многих странах мира.

Акад. В. Дорошевский (1899—1976) пользовался огромной популярностью в Польше. Его имя было хорошо известно во всех слоях общества. Этому способствовали не только его многочисленные труды исследовательского и популярного характера, но, прежде всего, его «Rozmowy o języku», с которыми он регулярно в течение многих лет выступал по польскому радио. Эти беседы позже издавались отдельными сериями и быстро исчезали из книжных магазинов. Авторитет академика в вопросах языка в стране был непререкаемым. К нему за советами обращались люди разных возрастов, разных специальностей, различного культурного уровня. Он умел рассказывать о сложных проблемах языка так, что его с интересом слушала самая неподготовленная аудитория. Широкое распространение в Польше получил журнал «Rogadnik językowy», редактором которого с 1932 г. был В. Дорошевский.

Витольд Антонович Дорошевский родился в Москве в семье известного ученого-химика. Здесь же в Москве он прошел полный курс гимназии, которую закончил с золотой медалью в 1917 г. Осенью того же года он поступил на ис-

торико-филологический факультет Московского университета, однако успел здесь закончить только первый курс. После восстановления независимости Польши в 1918 г. он уехал в Варшаву, где прожил всю жизнь. «Русское прошлое» Витольда Антоновича не прошло бесследно: он превосходно владел русским языком, отлично знал русскую литературу. Близка была ему и Украина. Я не раз слышал в его исполнении украинские народные песни, его украинское произношение было безупречным.

В Варшаве В. Дорошевский поступил в местный университет, который успешно закончил в 1923 г. по специальности польская филология. С 1924 г. начинается его работа в университете на кафедре польского языка. С этой кафедрой была связана вся его научная жизнь. Начал он с должности ассистента, а затем, пройдя ряд обязательных ступеней, стал руководителем кафедры. После смерти проф. С. Шобера в 1938 г. молодой В. Дорошевский становится во главе варшавской полонистики. Большая и ответственная работа легла на плечи ученого после войны. Он активно участвовал в возрождении польской науки, университета, принимая самое деятельное участие в работе Польской Академии наук, став ее действительным членом. Все послевоенные десятилетия он был признанным руководителем двух больших научных коллективов полонистов: в университете и в Академии наук.

Глубоки были связи ученого с зарубежной наукой. В 1924 г. он впервые выехал в Париж, где был лектором польского языка в «Национальной школе живых восточных языков». Активное участие молодой ученый принимал в работах предвоенных лингвистических съездов в Праге, Женеве, Риме, Амстердаме и др.

Большая организационная работа была проделана им по подготовке II Международного съезда славистов в Варшаве в 1934 г. После войны значительно расширилась география его научных связей. Много раз для участия в съездах и конференциях, различного рода заседаниях, для чтения лекций он выезжал в Советский Союз, во многие страны Европы и Америки. Всюду В. Дорошевскому сопутствовал большой успех. Слушателей всегда поражала не только глубина и оригинальность высказываемых им мыслей, но и безупречная форма изложения. Этому способствовал природный артистизм ученого и великолепное владение главными европейскими языками. Он был председателем Национального комитета славистов, а также членом Международного комитета славистов. Во время подготовки и проведения VII Международного съезда славистов в Варшаве он был председателем Международного комитета славистов. В послевоенные годы В. Дорошевский был избран членом ряда иностранных академий наук и почетным доктором ряда университетов. Свидетельством широкой популярности ученого и признанием его вклада в развитие мировой науки о языке является четырехтомный сборник в его честь, опубликованный в 1963—1965 гг., в создании которого приняли участие многие лингвисты Европы и Америки.

Акад. В. Дорошевский работал в различных областях теоретического и славянского языкознания. Уже в молодые годы он много думал над общими проблемами науки. Еще в 20-е годы он активно обсуждал те сложные теоретические проблемы, которые были поставлены Ф. де Соссюром в его знаменитом «Курсе общей лингвистики». Далеко не все решения выдающегося женева лингвиста были приняты молодым польским ученым. В этом отношении особенно примечательна его статья «Язык и речь (страница из истории общих идей в языкознании)» (1929), в которой он подверг критике одно из основных положений Ф. де Соссюра. Он принимал участие в разработке теории фонем, осветив ряд новых аспектов этой сложной теоретической проблемы. С самого начала научной деятельности его всегда интересовали вопросы словообра-

зования. Именно словообразованию он посвятил свои новаторские работы 20-х годов, которые до сих пор сохраняют свое значение. Параллельно с этим шли исследования В. Дорошевского в области семантики. Еще в предвоенные годы имя В. Дорошевского стало широко известно, прежде всего, как оригинального и смелого теоретика.

Дальнейшее углубление общетеоретических взглядов В. Дорошевского обнаруживается в его послевоенных работах. Он основательно изучает психологию, знакомится с работами по физиологии акад. И. П. Павлова. Во весь рост перед ним встает проблема языка и мышления, различные аспекты которой он пытается осветить, опираясь на достижения современной науки.

В. Дорошевский всегда интересовался вопросами диалектологии, в частности, лингвистической географии. Еще в 1929 г. он опубликовал небольшую статью «Заметки о методах лингвистической географии». Однако только в послевоенный период его деятельность в области диалектологии получила широкий размах. Он возглавил большой коллектив молодых диалектологов по изучению польских диалектов Вармии и Мазур. В результате их деятельности опубликовано большое число монографий, освещающих всестороннее состояние интереснейшей языковой области Польши. В последние годы В. Дорошевский принимал деятельное участие в работе над Общеславянским лингвистическим атласом.

Дальнейшее развитие получила деятельность польского ученого в области лексикографии. После войны перед лексикографами была поставлена ответственная задача подготовки и издания нового капитального толкового словаря польского языка, который бы всесторонне отразил лексическое богатство литературного языка XX в. Старый «Варшавский словарь» отразил лексику второй половины XIX в. Сохраняя свое большое значение, он, конечно, не мог уже удовлетворять тем требованиям, которые предъявляло к словарю современное общество. Продолжая старые академические традиции, Польская Академия наук признала создание нового словаря своей первоочередной задачей. Возглавил всю работу

В. Дорошевский, который разработал теоретические основы словаря и всесторонне осветил все вопросы методики и лексикографической техники. Был образован большой коллектив квалифицированных лексикографов, который под руководством В. Дорошевского создал, может быть, самый лучший славянский толковый словарь. «Słownik języka polskiego» (11 томов) — выдающийся памятник современной польской культуры.

Работа над словарем значительно углубила теоретические взгляды В. Дорошевского в области лексикологии и семиологии. По складу своего мышления ученый не мог ограничиться лишь решением прикладных сторон лексикографии. Он прекрасно понимал, что новый труд требует углубленной разработки теоретических основ науки. Именно этим основам он и посвятил несколько замечательных работ, одна из которых под названием «Элементы лексикологии и семиотики» была опубликована в русском переводе издательством «Прогресс» в 1973 г. Нет сомнения в том, что эта книга поднимет уровень лексикографической работы в нашей стране.

Чтение книг и статей В. Дорошевского

всегда будоражит мысль, желание глубже понять конкретные факты, учить точности и лаконизму. Сам В. Дорошевский однажды очень хорошо написал: «Наука не могла бы развиваться, двигаться вперед, если бы результаты работы не могли быть сформулированы в виде кратких выводов, передающих сущность достигнутых результатов и действующих как импульсы для дальнейших исследований». Отлично сказано!

В. Дорошевский был не только крупным ученым, но и необыкновенно яркой личностью. Природа щедро одарила его различными талантами. В. Дорошевский любил жизнь во всех ее проявлениях, был веселым и остроумным собеседником, превосходным рассказчиком. Его память хранила много смешных и забавных историй из жизни известных деятелей науки и культуры. Большое место в его жизни занимал спорт, он был опытным яхтсменом, любил путешествовать и умел отлично передать свои впечатления об увиденном собеседнику.

Память о замечательном польском ученом и человеке у всех знавших его сохранится навсегда.

С. Б. Бернштейн

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1976 ГОДУ

СТАТЬИ

Аверина С. А. К характеристике лексического варьирования в древнейших славянских переводах	№ 2
Азбелев С. Н. О типологических соответствиях и исторических взаимосвязях в славянском эпосе	№ 4
Бегунов Ю. К. Неизвестные произведения славяно-румынской эпидейтики и стихотворчества середины XVII в.	№ 3
Безлай Ф. Немецкое Himmel (reich) и славянское *igijь, yugijь	№ 5
Бернштейн С. Б., Леппикова Г. П. Процессы языковой интерференции на Карпатах и «Общекарпатский диалектологический атлас»	№ 2
Бовуа Д. Основные этапы развития французской славистики	№ 5
Брожек А. Силезская проблематика в трудах советских историков	№ 3
Вальтер Х. Из истории болгарского Возрождения	№ 1
Великов С. О деятельности болгарской школы в Царьграде	№ 2
Власова М. Э. Из истории и теории польской реалистической новеллы второй половины XIX века (К вопросу о традициях малого прозаического жанра)	№ 1
Волоцкая З. М. Некоторые наблюдения над структурой толкования мотивированных слов (на материале словарных статей в «Словаре польского языка» под ред. В. Дорошевского)	№ 6
Гавриков Г. В. О международной деятельности Болгарского земледельческого народного союза	№ 6
Гиндин Л. А., Калужская И. А. К вопросу о лексических карпатизмах субстратного происхождения	№ 6
Гришина Р. П. Отношение буржуазии к экономической политике военнотолкательского правительства Цанкова в Болгарии (1923—1925 гг.)	№ 3
Гришина Р. П. «Лекции о фашизме» П. Тольятти и некоторые вопросы изучения фашизма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы	№ 6
Гурский Р. О достижениях польской фольклористики	№ 5
Гусев В. Е. Рукописный сборник из библиотеки Вука Караджича — памятник дубровницкой культуры конца XVII — начала XVIII века	№ 2
XXV съезд КПСС	№ 3
Дикунова А. М. Экономические связи Югославии с развивающимися странами	№ 5
Еремеева Г. И. Из истории идеологии чешского буржуазного радикализма второй половины XIX в. (журнал Й. В. Фрича «Блавик»)	№ 5
Жилко Ф. Т. Проблемы региональных атласов славянских языков	№ 3
Зарубин Л. А. Следы большой материнской семьи у славян	№ 3
Зеленина Э. И. Термины ткачества в балканских болгарских говорах Молдавии	№ 4
Игнатьева Т. В. Борьба демократических сил против оппозиционной группировки Н. Петкова в БЗНС за осуществление социально-экономических преобразований в Болгарии в первые годы народной власти	№ 2
Исеров М. В. Принципы социалистического интернационализма — основа взаимоотношений социалистических стран	№ 1
Каспер М. Борьба лужицких сербов за национальное равноправие в 1919—1932 годах	№ 6
Королюк В. Д. Перемещение славян в Подунавье и на Балканы (славяне и волюхи в VI — середине VII в.)	№ 6
Костюшко И. Регуляция и выкуп феодальных повинностей в Силезии в 1816—1849 годах	№ 5
Логачев К. И. К вопросу о том, кто был изобретателем первоначального славянского алфавита	№ 4
Лукомник И. И., Салехов Н. И. Великий вклад Советского Союза в дело освобождения стран Центральной и Юго-Восточной Европы	№ 5

Львов А. С. О записи про Константина-Кирилла философа в календаре Остромирова евангелия	№ 1
Маковецкая Т. Ф. Политическая борьба в болгарском парламенте вокруг законопроекта БЗНС об аграрной реформе	№ 4
Марков Д. Ф. Новый этап исследований истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы (Некоторые итоги и перспективы работы Института славяноведения и балканистики АН СССР)	№ 3
Матерский В. Из истории польско-советских отношений в межвоенный период (Миссия Л. Даровского в Москве)	№ 6
Михутина И. В. Советско-польские отношения в начале польско-германского сближения (февраль — апрель 1934 г.)	№ 1
Мокиенко В. М. Структурно-семантическая диффузия русской и чешской фразеологии (На материале фразеологических рядов 'бить, наказывать')	№ 1
Наумов Е. П. К истории сербского феодального государства в конце XII — начале XIII века (Центральная власть и удельные княжества)	№ 1
Наумов Е. П. Свидетельства сербских летописей в составе Русского хронографа (К истории русско-сербских культурных связей XV в.)	№ 4
Прокофьева Д. С. Об одном стихотворении Тадеуша Лада-Заблочного искусства в XVI—XVII веках	№ 4
Рощевская Л. П. Члены польской партии «Пролетариат» в западно-сибирской ссылке	№ 6
Санчук Г. Э. Герmano-чешские отношения первой половины X века	№ 2
Скшипек А. Польско-советские переговоры 1934 г. по вопросу о балтийской декларации	№ 2
Соколов А. И. Проблемы углубления социалистической экономической интеграции	№ 2
Софронова Л. Польский театр эпохи Просвещения и народная театральная культура	№ 6
Тодоров Н. Славянские культуры и Балканы	№ 4
Тюрин В. ЮНЕСКО и проект изучения славянских культур	№ 6
Чернявский Г. И. Миссия советского Красного Креста в Болгарии (1922—1923 гг.)	№ 1
Чорный В. П. Апрельское восстание в Болгарии 1876 года	№ 4
Чугаев В. П. Деятельность «Красной помощи в Польше» в 1924—1938 годах	№ 4
Ягодский Л. С. Некоторые аспекты опыта социалистического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы	№ 4
Яжборовская И. С. Социально-политические аспекты процесса национализации в народной Польше	№ 3

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Кишкин Л. С. Знакомство и переписка Франтишека Палацкого с В. А. Жуковским	№ 2
--	-----

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Бирман М. А. Богдан Баров — автор первого романа о болгарских рабочих	№ 5
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Бегунов Ю. К. Второй Кирилло-Мефодиевский сборник	№ 2
Библиография (составители: Калоева И. А., Козловская И. И., Кошкина Е. А., Огнева А. Я., Скворцова Н. М., Смирнова Р. Н.)	№ 1—6
Большакова К. Je. Jaros. Historia górnictwa węglowego w Polsce Ludowej (1945—1970)	№ 5
Валев Л. Б. Д. Б. Мельцер. Советско-болгарские отношения (1917—1935 гг.)	№ 1
Виноградова А. И. Н. Н. Грацианская. Этнографические группы Моравии. К истории этнического развития	№ 4
Гаврилова С. М., Комкова Т. И., Лаврик Э. Г. Глашатай чехословацко-советской дружбы и сотрудничества	№ 6
Гольберг А. Л. Первая польская книга о Крижаниче	№ 4
Горский И. К. «Studia polono-slavica-orientalia»	№ 1
Горский И. К. Я. В. Станкович. Реализм Марии Домбровской	№ 5
Грачев В. П., Наумов Е. П. История Белграда — с древнейших времен до первой мировой войны	№ 3
Григорьянц Т. «Dokumenta Occupationis», t. IX	№ 6

Гудков В. П. П. А. Дмитриев, Г. И. Сафронов. Из истории русско-югославянских литературных и научных связей	№ 3
Душенко К. В. М. Brykalska. Aleksander Swiętochowski — redaktor «Prawdy»	№ 4
Зюзюкина Т. Е. I. Дубовац. Штампарство и графички радници у Србији 1831—1941 г.	№ 6
Карпенко Ю. А. Л. И. Ройзензон. Многоприставочные глаголы в русском и в других славянских языках	№ 3
Кишкин Л. С. Вопросы сравнительного изучения литератур в «Словаре литературоведческих терминов»	№ 6
Клепацкий Л. Н. Научная серия «Экономика и политика зарубежных стран социализма»	№ 2
Копыленко М. М. Б. М. Гаспаров, П. С. Сигалов. Сравнительная грамматика славянских языков	№ 4
Кургулян Т. Ценное исследование по истории международных отношений в Европе 20—30-х годов XX века	№ 5
Лаптева Л. П. Лужицкие сербы в тисках кайзеровской империи	№ 3
Лешчина М. «Rocznik Lubelski»	№ 3
Липатов А. В. Просвещение — романтизм (Новейшие польские исследования)	№ 4
Л. К. Чешские переводы Некрасова	№ 1
Мелешко В. И. Исследование экспансии католической церкви в Белоруссии	№ 4
Мунтян М. А. «Социалистическата външна политика на Народна Република България. 1944—1974»	№ 1
Мыльников А. С. Е. П. Львова. Изобразительное искусство Болгарии эпохи национального Возрождения	№ 1
Немировский Е. Л. Новый труд о начале книгопечатания на Украине Ольшанский П. Н. Euzebiusz Basinski, Tadeusz Walichnowski. Stosunki polskoradzieskie. 1944—1974	№ 2
Откупщиков Ю. В. «Балто-славянские исследования»	№ 2
Плотников Б. А. Именное склонение в славянских языках. XI—XIV вв. Лингвистический анализ по материалам памятников древнеславянской письменности	№ 5
Попов Г. Н., Чернявский Г. И. А. И. Доронченков. Интернациональное и национальное в мировой социалистической системе	№ 3
Северная О. А. Актуальное исследование о болгарской интеллигенции	№ 1
Семенова О. История архитектурного ансамбля Королевского Замка в Варшаве	№ 2
Сидельников С. И. Веселин Трайков. Георги Стойков Раковски. Биография	№ 3
Табачников Б. С. М. Фалькович. Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907—1912)	№ 4
Танев С. И. В. Ганевич. Деятельность Болгарской коммунистической партии по укреплению диктатуры пролетариата (сентябрь 1944—1948 г.)	№ 4
Тесемников В. А., Терехов В. К. Ю. А. Писарев. Образование югославского государства (Первая мировая война. Освободительная борьба югославских народов Австро-Венгрии. Крушение монархии Габсбургов)	№ 5
Толстой Н. И. Большой синонимический словарь сербскохорватского языка	№ 2
Фалькович С. М. Р. Я. Евзеров, И. С. Яжборовская. Роза Люксембург. Биографический очерк	№ 1
Флорья Б. «Poselstvi z Prahy do Moskvu roku 1589»	№ 5

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Аксенова Е. П. Научная конференция, посвященная 150-летию восстания декабристов	№ 3
А. С. В Ленинградском отделении Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики	№ 4
Бычкова Л. Конференция советских и польских историков в Сухуми	№ 4
Валев Л. Б. V заседание Комиссии историков СССР и НРБ	№ 6
Гогина К. Конференция чехословацких и советских историков	№ 2
Жакова Н. К. Роль славянских матиц в развитии культуры и национального самосознания славянских народов (К 150-летию Матицы сербской)	№ 6
Злыднев В., Рогов А. Комплексная конференция в Варне по проблемам славянских культур	№ 2

И. И. Советско-польский симпозиум по проблеме «Европейский фашизм» . . .	№ 4
К а л у ж с к а я И. А. III симпозиум по балканскому языкознанию «Античная балканистика 2»	№ 2
М а к а р Ю. И., Т е о д о р о в и ч И. М. VII Всесоюзная научная конференция историков-славистов	№ 1
М о р о з В. К. Научная конференция «Первая русская революция 1905—1907 гг. и ее влияние на страны Центральной и Юго-Восточной Европы»	№ 3
Н о р м а н Б. Ю. Симпозиум языковедов в Минске	№ 6
П о н о м а р е в а Н. Международный симпозиум «Проблемы связей русской и советской литературы с другими национальными литературами мира»	№ 2
П р о к о ф ь е в а Н. Международный научный симпозиум по истории славистики	№ 2
XVII пленарное заседание Международного комитета славистов	№ 1
Тематика VIII Международного съезда славистов	№ 1

НЕКРОЛОГИ

Б е р н ш т е й н С. Б. Витольд Дорошевский	№ 6
В е н е д и к т о в Г. К. Памяти профессора Любомира Андрейчина	№ 3
К о р о л ю к В. Д. Петр Николаевич Третьяков.	№ 6
К о с т ю ш к о И. Иван Александрович Хренов	№ 2

CONTENTS

G. V. Gavrikov. About the international activity of the Bulgarian Agrarian Popular League. *Voitech Materski* (Poland). From the history of the Polish-Soviet relations between the two wars (L. Darovski's mission in Moscow). *R. P. Grishina.* P. Tollatti's «Lectures on the fascism» and some questions of the study of the fascism in the Central and South-East European countries. *Martin Kasper* (GDR). The struggle of the sorbs for the national rights in 1919—1932. *L. P. Roshchevskaya.* The members of the Polish party «The proletariat» in the deportation in the west Sibiria. *V. D. Korolyuk.* The displacement of the Slavs into the Danubian area and on the Balkans (slavs and wallachs in the VI-th — middle of the VII-th centuries). *V. Tjurin.* UNESCO and the project on the study of slavic cultures. *L. Sofronova.* The polish theatre of the Enlightenment and the popular theatrical culture. *L. A. Gindin, I. A. Kaluzhskaya.* To the lexical carpathisms of the substratum origin. *Z. M. Volotskaya.* Some observations on the structure of the interpretation of the motivated words 3

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

S. M. Gavrilova, T. I. Komkova, E. G. Lavrik. The herald of the Czechoslovak-Soviet friendship and co-operation. *T. Grigoryants.* «Dokumenta occupationis», t. IX. *T. Je. Ziuzjukina.* Ј. Дубовац. Штампарство и графички радници у Србији 1831—1941 г. *L. S. Kishkin.* Problems on comparative study of literatures in the «Dictionary of literary terms» 87

Bibliography

The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign slav peoples published in the soviet periodicals in 1976 (continuation). The contents of foreign periodicals 97

SCIENTIFIC LIFE

L. B. Valev. The fifth session of the Comission of the historians of the USSR and Bulgaria. *N. K. Zhakova.* The role of slavic societies (matica) in the development of the culture and national consciousness of the slav peoples (to the 150-th anniversary of the serbian matica). *B. Yu. Norman.* A Symposium of linguists in Minsk 103

V. D. Korolyuk. Piotr Nikolajevitch Tretjakov. *S. B. Bernshtein.* Vitolod Doroshevski 111

Index of the articles and materials published in 1976 116

Технический редактор *Е. В. Симицына*

Сдано в набор 10/VIII-1976 г.	Т-16554	Подписано к печати 18/X-1976 г.	Тираж 1255 экз.
Зак. 937	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}	Усл. печ. л. 10,5	Бум. л. 3 ^{3/4}
			Уч.-изд. л. 10,9

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

№ 17

Б ОРДЫНКА 34/38 КВ 40

ТОЛСТОМУ Н И

70891

1-12

Цена 1 руб.

Индекс 70891

К